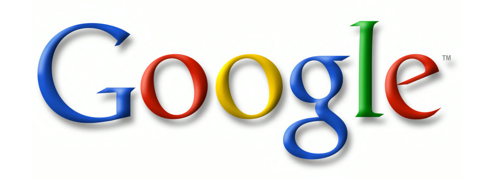

PREDATELI ROSSII...

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

№ 6.

Изданіе Русскаго Народнаго Союза имени
Михаила Архангела

ПРЕДАТЕЛИ РОССІИ

(Развалъ Русской
школы на Кавказѣ).

С.-Петербургъ.
Типографія „Россія", [illegible]
190[illegible]

Въ іюлѣ нынѣшняго года, въ 20-ти верстахъ отъ г. Тифлиса, въ дачномъ мѣстѣ *Авчалы* состоялось многолюдное засѣданіе *кавказскаго центральнаго революціоннаго комитета*. На этомъ собраніи присутствовали делегаты районныхъ революціонныхъ организацій городовъ: *Баку*, *Елисаветполя*, *Тифлиса*, *Александрополя*, *Эривани*, *Кутаиса*, *Озургетъ*, *Батума*, *Поти* и *Хони*. Послѣ пятичасового совѣщанія тридцать семь делегатовъ единогласно постановили:

1) *Для болѣе успѣшнаго вооруженнаго возстанія въ краѣ экстренно усилить революціонизированіе чиновъ мѣстныхъ войскъ и сельскаго населенія.*

2) *Вслѣдствіе недостатка нужнаго числа огнестрѣльнаго оружія и припасовъ къ нимъ процентный сборъ съ торговаго, рабочаго люда повысить съ четырехъ процентовъ на пять, съ крестьянъ же сборы не увеличивать. Усилить экспропріаціи.*

3) *Такъ какъ русское правительство имѣетъ намѣреніе свободныя земли на Кавказѣ заселить русскими переселенцами, принять всѣ мѣры до уничтоженія (!!) отдѣльныхъ партій переселенцевъ, дабы воспрепятствовать нашествію русскихъ на Кавказъ.*

4) **Въ случаѣ, если правительство захочетъ измѣнить существующій нынѣ режимъ на Кавказѣ и смѣнить Воронцова-Дашкова, то замѣстителя его казнить (!!) до пріѣзда на Кавказъ.**

5) *Установить непрерывную связь съ турецкими и персидскими революціонерами.*

6) *Всѣхъ препятствующихъ приведенію въ исполненіе настоящаго постановленія, не предупреждая виновныхъ (!!) казнить („Русская Земля“ № 761).*

— · —

№ 6.

Изданіе Русскаго Народнаго Союза имени
Михаила Архангела.

ПРЕДАТЕЛИ РОССІИ

(Развалъ Русской
школы на Кавказѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Россія". Бассейная, 3.
1908.

Развалъ русской школы на Кавказѣ.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ показать, на основаніи удостовѣренныхъ мѣстной и отчасти столичной періодической прессой фактовъ, до какого глубокаго паденія дошла наша русская школа на Кавказѣ въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Не вдаваясь въ изслѣдованіе причинъ, породившихъ этотъ развалъ нашей школы здѣсь, а также и въ изысканіе средствъ для поднятія ея на должную высоту, что завело бы меня слишкомъ далеко и что можетъ составить предметъ особой статьи, я буду только констатировать глубоко печальные факты распада нашей русской школы на Кавказѣ, отмѣчая по мѣстамъ растерянность, попустительство и даже иногда какъ бы и пособничество этому распаду не только со стороны педагоговъ, прямыхъ исполнителей дѣла, но и со стороны мѣстнаго учебнаго начальства и даже мѣстной высшей власти въ краѣ.

I. Время попечителя г. Завадскаго.

Какъ революціонное движеніе вообще, такъ и развалъ русской школы на Кавказѣ въ частности начались задолго до такъ наз. „революціи" внутри Россіи. Въ Кутаисской губ. на почвѣ недовольства разными налогами въ пользу духовенства и дворянства произошли весьма крупные безпорядки еще въ 1902 году, т. е. задолго не только до русской революціи, но даже и до нашей войны съ японцами. Вслѣдъ за безпорядками въ Кутаисской губ. пошли безпорядки въ Батумской области и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Уже тогда особенно среди картвельскаго племени Западнаго Закавказья явились разныя соціалъ-демократическія бредни политическаго характера; уже тогда лозунгомъ всѣхъ недовольныхъ русскимъ правленіемъ явилось объединеніе кавказскихъ народностей, такъ наз. пресловутая „эртоба", которая впослѣдствіи сдѣлалась политическимъ знаменемъ почти всѣхъ закавказскихъ туземцевъ и которая породила все то зло, свидѣтелями котораго были мы всѣ. Волновались взрослые, волновались отцы; волновались въ это же время и дѣти ихъ, школяры. Пальма первенства и здѣсь принадлежитъ все тому же Западному Закавказью, гдѣ населеніе наиболѣе экспансивно, и въ частности все въ той же Кутаисской губ. Доказательствомъ этого служитъ

безобразнѣйшій бунтъ учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній г. Кутаиса не только мужскихъ, но даже и женскихъ. Съ особой силой разразились эти безпорядки между учебными заведеніями вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Кутаисскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ усерднымъ попустителемъ ихъ былъ директоръ Бабанскій, который впослѣдствіи въ 1905 году былъ переведенъ, какъ-бы, въ награду за такую свою дѣятельность въ Тифлисское реальное училище, вмѣсто г. Тирютина, всегда умѣвшаго держать ввѣренное ему училище въ должномъ порядкѣ. Не вдаваясь въ подробное описаніе этого бунта учащихся г. Кутаиса, но желая показать, въ какія отвратительныя формы онъ вылился, напомню только, что воспитанники Кутаисской духовной семинаріи въ это время осквернили св. престолъ въ церкви. Все это происходило тогда, когда никакой революціи не было внутри Россіи, когда былъ еще живъ Министръ Внутр. Дѣлъ Плеве, который настаивалъ на закрытіи всѣхъ кутаисскихъ учебныхъ заведеній, на что не согласилось учебное начальство Кавказскаго учебнаго округа и на что согласился только Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, закрывши навсегда Кутаисскую дух. семинарію. Такимъ образомъ самая первая вспышка революціоннаго выпада учащихся въ Кутаисѣ осталась совершенно безнаказанной. И вотъ по данному изъ Кутаиса сигналу какъ революціонное движеніе, такъ въ частности и безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ быстро распространились по всему Кавказу. Изъ многихъ фактовъ того времени укажу только на нѣкоторые. По слухамъ въ Сухумѣ ученики городского училища хотѣли убить учителя; по этому случаю было произведено дознаніе мѣстнымъ директоромъ нар. училищъ и, кажется, слѣдственной властью. Было постановлено уволить изъ училища по этому дѣлу 5 учениковъ; директоръ утвердилъ такое постановленіе Совѣта, а Попечитель округа г. Завадскій, говорятъ, приказалъ принять ихъ обратно. Въ Тифлисскихъ учебныхъ заведеніяхъ уже тогда начались забастовки и безпорядки учащихся, которые, подъ вліяніемъ политической „эртобы“ (сліяніе, единеніе) всѣхъ кавказскихъ народностей, провели до конца эртобу между мужскими и женскими учебными заведеніями. Гимназисты и гимназистки, бросивъ учебныя заведенія, въ какомъ-то упоеніи шли на гору св. Давида на митингъ, а оттуда въ сладкой истомѣ возвращались обратно въ городъ, обнявшись другъ съ другомъ. Когда спрашивали такія парочки, къ какому результату они пришли на митингѣ, то наглые юноши отвѣчали: „объ этомъ узнаете чрезъ 9 мѣсяцевъ“. И вотъ, дѣйствительно, не мало гимназистокъ къ этому времени покончили съ собой. А педагоги со своимъ начальствомъ смотрѣли на все происходившее вполнѣ хладнокровно, какъ будто бы все это нисколько не касалось ихъ. Въ это же время въ I Тифлисской мужской гимназіи произошли крупные безпорядки на почвѣ недовольства учениковъ своимъ директоромъ Нюблингомъ. Но здѣсь я предоставлю говорить ученику В. Л., который выпустилъ въ Тифлисѣ въ 1906 году брошюру, подъ заглавіемъ: „Изъ воспоминаній гимназиста I Тифлисской мужск. гимназіи“. Вотъ какъ описывается здѣсь этотъ случай. „Въ одинъ изъ февральскихъ дней рѣшено было изгнать директора и его „кабинетъ“. Наканунѣ въ пансіонѣ былъ собранъ совѣтъ,

который рѣшилъ изгнать директора, дѣйствуя сообща, такъ какъ никто изъ товарищей не отваживался объявить директору о рѣшеніи ученическаго совѣта, безъ риска быть исключеннымъ. Къ этому знаменательному дню заготовлены были маленькія бомбы, которыя при бросаніи на землю взрывались, но своимъ взрывомъ никому вреда не причиняли. Кромѣ того у учениковъ хранился запасъ сырыхъ яицъ: ихъ должны были бросать только въ томъ случаѣ, если бы кто нибудь изъ „департамента тайной полиціи" вздумалъ записывать фамиліи. На другой день рѣшено было открыть военныя дѣйствія послѣ второго урока. Такъ и сдѣлали; первые условные два часа прошли и ученики старшихъ классовъ стали выходить въ корридоръ. Подняли крикъ и бросили нѣсколько бомбъ, желая этимъ вызвать директора изъ его квартиры, чтобы объявить ему о рѣшеніи ученическаго совѣта. Но директоръ не вышелъ. На третьей перемѣнѣ ученики, подкрѣпивши свои силы завтракомъ въ булочной, рѣшили добиться какихъ нибудь результатовъ и начали дѣйствовать энергично. Высажены были всѣ стекла въ классахъ и корридорѣ. Требовали директора. Самъ директоръ опять не вышелъ, а выслалъ свою жену. Жена его пыталась обратить всѣ эти безпорядки въ шутку и своими неумѣстными улыбочками окончательно раздражила толпу учениковъ, такъ что по ея адресу стали отпускаться довольно недвусмысленные намеки (Почему авторъ скрылъ то обстоятельство, что ее забросали въ это время, яйцами не знаю). Въ этотъ день ученики при всемъ своемъ желаніи не могли добиться свиданія съ директоромъ и начали понемногу расходиться. На другой день гимназисты опять потребовали директора, который на этотъ разъ вышелъ и объявилъ, что подаетъ въ отставку. Ученики торжествовали"... Далѣе въ своемъ описаніи юный авторъ впадаетъ уже въ ироническій тонъ... „..февраля 1905 г. непріятель въ числѣ не болѣе 300 человѣкъ неожиданно атаковалъ позицію „Верхній корридоръ", гдѣ въ это время находился полковникъ (инспекторъ) Об...скій и подпоручикъ Стах...въ. Подоспѣвшей помощью непріятель разсѣянъ по классамъ. Въ тотъ же день, въ 12 часовъ пополудни непріятель, подкрѣпивши свои силы у интенданта Алиханова (гимназическій булочникъ) снова атаковалъ позицію, которая на этотъ разъ не устояла и сдалась. Одобренный успѣхомъ непріятель ринулся на позицію „Нижній корридоръ", которая послѣ отчаяннаго сопротивленія доблестныхъ защитниковъ была также взята; при этомъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ защитниковъ полковникъ (другой инспекторъ) К...скій случайно контуженъ былъ тухлымъ яйцомъ въ правую щеку. Герою на мѣстѣ же сдѣлана перевязка. Остальной отрядъ защитниковъ, предводительствуемый штабсъ-капитаномъ Сал...вымъ и поручикомъ Егор....вымъ, однимъ изъ лучшихъ развѣдчиковъ, храбро отступилъ на слѣдующую позицію. Потерь людьми не было". Уже одно это ироническое описаніе недоучившагося гимназиста ярко рисуетъ намъ тѣ безобразія, какія происходили въ это время въ стѣнахъ I Тифлисской мужск. гимназіи; въ дѣйствительности же они были гораздо хуже. Изъ всего видно, что одни изъ членовъ Совѣта гимназіи въ это время совершенно растерялись, а другіе, по сказаніямъ близко стоящихъ къ дѣлу, способствовали развитію этихъ безпо-

начальствомъ изъ заведенія революціонерки, женщины-врача, еврейки, Левенсонъ: упавшую въ обморокъ ученицу-симулянтку носили по корридорамъ и кричали: „умышленно морятъ!“ На частныхъ квартирахъ происходили сходки учащихся подъ руководствомъ нѣкоторыхъ учителей реальнаго училища. Въ началѣ 1905 г. была насильственно устроена забастовка учащихся въ реальномъ училищѣ стараніями преподавателей *Васильева* и *Братковскаго*. Толпа реалистовъ, усиленная другими посторонними лицами, ходила по учебнымъ заведеніямъ и насильственными мѣрами, крикомъ, угрозами, битьемъ стеколъ добилась прекращенія учебныхъ занятій во всемъ городѣ. Въ мартѣ 1905 г. бакинскіе учащіеся, разломавъ двери лѣтняго клуба, устроили грандіозный и своеобразный митингъ, на которомъ какъ они, такъ и вышеупомянутые Васильевъ и Братковскій безпрепятственно произносили рѣчи, далеко выходившія за рамки школьныхъ интересовъ. Полиція разогнала митингъ, послѣ котораго Васильевъ и Братковскій навсегда покинули Баку. Учащіеся даже являлись на такія сходки, гдѣ были музыка, вино и проститутки. Въ мартѣ же учащіеся демонстративно хоронили самоубійцу-гимназистку Лихушину, пѣли революціонныя пѣсни и выкинули красный флагъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ г. Баку въ это время было громадное количество ученическихъ прокламацій, гдѣ крайне рѣзко порицались порядки „проклятаго“ государственнаго строя, административный произволъ властей, „наглые циркуляры Министерства Народнаго Просвѣщенія“, которые превращаютъ учителей въ сыщиковъ. Чтобы выяснить, какія мѣры борьбы противъ революціонныхъ безпорядковъ учащихся принимало высшее учебное начальство, ревизія сенатора Кузьминскаго разсмотрѣла секретныя дѣла каждаго учебнаго заведенія и, кромѣ циркуляровъ о принятіи мѣръ противъ такъ называемыхъ кружковъ самопомощи, о бдительномъ надзорѣ за ученическими шинельными, секретныхъ списковъ уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній по политической неблагонадежности, иногда изъ 2 и 3 классовъ гимназій, ничего другого, чтобы свидѣтельствовало о высшемъ руководствѣ дѣломъ борьбы школы съ революціонной пропагандой, не нашла. Руководство же въ этомъ дѣлѣ начальства Кавказскаго учебнаго округа въ лицѣ Попечителя Завадскаго видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Учительница г. К., которая 6 или 7 лѣтъ тому назадъ играла небольшую роль въ одномъ политическомъ дѣлѣ на Уралѣ, но въ Баку въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ни въ чемъ предосудительномъ не была замѣчена, была допущена директоромъ учительницей русскаго языка въ I женскую гимназію. Попечитель же Завадскій приказалъ немедленно удалить ее; между тѣмъ какъ, по свидѣтельству ревизіи, результаты преподаванія ея оказались блестящими. Рекомендованные же самимъ учебнымъ округомъ Васильевъ и Братковскій оказались самыми рьяными и при томъ совершенно явными распространителями революціонной пропаганды среди учащейся молодежи. Такимъ образомъ отношенія мѣстнаго учебнаго начальства къ революціоннымъ вѣяніямъ носятъ на себѣ слѣды неумѣнья разобраться въ этомъ вопросѣ.

Въ Эривани, 8 января 1905 г. убили учителя математики въ гимназіи Храпко. Этому предшествовала ученическая исторія, за которую были

исключены три гимназиста; но попечитель округа предписалъ совѣту обратно принять ихъ въ гимназію. Разслѣдованіе производилъ Храпко, и ему была приписана вина исключенія. Затѣмъ посыпались угрозы и приказы неугоднымъ учителямъ, подъ страхомъ убійства, убираться куда угодно. Нѣсколько учителей принуждены были оставить службу и скрыться изъ Эривани. Ученики образовали гимназическій революціонный комитетъ въ составѣ 7 членовъ. Ничегонедѣланье тянулось въ учебномъ заведеніи до конца учебнаго года. Подошло время экзаменовъ. И вотъ съ браунингами въ карманахъ, въ нужную минуту вынимаемыми и подносимыми къ носу педагоговъ, экзамены прошли гладко. Только осѣчка вышла съ учителемъ Храпко, который отказался объявить заблаговременно темы по математикѣ; но за то онъ и былъ убитъ немедленно („Новое Время" 21 марта 1907 г. № 11143). Итакъ вполнѣ справедливо, что въ дѣлѣ борьбы съ революціей въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа не оказалось высшаго руководства со стороны мѣстнаго учебнаго начальства. Это замѣчаніе осталось вполнѣ справедливымъ даже до настоящаго времени, не смотря на смѣну Попечителей.

Въ Г. Гори ранней весной 1905 г. произошли крупные безпорядки въ мѣстныхъ городскомъ и духовномъ училищахъ. Для возбужденія и усиленія ихъ пріѣзжали гастролеры изъ тифлисскихъ гимназій. Толпа учащихся, соединившись съ поддонками изъ мѣстнаго общества, выкинувъ красные флаги, отправилась 14 марта по городу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и стала бить стекла тамъ, гдѣ въ это время происходили классныя занятія,—въ женской гимназіи и въ Татарскомъ Отдѣленіи мѣстной учительской семинаріи. Наткнувшись на патруль солдатъ, который далъ ружейный залпъ, толпа разсѣялась. Педагогическій совѣтъ городскаго училища, разслѣдовавъ эти безпорядки, постановилъ уволить нѣсколько главарей этого движенія; но почти всѣ они снова были приняты обратно въ училище по приказанію Попечителя Завадскаго и продолжали по прежнему оказывать свое развращающее вліяніе на остальныхъ.

Долго длившаяся ученическая забастовка и крупные безпорядки въ Ставрополѣ въ началѣ 1905 г. были прекращены только тогда, когда инспекторъ гимназіи г. Апостоловъ объявилъ гимназистамъ, что слѣдующія изъ ихъ требованій приняты педагогическимъ совѣтомъ: 1) Директоръ Мельниковъ—Разведенковъ подалъ въ отставку, 2) Всѣмъ, принимавшимъ участіе въ истребленіи стеколъ и картъ, вина прощается и никто не будетъ подвергнутъ наказанію" и т. д. „(Новое Обозр." 17 марта 1905 г. № 59).

Тогда же, если память не измѣняетъ мнѣ, а можетъ быть и нѣсколько позже, явились въ тифлисскихъ учебныхъ заведеніяхъ (пальма первенства и въ этомъ отношеніи принадлежитъ все той же 1 Тифлисской мужск. гимназіи) ученическіе суды, положеніе о которыхъ разбиралось даже въ Совѣтѣ Попечителя.

Уже изъ одного этого весьма краткаго разсмотрѣнія, такъ сказать предварительнаго періода развала нашей школы на Кавказѣ ясно видно, что движеніе это вполнѣ независимо отъ общероссійскаго; а потому нельзя

согласиться съ тѣмъ излюбленнымъ здѣсь, на мѣстѣ, утвержденіемъ, что какъ революція, такъ и ученическіе безпорядки и самый развалъ нашей школы на Кавказѣ есть порожденіе, необходимое слѣдствіе общероссійской революціи и всеобщаго упадка просвѣщенія внутри Имперіи. Революціонное, или вѣрнѣе антирусское движеніе на почвѣ будущаго автономно-федеративнаго строя на Кавказѣ и развалъ всего русско-государственнаго уклада здѣсь, а въ томъ числѣ и нашей школы, начались еще тогда, когда у насъ на Руси все было спокойно; такимъ образомъ это кавказское движеніе имѣетъ свое особое, вполнѣ самостоятельное значеніе, нисколько независящее отъ соотвѣтствующаго движенія внутри Россіи, которое явилось позже, спустя значительное время. Если мы прослѣдимъ такъ и по остальнымъ окраинамъ, то увидимъ аналогичное этому явленіе; не окраины пошли за метрополіей, а послѣдняя была насильственно брошена ими въ революціонный потокъ. Кавказскіе педагоги, кавказское учебное начальство и высшая мѣстная, слабая въ то время, власть на Кавказѣ въ особенности виновны въ томъ, что всѣ они не только растерялись, при видѣ этого бурнаго туземнаго потока, но даже сами поплыли по нему и помогали ему, расчищая предъ нимъ путь. Это мое мнѣніе получитъ въ дальнѣйшемъ изложеніи еще большее подтвержденіе.

Для лучшей иллюстраціи того, каковы наши кавказскіе педагоги и каковы ихъ чаянія и стремленія, не могу не остановиться на весьма любопытной попыткѣ реорганизаціи нашей средней школы, предложенной весной 1905 г. учителями среднихъ учебныхъ заведеній г. Тифлиса, которые были выбраны, по предложенію Попечителя округа Завадскаго, спеціально для этой цѣли отъ мѣстныхъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Констатировавъ паденіе преподавательскаго престижа, а вмѣсто съ тѣмъ и самой средней школы, эти педагоги признали, что современная средняя школа не удовлетворяетъ назрѣвшихъ потребностей духовной жизни учащихся. А педагогическій совѣтъ 4 Тифлисской женской гимназіи даже высказалъ слѣдующее совершенно неожиданное мнѣніе: „Учащіеся въ своемъ развитіи значительно опередили тѣ свѣдѣнія, которыя имъ даютъ, и потому ученіе ихъ не удовлетворяетъ. Весь строй школы отсталъ отъ условій современной жизни. Учащіеся переросли школу; ихъ запросамъ она не отвѣчаетъ“. Другіе педагогическіе совѣты Тифлиса, отыскивая причины неудовлетворительнаго положенія нашей средней школы, выставили цѣлый длинный рядъ ихъ: недостаточное и неумѣлое педагогическое воздѣйствіе на учащихся со стороны преподавателей, формальное отношеніе ихъ къ дѣлу, неумѣлое преподаваніе; недостатокъ любви къ педагогической дѣятельности и дѣтямъ, отсутствіе солидарности между преподавателями, стѣснительная зависимость педагогическихъ совѣтовъ отъ усмотрѣнія высшаго начальства, подрывъ авторитета при ревизіяхъ, служебная, матеріальная и нравственная зависимость отъ усмотрѣнія директора и связанная съ этимъ неустойчивость положенія преподавателя, негласный способъ разслѣдованія жалобъ на преподавателей, излишняя регламентація учебныхъ плановъ, ограниченіе свободы

въ выборѣ книгъ для библіотекъ, отсутствіе единства и нерѣдко противорѣчіе циркуляровъ и инструкцій въ толкованіяхъ основныхъ законовъ по учебной части, ненормальность положенія классныхъ наставниковъ вслѣдствіе обязанности нести полицейскій надзоръ за учащимися, неудовлетворительность аттестаціи баллами и выдачи наградъ за успѣхи, отсутствіе единства въ системѣ наказанія и безрезультатность ихъ, утилитарный взглядъ на школу родителей и учащихся и проч. Но самымъ главнымъ недостаткомъ современной школы является то, что она, по мнѣнію этихъ педагоговъ, часто преслѣдуетъ узко-политическія цѣли въ ущербъ образовательнымъ и въ своемъ стремленіи къ достиженію ихъ прибѣгаетъ къ чисто-полицейскимъ мѣрамъ.

Приступая къ обсужденію такого печальнаго положенія средней школы, нѣкоторые изъ членовъ комиссіи выборныхъ представителей Тифлисскихъ учебныхъ заведеній сдѣлали слѣдующее заявленіе: „События въ жизни среднихъ учебныхъ заведеній за послѣдніе 2—3 мѣсяца носили столь острый, столь тревожный характеръ, что то успокоеніе, которое достигнуто въ настоящее время общими усиліями педагогическихъ совѣтовъ и родительскихъ совѣщаній, никакимъ образомъ нельзя считать окончательнымъ“; а потому, въ видахъ успокоенія общества, признали необходимымъ оповѣщеніе его чрезъ мѣстныя газеты о направленіи трудовъ и дѣйствій этой комиссіи, на что и было получено разрѣшеніе Попечителя округа.

Послѣ такого діагноза неудовлетворительнаго состоянія нашей современной средней школы, наши педагоги на самыхъ первыхъ же порахъ, при переходѣ къ резолютивной части своей работы, уже вышли изъ намѣченныхъ ими рамокъ и сразу встали на ложный путь. По обсужденіи доклада о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, трактующаго о томъ, что во всѣхъ передовыхъ государствахъ предоставленъ широкій просторъ частной иниціативѣ въ дѣлѣ открытія школъ, и не обращая никакого вниманія на заявленіе, приведенное въ томъ же докладѣ проф. Левассера, предупреждающаго, что конкурренція въ педагогическомъ мірѣ можетъ иногда вырождаться въ политическій антагонизмъ, опасный для національнаго единства, наши Тифлисскіе педагоги съ большой легкомысленностью сдѣлали слѣдующія резолюціи: 1) Учебно-воспитательное дѣло должно быть передано всецѣло въ вѣдѣніе общества, которому правительство приходитъ на помощь субсидіей, поощряя и оказывая съ своей стороны всевозможныя льготы въ дѣлѣ открытія частными лицами и общественными организаціями учебныхъ заведеній. 2) Право открытія всякаго рода учебныхъ заведеній должно принадлежать земствамъ, городамъ, обществамъ, сословіямъ и всѣмъ частнымъ лицамъ обоего пола, не лишеннымъ гражданскихъ правъ. 3) Право завѣдыванія земскими, городскими, общественными и сословными школами принадлежитъ учредителямъ чрезъ ихъ выборныхъ представителей и педагогическимъ совѣтамъ, а право завѣдыванія школой, открытой по иниціативѣ частнаго лица, иниціатору открытія школы чрезъ посредство ея педагогическаго совѣта. 4) Школа должна служить только цѣлямъ образованія и нравственнаго развитія подростающихъ поколѣній, а не быть орудіемъ политики и средствомъ проведе-

нія въ жизнь тенденцій, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами воспитанія души. 5) Средне-учебныя заведенія не должны предоставлять своимъ воспитанникамъ никакихъ правъ и преимуществъ ни для поступленія на государственную службу, ни для продолженія своего образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи". Здѣсь что ни резолюція, то перлъ педагогическаго законодательства. Если въ образованныхъ государствахъ Западной Европы дѣло народнаго образованія и покоится на принципѣ самаго широкаго общественнаго самоуправленія, то нашимъ Тифлисскимъ педагогамъ не слѣдовало бы забывать, что тамъ какъ общество, такъ и весь народъ во всей своей массѣ гораздо болѣе образованъ и воспитанъ въ духѣ законности и государственности, чѣмъ у насъ и при томъ на нашихъ окраинахъ, гдѣ сильно развиты революціонныя стремленія и сепаратистическія тенденціи. Слѣдовательно это широкое общественное самоуправленіе въ школьномъ дѣлѣ, чреватое большими опасностями для нашего государственнаго единства, принесетъ намъ только страшный вредъ. Если даже въ нѣкоторыхъ самыхъ образованныхъ государствахъ правительству принадлежитъ довольно видная роль въ дѣлѣ руководства народнымъ образованіемъ до права закрытія, какъ напр. въ Англіи, тѣхъ школьныхъ комитетовъ, которые не исполняютъ своихъ обязанностей, то какъ можно отдавать учебно-воспитательное дѣло у насъ въ Россіи „всецѣло" въ вѣдѣніе общества, а за правительствомъ признать только одну обязанность приходить на помощь субсидіей?! Впрочемъ, одинъ изъ Тифлисскихъ педагоговъ г. Зачиняевъ договорился до слѣдующаго положенія: „Надо твердо помнить, что правительство въ школьномъ дѣлѣ должно имѣть предъ обществомъ одни только обязанности, но никакихъ правъ". Вмѣсто отвѣта слѣдовало бы сему педагогу предложить отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ и довольствоваться однѣми только обязанностями. Напрасно гг. педагоги жалуются и на то, что наша средняя школа была до сихъ поръ орудіемъ политики и средствомъ проведенія въ жизнь тенденцій, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами воспитанія души. О чемъ здѣсь говорятъ, противъ чего борятся педагоги, не знаю. До сихъ поръ я былъ увѣренъ, что наша средняя школа никакихъ другихъ политическихъ цѣлей не преслѣдовала, кромѣ только той, чтобы учащіеся ея были вѣрноподданными своего Государя и полезными сынами своей родины. Цѣль вполнѣ законная и желательная во всякомъ государствѣ. И нужно замѣтить, что эта цѣль въ послѣднее время оставалась только мертвой буквой въ нашихъ среднихъ школахъ. Лишеніе окончившихъ курсъ средней школы всякихъ правъ и даже правъ для продолженія образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи едва ли понравится нашему обществу, которому такъ хотятъ угодить наши педагоги, такъ какъ гимназіи по закону и для большинства родителей имѣютъ своей главной цѣлью приготовленіе учащихся къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Здѣсь невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе относящаяся сюда мотивированная резолюція члена этой комиссіи г. Шенгера, какъ перлъ логическаго мышленія нѣкоторыхъ педагоговъ. „Мы, педагоги, зная, что и учащіеся и ихъ родители ждутъ отъ насъ, главнымъ

образомъ, аттестата съ его правами, дѣйствуемъ постоянно съ излишней снисходительностью и удостовѣряемъ своими подписями наличность знанія и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы убѣждены въ его отсутствіи. Такая снисходительность въ настоящее время оправдывается отчасти естественнымъ чувствомъ сожалѣнія, которое вызываютъ къ себѣ учащіеся выпускныхъ классовъ; при нормальномъ же положеніи дѣла ее слѣдовало бы назвать преступной. Здѣсь же до извѣстной степени кроется причина некрасивой съ нравственной точки зрѣнія картины экзаменовъ съ ихъ списываніями и другими видами обмановъ. Разсчитывающіе на снисхожденіе и въ концѣ концовъ добивающіеся его понижаютъ общій уровень занятій цѣлыхъ классовъ". Сославшись на то, что всѣ лица, учебныя заведенія и учрежденія, къ которымъ поступаютъ владѣльцы аттестатовъ, постоянно выражаютъ недовольство на ихъ общую неразвитость и малыя познанія до безграмотности и отсутствія трудоспособности включительно, нашъ авторъ продолжаетъ: „Для устраненія всѣхъ этихъ ненормальностей и для возвышенія авторитета школы необходимо уничтожить права, пріобрѣтаемыя вмѣстѣ съ аттестатомъ объ окончаніи средней школы, и предоставить высшимъ учебнымъ заведеніямъ и учрежденіямъ самимъ испытывать желающихъ и опредѣлять, на сколько возможны для нихъ занятія тѣмъ дѣломъ, которому они хотятъ себя посвятить". Здѣсь все отъ начала до конца любопытно: и признанія потворства со стороны педагоговъ умственному ничтожеству учащихся и мотивировка этого преступленія излишней снисходительностью и естественнымъ чувствомъ сожалѣнія, признаніе своей собственной преступности и некрасивой съ нравственной точки зрѣнія картины выпускныхъ экзаменовъ, и наконецъ ссылка на разные авторитеты для доказательства умственной незрѣлости нашихъ зрѣлыхъ юношей. Казалось бы, естественный выводъ изъ всего этого былъ бы тотъ, что нужно было бы принять всѣ мѣры къ тому, чтобы поднять учебное дѣло въ средней школѣ до нормальнаго положенія его; между тѣмъ какъ авторъ совершенно неожиданно дѣлаетъ страшный логическій скачекъ въ совершенно противоположную сторону и требуетъ „для возвышенія авторитета школы" уничтоженія правъ, пріобрѣтаемыхъ вмѣстѣ съ аттестатомъ зрѣлости. Какимъ образомъ устраняется этимъ путемъ всѣ указанныя ненормальности и возвысится авторитетъ школы, предоставляю разъяснить самому автору приведенной резолюціи. На взглядъ же всѣхъ остальныхъ этимъ путемъ наша средняя школа упадетъ еще болѣе. Словомъ первыя резолюціи педагоговъ не блещутъ ни педагогическою обдуманностью и цѣлесообразностью, ни законодательной мудростью, опытностью, или хотя бы государственной осторожностью.

По вопросу объ установленіи единенія семьи и общества со школой на началахъ постоянной организаціи, комиссія педагоговъ, почему-то отклонивъ большинствомъ голосовъ непосредственное участіе родителей въ своихъ засѣданіяхъ, въ то же время признала, что полное единеніе между семьей и школой при современномъ состояніи послѣдней невозможно; въ видѣ же временной мѣры, могущей до нѣкоторой степени уменьшить рознь между семьей и школой, можетъ служить организація родительскихъ

кружковъ. „Единеніе семьи и школы, необходимое въ интересахъ воспитанія и обученія подростающихъ поколѣній, возможно только въ школѣ, организованной при непосредственномъ участія общественной инпціативы, согласно съ дѣйствительными потребностями семейно-общественнаго воспитанія и требованіями педагогики". Резолюція эта, представляя изъ себя въ первой части рядъ противорѣчій и бездоказательныхъ положеній, во второй части является мало понятной, а главное—неубѣдительной. Если родительскіе кружки не принесутъ пользы школѣ при теперешнемъ ея положеніи, то какъ тѣже кружки принесутъ пользу въ будущемъ? Если на эти кружки можно возлагать большія надежды въ будущемъ, при идеальномъ устройствѣ школы, какъ это рисуется нашимъ педагогамъ, когда и улучшать то съ ихъ точки зрѣнія будетъ, пожалуй, нечего, то почему эти самые родители не могутъ принести пользы теперь, когда такъ много предстоитъ работы и улучшеній въ настоящей школѣ? По моему мнѣнію, если эти кружки вообще полезны, то именно теперь имъ и нужно работать, а не тогда, когда все будетъ переформировано на лучшихъ началахъ. Не смотря на такія противорѣчія и неясность положеній, педагоги намѣтили слѣдующія новыя организаціи при школѣ: родительскіе кружки, попечительные совѣты и педагогическія общества; но разработали болѣе или менѣе детально только положеніе о родительскихъ кружкахъ, совершенно почему-то умолчавъ о послѣднихъ двухъ организаціяхъ. Между другими пунктами этого положенія обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій; „Родительскій кружокъ можетъ приглашать въ число своихъ членовъ и всѣхъ лицъ, желающихъ быть ему полезными своимъ опытомъ и знаніями". Разрѣшеніе это слишкомъ рискованно: по нынѣшнему революціонному времени такихъ охотниковъ, желающихъ быть полезными на свой ладъ, найдется очень и очень много. Въ послѣднее время ни одно засѣданіе болѣе или менѣе общественнаго характера не обходилось безъ громаднаго количества такихъ охотниковъ, принадлежащихъ къ самымъ крайнимъ радикальнымъ партіямъ. Они являлись на всѣ дворянскія, городскія, земскія и всякаго рода профессіональныя собранія и вездѣ уклоняли собравшихся въ свою излюбленную сторону,—въ сторону необходимости созвать учредительное собраніе на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ для учрежденія соціалъ-демократической республики. Отъ этихъ криковъ непрошенныхъ охотниковъ стонъ стоялъ по всей Россіи и все пошло, какъ говоритъ народъ, „шиворотъ на выворотъ". Пускать въ родительскіе педагогическіе кружки такихъ господъ не только не полезно, но прямо опасно. Гораздо предусмотрительнѣе и мудрѣе поступилъ бывшій министръ нар. просвѣщенія гр. Толстой, который предоставилъ право участія въ родительскихъ совѣщаніяхъ только родителямъ учениковъ, ихъ опекунамъ и директорамъ и воспитателямъ пансіона-пріюта (гдѣ таковыя имѣются), при чемъ это право никому не можетъ передовѣряемо. "§ 5. Родительскій кружокъ, продолжаетъ комиссія педагоговъ, избираетъ изъ числа своихъ членовъ делегатовъ для присутствія въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта, гдѣ они пользуются одинаковыми правами съ членами совѣта по всѣмъ вопросамъ школьной жизни. § 7. Члены родительскаго кружка имѣютъ право съ разрѣшенія преподавателя присутствовать на урокахъ".

Самымъ кардинальнымъ вопросомъ въ этой комиссіи, какъ и слѣдовало ожидать, оказался вопросъ объ автономіи педагогическаго совѣта среднихъ учебныхъ заведеній. Докладъ по этому вопросу былъ написанъ тѣмъ же г. Зачиняевымъ, выражаясь вульгарнымъ языкомъ, весьма хлестко. „Учитель, кричитъ авторъ, не свободный гражданинъ своего отечества, а невольникъ, закованный въ цѣпи произвола, безправія и всякихъ случайностей. Стѣснутый разнаго рода циркулярами, инструкціями и программами, зависящій въ своей личной педагогической репутаціи, спокойствіи и благосостояніи отъ усмотрѣнія своего начальства, нашъ русскій педагогъ лишенъ всякой возможности свободно проявить свою личность, ни на одну минуту онъ не можетъ оставаться самимъ собой, отдаться радости свободнаго человѣческаго бытія. Рабомъ ты былъ въ древности, рабомъ остаешься и до сегодняшняго дня... Но пробилъ часъ коренного обновленія русской жизни. Наступилъ великій моментъ, требующій всесторонняго преобразованія общественнаго и государственнаго уклада"... Какъ видите,—совсѣмъ по современному, со всѣми пріемами народнаго оратора. Вотъ въ дополненіе ко всѣмъ открытымъ революціонерами рабствамъ прибавилось еще одно,—рабство учителя гимназіи, который хочетъ сбросить съ себя цѣпи всякихъ циркуляровъ, инструкцій и программъ, который хочетъ дѣйствовать только по своему усмотрѣнію, который даже въ своей репутаціи хочетъ зависѣть только отъ себя самого и ни отъ кого больше. Бѣдный рабъ, онъ ни на минуту не можетъ отдаться радости свободнаго человѣческаго бытія!! Не правда ли, читатель, вы до сихъ поръ и не подозрѣвали такого рабства у насъ, въ Россіи? Вы привыкли до сихъ поръ смотрѣть на гимназическаго учителя, какъ на большого неудачника въ жизни, какъ на человѣка сухого, черстваго, безсердечно относящагося какъ къ своему дѣлу, такъ и къ вашимъ дѣтямъ, отданнымъ въ его власть; вы были недовольны его умственной приниженностью, чиновнымъ формализмомъ, полнымъ неумѣньемъ вести учебное и тѣмъ болѣе воспитательное дѣло. Оказывается,—все это и слишкомъ многое другое объясняется его рабствомъ. Теперь онъ хочетъ полной свободы, такой свободы, которая буквально никѣмъ и ничѣмъ не была бы стѣсняема. Онъ теперь сбрасываетъ съ себя всѣ цѣпи рабства. Онъ даже въ своей личной и профессіональной репутаціи хочетъ зависѣть только отъ себя самого!—„Центральнымъ моментомъ стоящаго нынѣ на очереди школьнаго устроительства, продолжаетъ авторъ доклада, является вопросъ о самостоятельности педагогическаго совѣта среднихъ учебныхъ заведеній. Нынѣ „директоръ облеченъ опасной властью произвольно распоряжаться и нравственнымъ авторитетомъ, и служебнымъ положеніемъ, и матеріальнымъ состояніемъ подчиненныхъ ему лицъ педагогическаго персонала". Вслѣдствіе этого является очень часто покровительство фаворитовъ, держаніе другихъ въ черномъ тѣлѣ, высомѣріе и пренебрежительный тонъ въ обращеніи директора съ своими подчиненными. „Пусть поэтому законъ обезпечитъ такой порядокъ, чтобы и самый дурной человѣкъ, получившій власть директора гимназіи, могъ причинить наименьшее зла". Разсматривая далѣе разныя права „опасной" власти директора, авторъ говоритъ, что

директоръ, какъ начальникъ заведенія, невольно отдаляется отъ педагогической среды, подавляетъ свободу голоса въ преподавателяхъ и обращаетъ педагогическій совѣтъ изъ коллегіальнаго въ чисто совѣщательное учрежденіе, дѣйствующее по его личному взгляду, а преподавателя въ вынужденнаго слугу и исполнителя чужихъ велѣній и въ безгласное орудіе его воли. Директоръ присваиваетъ себѣ даже право распредѣлять по своему усмотрѣнію число уроковъ между преподавателями и тѣмъ вліяетъ на матеріальное обезпеченіе ихъ. „Бываютъ нерѣдко случаи, что въ гимназію попадаютъ ученики, получившіе на экзаменѣ баллы гораздо ниже установленныхъ для конкурса, безъ вѣдома и вопреки желаніямъ педагогическаго совѣта". „Бѣда вся въ томъ, что эти злоупотребленія слишкомъ многочисленны и повседневны", а борьба съ мелочами—„рѣдчайшій видъ геройства, доступный немногимъ избраннымъ натурамъ", глубокомысленно заключаетъ авторъ. Не смотря на такія „опасныя" права, отвѣтственность директора за постановку воспитанія и образованія и вообще за благосостояніе учебнаго заведенія сводится на нѣтъ, такъ какъ за хорошаго учителя нечего отвѣчать, а плохой отвѣчаетъ самъ за себя. Итакъ у директора „полный просторъ для произвола и ничтожность риска подвергнуться взысканіямъ". Всѣ преподаватели сведены къ нулю; они платятся „драгоцѣннѣйшею кровью сердца и благороднѣйшими соками нервовъ, утратой чистоты нравственнаго облика, извращеніемъ, а очень часто и полной потерей воли, лишеніемъ возможности активнаго участія въ работѣ гражданскаго самосознанія и права на экономическое самоопредѣленіе". Итакъ, у преподавателя „никакихъ правъ и вся тяжесть отвѣтственности въ самыхъ жестокихъ ея проявленіяхъ". Но не одно мнѣніе директора связываетъ преподавателя по рукамъ и ногамъ, но и неусыпный контроль попечителя округа, а также самаго министерства народнаго просвѣщенія. Вотъ полная, но весьма тенденціозная картина рабства гимназическихъ учителей. Здѣсь правда перемѣшана съ кривдой. Правда, что нѣкоторые изъ директоровъ усвоили себѣ пренебрежительный тонъ въ обращеніи съ преподавателями и имѣютъ среди послѣднихъ фаворитовъ. Правда, что нѣкоторые директора распредѣляютъ уроки между преподавателями по своему усмотрѣнію. Правда и то, что нѣкоторые директора, вопреки совѣту, иногда принимаютъ въ учебныя заведенія или переводятъ изъ класса въ классъ такихъ учениковъ, которые не заслуживаютъ этого; впрочемъ, такіе директора весьма и весьма рѣдки; они составляютъ слишкомъ рѣдкое исключеніе изъ общей массы; самодурство ихъ уже отошло въ область прошлаго. Но гораздо болѣе правды въ томъ, что учителя нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній не отвѣчаютъ своему назначенію, что они плохи, какъ преподаватели и особенно какъ воспитатели, что они безжалостные, сухіе и лѣнивые формалисты, что они ведутъ свое дѣло „спустя рукава", что они сами грубы и невоспитаны, что они, особенно въ послѣднее время, усвоили себѣ слишкомъ грубый, рѣзкій тонъ въ обращеніи даже съ директорами, которые, въ силу естественнаго чувства охраненія своей личности, тактично сторонятся отъ нихъ. Совѣтъ 2 Тифлисской женской гимназіи договорился даже до слѣ-

дующей грубости: „Въ классъ къ нему (преподавателю) посадятъ 40—60 учениковъ, требуютъ, чтобы онъ постоянно ихъ спрашивалъ и ставилъ баллы, точно расписываютъ эти программы по классамъ и заставляютъ его терпѣть вмѣшательство директора въ методы и пріемы преподавателя". Дѣйствительно, вся бѣда заключается въ томъ, что такихъ учителей расплодилось у насъ слишкомъ много, ихъ лѣность, ихъ формализмъ, ихъ грубость какъ по отношенію къ учащимся, такъ и по отношенію другъ къ другу и къ начальнику заведенія составляютъ повседневныя явленія, борьба съ которыми часто превышаетъ силы отдѣльнаго человѣка. Если въ чемъ и можно обвинять современныхъ директоровъ учебныхъ заведеній, то—ни въ какомъ случаѣ не въ злоупотребленіяхъ своей, якобы, „опасной" властью, а въ попустительствѣ, потакательствѣ дурнымъ элементамъ своей корпораціи, въ той растерянности, въ неумѣньѣ и даже въ нежеланіи пользоваться своей властью, результатомъ чего и явилась та расшатанность устоевъ и основъ учебно-воспитательнаго дѣла, до которой мы, къ великому сожалѣнію, дошли въ послѣднее время. Но за это нужно винить не однихъ директоровъ, но и всѣхъ вообще выше стоящихъ лицъ. Теперь ужь вполнѣ всѣмъ ясно, что у насъ во время революціи забастовала высшая власть, которая вполнѣ растерялась и отказала въ своей поддержкѣ ниже стоящимъ. Что твердая и разумная власть начальника не только не опасна, но спасительна для учебнаго заведенія, лучшимъ доказательствомъ служатъ военно-учебныя заведенія, которыя, къ великой чести ихъ, находятся почти въ полномъ порядкѣ даже до сегодняшняго дня, не смотря на то, что они живутъ и работаютъ при тѣхъ же общественно-государственныхъ условіяхъ, при какихъ—и наши школы. Мы не съумѣли и даже, можетъ быть, не хотѣли удержать свои школы въ порядкѣ и превратили ихъ въ трибуны революціи, а учащихся развратили и бросили въ революціонный омутъ; между тѣмъ какъ военное вѣдомство спасло свои школы. Не могу не отмѣтить здѣсь и того, что авторъ разбираемаго доклада объ автономіи педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній всталъ незамѣтно для себя и для всей комиссіи въ грубое и рѣзкое противорѣчіе съ тѣмъ, что было выставлено тѣми же тифлисскими педагогами, какъ причины ненормальнаго положенія нашей средней школы. Характерно то, что никто изъ преподавателей, изъ которыхъ состояла эта комиссія, не отмѣтилъ этаго грубаго противорѣчія. Такъ субъективно-страстно работала эта комиссія, принявъ курсъ противъ опасной власти директора.

Выходя изъ всѣхъ этихъ ложныхъ положеній, авторъ признаетъ неотложность безусловной самостоятельности и самой широкой автономіи педагогическихъ совѣтовъ средней школы. Въ основу этой реорганизаціи должны быть, по его мнѣнію, положены три начала: выборность, коллегіальность и срочность. Тогда, какъ совершенно бездоказательно и вполнѣ голословно утверждаетъ авторъ, „существующее теперь ненормальное отношеніе семьи и общества къ школѣ падетъ само собой. Между двумя враждебными, неустанно воюющими сторонами водворится вѣчный и незыблемый миръ, залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ

новые, лучшіе порядки должны порвать сложную, запутанную сѣть взаимнаго непониманія между учащимися и учащими". „Въ выполненіи программы по своему предмету каждый преподаватель пойдетъ тогда собственнымъ путемъ; будетъ беспрепятственно развивать и совершенствовать методы и пріемы обученія, подчиняясь лишь велѣніямъ своего разума и совѣсти". Такъ и хочется прервать потокъ этихъ фразъ вопросомъ: да кто же до сихъ поръ мѣшалъ вамъ, г.г. педагоги, работать надъ своимъ дѣломъ?! неужели все тотъ же всесильный и „опасный" директоръ, на котораго жаловались вы?!—За этими благами авторъ начинаетъ сулить другія, несбыточныя мечты. „Нынѣшняя рознь и вражда рабочихъ педагогическихъ силъ должна при автономіи уступить мѣсто чувству солидарности и взаимнаго довѣрія, мирному соревнованію и взаимопомощи". Вотъ именно тогда и начнется вражда партій и, какъ замѣтилъ одинъ педагогическій совѣтъ, отвлечетъ силы педагоговъ отъ ихъ прямого примѣненія на выборную агитацію, поведетъ къ образованію партій, вмѣсто объединенія, поставитъ въ ложное положеніе директора и создастъ затрудненіе даже къ замѣщенію директорской должности при малочисленномъ составѣ служащихъ или при отсутствіи въ данной педагогической корпораціи лица, богатаго административнымъ и педагогическимъ опытомъ". Характерно, что это весьма цѣнное указаніе не было удостоено въ комиссіи даже простого вниманія. „Сознаніе отвѣтственности за правильность веденія дѣла возлагаемой коллегіальнымъ началомъ на всѣхъ педагоговъ въ одинаковой степени, разовьетъ, продолжаетъ докладчикъ, большое уваженіе среди нихъ къ законности, что, неоспоримо, явится могущественнѣйшимъ факторомъ общей русской гражданственности". Вотъ именно при этомъ условіи сознаніе отвѣтственности за благосостояніе учебнаго заведенія сведется къ полному нулю, потому что всѣ будутъ прятаться другъ за друга и, вмѣсто себя, будутъ выставлять свой педагогическій совѣтъ. Мало того. Педагогическіе совѣты окажутся въ рукахъ тѣхъ, у кого голосъ зычнѣе и застѣнчивости меньше. Съорганизовавшись и сплотившись тѣснѣе при помощи такихъ лицъ, эти совѣты объединятся съ другими подобными имъ въ одинъ прочный союзъ, который, ставъ на путь коллективныхъ протестовъ и забастовокъ, превратится изъ чисто профессіональнаго въ политическое учрежденіе, чему уже и положено дурное начало. Тогда окончательно погибнетъ педагогическое дѣло и будетъ процвѣтать одно недостойное политиканство.—„Каждый (учитель) говоритъ авторъ, будетъ тогда полагаться исключительно на свой энергичный трудъ, а не на чужое покровительство". Во 1-хъ, вотъ именно тогда-то и не будетъ времени педагогу энергично работать въ области своего прямого дѣла, потому что онъ занятъ будетъ борьбой партій, партійными дрязгами; во 2-хъ, вотъ именно тогда то онъ и будетъ искать покровительства своей партіи и прятаться за нее". Для выборнаго директора, какъ рисуетъ несбыточная идиллія, будетъ существовать, конечно, больше, чѣмъ теперь, побужденій заботиться прежде всего о насущныхъ интересахъ учебнаго заведенія, а не о личныхъ выгодахъ служебнаго положенія и внѣшней исправности въ глазахъ начальства. Всѣмъ своимъ существомъ онъ углубится въ жизнь школы,

и у него не будетъ времени, ни надобности"... Я, право, не знаю: наивность это или разсчитано на наивность другихъ. Я долженъ сказать, что выбранный совѣтомъ директоръ всѣмъ своимъ существомъ углубится въ борьбу партій и въ сформированіе около себя наиболѣе сильной, и у него не будетъ времени, ни надобности заняться своимъ прямымъ дѣломъ,—учебно-воспитательною жизнью своего заведенія.—Сдѣлавъ краткую замѣтку о томъ, что русская школа состояла до сихъ поръ на государственной службѣ и была далека отъ дѣйствительныхъ запросовъ нормальной общественной жизни, разбираемый авторъ уже совершенно въ революціонномъ духѣ кричитъ: „Надо твердо помнить, что правительство въ школьномъ дѣлѣ должно имѣть предъ обществомъ однѣ только обязанности, но никакихъ правъ". Прежде всего, г. преподаватель и воспитатель молодого поколѣнія, вы заблудились: вы, къ великому удивленію, съ такими взглядами на правительство состоите на государственной службѣ и такими своими воззрѣніями и дѣйствіями приносите этой службѣ вредъ; а потому, какъ честный человѣкъ, вы не должны играть въ руку революціи на казенный счетъ. Затѣмъ неужели можно серьезно говорить, что школа должна состоять, какъ бы, на антиправительственной службѣ?! Наконецъ откуда вы почерпнули истину, что правительство въ школьномъ дѣлѣ должно имѣть однѣ только обязанности и никакихъ правъ?! Почему, на какомъ разумномъ основаніи правительство, законнѣйшій представитель всего населенія государства, должно имѣть только обязательства платить деньги, а вы и ваши коллеги, не будучи никѣмъ уполномочены на это, будете имѣть однѣ только права распоряжаться судьбой этихъ денегъ и душъ вашихъ питомцевъ по вашему усмотрѣнію?! Вѣдь это совершенно въ революціонномъ духѣ. Если правительство отпускаетъ часть государственныхъ средствъ на народное образованіе, то оно не только въ правѣ, но обязано слѣдить за тѣмъ, чтобы образованіе было согласовано съ государственными цѣлями и задачами, а не отдавать рѣшеніе этого вопроса въ руки своихъ слугъ, которые самозванно желаютъ распоряжаться судьбами государства. Если дѣло касается тѣхъ мелкихъ и второстепенныхъ средствъ, которыми школа достигаетъ общегосударственныхъ задачъ и цѣлей, то, конечно, правительство, какъ вѣрно замѣчаетъ Московское педагогическое общество, на которое ссылается нашъ авторъ, совершенно не заинтересовано въ этомъ и можетъ вполнѣ предоставить это мѣстному усмотрѣнію; но наблюденіе за достиженіемъ общегосударственныхъ цѣлей и задачъ въ школахъ должно лежать на обязанности правительства, которое чрезъ своихъ поставленныхъ чиновъ министерства, попечителей учебныхъ округовъ и директоровъ учебныхъ заведеній, какъ чрезъ своихъ агентовъ, и должно всегда слѣдить за этимъ.

При обсужденія этого доклада были сдѣланы слабыя попытки отстоять назначеніе директора учебнаго заведенія отъ правительства. Было высказано, что при выборахъ директора неизбѣжно возникновеніе среди членовъ партійности, интригъ и т. п. Было указано и на то, что въ другихъ цивилизованныхъ странахъ съ различными формами правленія нѣтъ выборныхъ директоровъ въ учебныхъ заведеніяхъ; но для большинства

нашихъ педагоговъ, враговъ всякой постепенности и желающихъ все брать съ самой верхней полки, и эта ссылка оказалась неубѣдительной. Наконецъ, былъ указанъ слѣдующій самый вѣскій и разумный аргументъ: „Если мы признаемъ за каждой общественной группой право свободнаго существованія, то тѣмъ самымъ мы должны признать за ней право вырабатывать програму и создать типъ школы, вполнѣ соотвѣтствующій характеру ея дѣятельности и, сообразно съ этимъ, право предоставленія директорскихъ полномочій лицамъ педагогической профессіи по своему усмотрѣнію. А такъ какъ правительство есть тоже извѣстная общественная группа, то въ правительственныя школы директоръ долженъ быть назначенъ правительствомъ, а не избираемъ совѣтомъ“. Вотъ что называется „взять быка за рога“! Но наши педагоги, которые дѣйствовали не столько по велѣніямъ разсудка, сколько по требованіямъ своего страстнаго сердца, не вняли и этому здравому голосу и въ тоже время не нашли что либо возразить ему. Какъ бы въ отвѣтъ на это предложеніе, они въ своей будущей обновленной школѣ уничтожили самое названіе: директоръ, замѣнивъ его другимъ, болѣе безличнымъ: предсѣдатель педагогическаго совѣта. Проектъ автономіи педагогическаго совѣта средней школы выразился у нашихъ педагоговъ въ слѣдующей формѣ. Педагогическому совѣту принадлежитъ право выбора не только предсѣдателя, но и всѣхъ служащихъ въ учебномъ заведеніи. „Предсѣдатель избирается на 4 года абсолютнымъ большинствомъ членовъ Совѣта изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, принадлежащихъ къ педагогической профессіи. Избранный кандидатъ рекомендуется совѣтомъ попечителю учебнаго округа. Въ случаѣ своего согласія съ постановленіемъ совѣта, попечитель безотлагательно утверждаетъ избраннаго въ должности. Въ случаѣ же своего несогласія съ выборомъ совѣта, попечитель округа пользуется правомъ ограничивающаго veto, въ силу котораго педагогическій совѣтъ обязанъ приступить ко вторичнымъ выборамъ. Получившее большинство голосовъ на вторичномъ избирательствѣ собранія совѣта лицо обязательно и немедленно утверждается въ должности“. Только что состоялось это постановленіе, какъ тутъ же, въ томъ же засѣданіи, оно уже было опротестовано и измѣнено въ самомъ корнѣ. Уже одно это обстоятельство наглядно свидѣтельствуетъ, какъ непродуманны, поспѣшны и легкомысленны были всѣ постановленія и дѣйствія этой комиссіи педагоговъ. Въ томъ же засѣданіи было высказано, что „автономный совѣтъ не долженъ зависѣть отъ произвола высшей административной власти (такимъ образомъ отсрочивающее veto попечителя не должно имѣть мѣсто въ рѣшенія совѣта)“. Такимъ образомъ чѣмъ дальше шло время и чѣмъ больше захватывали въ свои руки фиктивныхъ правъ, тѣмъ больше разгаралась ихъ жажда власти и тѣмъ больше казалась имъ власть начальства произволомъ. Поэтому вышеприведенное постановленіе тотчасъ же было отмѣнено и явилось слѣдующее: „Предсѣдатель педагогическаго совѣта средняго учебнаго заведенія избирается на 3 года большинствомъ $^{2}/_{3}$ всего числа членовъ совѣта изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, принадлежащихъ къ педагогической профессіи, о чемъ доводится до свѣдѣнія попечителя

учебнаго округа". Все это можетъ казаться нѣкоторымъ лицамъ, и тѣмъ болѣе авторамъ этого постановленія и правильнымъ, но вотъ вопросъ: кто далъ этимъ педагогамъ такія неограниченныя права по управленію средней школы?! не являются-ли они въ этомъ дѣлѣ непрошенными самозванцами?! Мнѣ кажется наши педагоги въ своемъ крайнемъ самомнѣніи переступили въ своей борьбѣ съ правительствомъ границы благоразумія. Эти горячіе, пылкіе педагоги, утратившіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ всякій авторитетъ какъ между своими учащимися, такъ и въ обществѣ, несумѣвшіе сдержать ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей и юношей въ должномъ порядкѣ, рѣшили, хотя уже сравнительно и поздно, поскорѣе примкнуть къ такъ наз. прогрессивнымъ элементамъ страны и наверстать потерянное время своими непродуманными, но бьющими на эффектъ постановленіями. Вотъ почему они, вслѣдъ за симъ, отвергнувъ всякое руководство со стороны высшей школьной администраціи, снисходительно предоставили ей только контроль за законностью дѣятельности педагогическаго совѣта. Послѣднему проектируется, между прочимъ, предоставить право окончательнаго рѣшенія даже по вопросамъ, касающимся введенія необязательнаго преподаванія того или другого предмета (или извѣстной части его) сверхъ установленной программы курса. При этомъ такъ и мерещится курсы политической экономіи въ соціалъ-демократической или революціонной окраскѣ, что уже и практиковалось здѣсь,—и даже, пожалуй, курсы анархіи.

Почувствовать въ себѣ уже такую большую силу, Тифлисскіе педагоги приступили къ облегченію своей многотрудной дѣятельности и сбросили съ себя обязанность внѣшкольнаго надзора за учащимися, предоставивъ его родителямъ и обществу и оставивъ, впрочемъ, за собой право и долгъ нравственнаго воздѣйствія на учащихся въ школьной жизни. Вотъ это самое понятное рѣшеніе вопроса: трудно,—значитъ,—ненужно! Принявъ затѣмъ нормой 18 уроковъ въ недѣлю, педагоги захотѣли за свой облегченный трудъ получать больше содержанія, а потому приняли положеніе о прогрессивномъ возростаніи окладовъ учащихъ отъ 1,500 р. въ первое трехлѣтіе до 3,900 р. въ седьмое трехлѣтіе. Предсѣдателю совѣта рѣшено увеличить содержаніе на 900 р. Предѣльный срокъ службы опредѣленъ въ 20 лѣтъ, причемъ полная пенсія назначена въ 3,000 р. Далѣе „послѣ нѣкоторыхъ преній рѣшено было поручить организацію совѣта во вновь открываемой школѣ (мало понятно, что хотѣли этимъ сказать) особому губернскому школьному совѣту, состоящему изъ выборныхъ представителей педагогическихъ совѣтовъ даннаго губернскаго города". Установивъ, что „право оцѣнки дѣятельности преподавателя принадлежитъ исключительно педагогическому совѣту" и что „преподаватель не можетъ быть преданъ суду или арестованъ безъ оповѣщенія о томъ педагогическаго совѣта, членомъ котораго онъ состоитъ", — Тифлисскіе педагоги остановили свое вниманіе на вопросѣ о болѣе тщательной подготовкѣ лицъ, посвящающихъ себя педагогической дѣятельности, и приняли слѣдующую резолюцію: „Для педагогической подготовки учителей необходимо въ каждомъ учебномъ округѣ организовать двухгодичные курсы при уни-

верситетѣ. На эти курсы поступаютъ лица, окончившія высшее учебное заведеніе и желающія посвятить себя педагогической дѣятельности". Жаль, что педагоги забыли при этомъ, что не во всякомъ учебномъ округѣ есть университетъ. Потомъ принятъ былъ судъ чести для педагоговъ, въ составъ котораго почему-то входятъ всѣ члены учебно-воспитательнаго персонала школы, а не особо избранныя для того лица.

Стремясь къ тому, чтобы сдѣлать среднюю школу общедоступной, наши педагоги требуютъ не только увеличенія среднихъ учебныхъ заведеній и правительственныхъ субсидій имъ, пониженія платы за право ученія и освобожденія отъ этой платы наиболѣе бѣдныхъ и даровитыхъ дѣтей, но и отмѣны всѣхъ законоположеній, ограничивающихъ права евреевъ на образованіе. Сверхъ того эти же педагоги постановили слѣдующее: „Въ городахъ съ преобладающимъ туземнымъ населеніемъ параллельно съ гимназіями, въ которыхъ всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ, открывать учебныя заведенія съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, кромѣ русскаго языка и русской исторіи, на родномъ языкѣ, при чемъ число уроковъ русскаго языка должно быть увеличено по сравненію съ существующими программами"... Вотъ ужъ по истинѣ „бумага все терпитъ". Не возвысившись до идеи о необходимости общаго государственнаго языка въ такомъ пестромъ по составу населенія государствѣ, каковымъ является Россія, отвергая и даже не желая обращать вниманія на примѣры въ этомъ отношеніи другихъ культурныхъ государствъ, тифлисскіе педагоги, требуя для всѣхъ нашихъ инородцевъ, безъ всякаго исключенія, преподаванія даже въ средней школѣ на родномъ ихъ языкѣ, видятъ свой идеалъ и хотятъ вести всѣ россійскія народности къ эпохѣ „вавилонскаго столпотворенія". Само собою понятно, что при этомъ ни о какомъ общеніи другъ съ другомъ племенъ на началахъ взаимнаго уваженія и довѣрія не можетъ быть и рѣчи. Этой мѣрой взаимное разобщеніе разныхъ національностей въ Россіи будетъ не только поддерживаться, но еще болѣе усиливаться. Такимъ образомъ эта мѣра весьма вредна въ государственномъ отношеніи. Сверхъ того она положительно неосуществима практически. Если бы наши школьные законодатели или вѣрнѣе законопрожекторы подумали хорошенько надъ этимъ вопросомъ, то необходимо пришли бы къ слѣдующему невыполнимому выводу: нужно открыть гимназіи не только польскія, армянскія, грузинскія, татарскія, греческія, но и чувашскія черемисскія, тунгузскія, якутскія, самоѣдскія, камчадальскія, юкагирскія и пр., и т. п., имъ же нѣсть числа. Если же они присоединили бы къ этому и тотъ въ высшей степени важный фактъ, что почти всѣ наши инородцы такъ перепутались по своему мѣстожительству съ другими и живутъ такъ чрезполосно, что въ большинствѣ случаевъ ихъ нельзя выдѣлить другъ отъ друга, то они по необходимости пришли бы къ сознанію полной невыполнимости своего постановленія. Наконецъ, нужно удивляться, почему между этими школьными прожекторами не нашлось ни одного знающаго человѣка, который, опираясь на совершенную бѣдность и неспособность языковъ большинства нашихъ инородцевъ быть научными языками, на которыхъ возможно было бы преподаваніе учебныхъ предме-

товъ, доказалъ бы всю химеричность сдѣланнаго постановленія. Всѣ эти безплодные потуги педагоговъ все болѣе и болѣе убѣждаютъ меня въ томъ, что наши педагоги неспособны къ проектированію разумныхъ школьныхъ законовъ.

Тифлисская комиссія педагоговъ почему-то осталась недовольной распоряженіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія 26 іюля 1884 г., которымъ на классныхъ наставниковъ возлагалась „постоянная забота о всѣхъ сторонахъ жизни учениковъ внѣ учебнаго заведенія и неуклонное наблюденіе за дѣтьми и юношами, ввѣренными заботливости правительства", увидала въ этомъ распоряженіи проявленіе полицейскаго характера, полицейскаго сыска, и постановила, чтобы классный наставникъ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно педагогическими соображеніями, хотя сами же педагоги сознаются, что инструкція класснымъ наставникамъ 5 августа 1877 г. проникнута истинно-педагогическимъ духомъ. Слѣдующимъ своимъ постановленіемъ: „сдѣлать туземные языки обязательными для учащихся—туземцевъ во всѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній", педагоги приводятъ меня въ изумленіе. Многое изъ того, что считается въ средней школѣ до сего времени обязательнымъ и даже изученіе Закона Божія, они желаютъ предоставить свободной волѣ, усмотрѣнію учащихся; между тѣмъ какъ бывшіе до сего времени необязательными въ курсѣ средняго учебнаго заведенія туземные языки они хотятъ сдѣлать обязательными для всѣхъ туземцевъ. Почему? Зачѣмъ? Для какой разумной цѣли это дѣлается? Всѣ эти вопросы остались даже незатронутыми. Просто такъ, безъ всякаго объясненія причинъ. Но во всемъ это скрывается тайное желаніе угодить туземцамъ и попасть въ тонъ ихъ націоналистическимъ тенденціямъ. Но изъ этого угожденія вышелъ пересолъ: сдѣлать для туземцевъ изученіе ихъ родныхъ языковъ обязательными, это уже, что называется, переусердствовать. Вѣдь тѣмъ же Тифлисскимъ педагогамъ должно быть отлично извѣстно, что многіе изъ учащихся туземцевъ не желаютъ изучать свой родной языкъ въ гимназіяхъ. Одни изъ нихъ его забыли вмѣстѣ съ своими прадѣдами и усвоили языкъ сосѣдняго племени; другіе, въ виду крайней бѣдности и искусственности литературы на родномъ языкѣ, считаютъ излишнимъ затрачивать на знакомство съ ней свое дорогое время. Эта тенденція особенно сильно выражается въ старшихъ классахъ. А наши излишне попечительные педагоги желаютъ во что бы то ни стало заставить всѣхъ ихъ заниматься этимъ дѣломъ. Преподаваніе туземныхъ языковъ нужно въ средней школѣ; пусть каждый желающій знаетъ свой языкъ и свою литературу. Но это дѣло нужно предоставить только желающимъ; а не душить ими безцѣльно тѣхъ, кто почему либо не хочетъ этого. Вѣдь въ вашей будущей свободной, обновленной школѣ должно быть больше свободы и меньше рабства. Зачѣмъ же вы создаете новый видъ рабскаго, подневольнаго, обязательнаго труда?!

Высказавъ, какъ-будто бы, новое пожеланіе, которое неоднократно предъявляло педагогамъ начальство и общество, пожеланіе о необходимости кореннымъ образомъ измѣнить отношеніе педагоговъ къ поступкамъ, учениковъ, наши Тифлисскіе педагоги спроектировали цѣлый рядъ самыхъ

разнообразныхъ организацій учащихся. „Для обезпеченія правового положенія каждаго отдѣльнаго ученика необходимо: предоставить право каждому учащемуся, начиная съ 5 класса, принимать участіе во всѣхъ собраніяхъ учащихся по классамъ, быть членомъ товарищескихъ кружковъ для цѣлей самообразованія, какъ преслѣдующихъ развитіе умственныхъ и нравственныхъ качествъ ученика, равно какъ и быть членомъ различныхъ товарищескихъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли физическаго развитія учениковъ. Для обезпеченія правового положенія всего класса необходимо: предоставить старшимъ классамъ право выбора изъ своей среды депутатовъ для коллективныхъ заявленій педагогическому совѣту о своихъ нуждахъ чрезъ посредство класснаго наставника или кого-либо изъ членовъ педагогическаго совѣта; предоставить классамъ право пользоваться зданіемъ гимназій для своихъ нуждъ: для устройства совмѣстныхъ чтеній, спектаклей, и литературныхъ утръ; предоставить старшимъ классамъ право въ свободное отъ занятій время собираться для обсужденія текущихъ вопросовъ школьной жизни по предварительномъ заявленіи объ этомъ классному наставнику. Для развитія общественности и самодѣятельности учащихся необходимо предоставить всей корпораціи учащихся: право устройства кружковъ по всѣмъ отраслямъ знанія и искусства для цѣлей самообразованія, для устройства экскурсій, для занятій всякаго рода спортомъ... Право организацій товарищескаго суда учащихся старшихъ классовъ въ каждомъ учебномъ заведеніи“. Какихъ только не придумано организацій учащихся!! Пожалуй, все это, за исключеніемъ судовъ чести, было бы и хорошо, если бы не представлялось двѣ большихъ опасности. Первая изъ нихъ въ лучшихъ случаяхъ—та: останется-ли учащимся, послѣ участія во всѣхъ этихъ многочисленныхъ организаціяхъ, свободное время для занятій своимъ прямымъ дѣломъ? не превратится-ли гимназія изъ учебнаго заведенія въ какой-то поликлубъ?! Я думаю, что это именно и будетъ такъ. Едва-ли у нашихъ мальчугановъ явится желаніе послѣ этой легкой фривольной клубной жизни заниматься, напр., какой-то „скучнѣйшей математикой“?! Другая опасность въ худшихъ случаяхъ та, что эти ученическія организаціи превратятся въ политическіе клубы, въ трибуны революціонной антигосударственной пропаганды и агитаціи, что уже и осуществлено учащимися Тифлиса и другихъ городовъ Кавказа въ самомъ широкомъ масштабѣ.

А вотъ прелюбопытный и опасный судъ чести учащихся, принятый комиссіей, за исключеніемъ проектированнаго докладчикомъ ареста виновныхъ, какъ одного изъ видовъ взысканій, налагаемыхъ этимъ судомъ. „I. *Составъ суда.* 1) Составъ суда чести выбирается изъ среды учениковъ старшихъ (5—8) классовъ голосованіемъ на одинъ годъ по два члена изъ каждаго класса. 3) Въ составъ суда входитъ выбранное всѣми членами суда на годъ одно лицо изъ учительскаго персонала какъ предсѣдатель и руководитель суда безъ права голоса при голосованіи (это даже уже сверхъ-либерально. Но и глупая же роль, говоря откровенно, этого лица!) 4) Рѣшенію суда подчиняются всѣ ученики учебнаго заведенія. 5) Рѣшеніе суда безапелляціонно и обязательно для даннаго учебнаго

заведенія (хотя, замѣчу я, какъ бы ни было несправедливо и возмутительно это рѣшеніе?!)... II. *Судопроизводство.* 7) Рѣшеніе производится посредствомъ открытаго голосованія; при равномъ числѣ голосовъ получаетъ законную силу мнѣніе той стороны, которая высказалась въ пользу обвиняемаго. 8) Справки, дознаніе и слѣдствіе ведутся двумя членами изъ состава судей, назначенныхъ самимъ же судомъ. (Ну, ужъ это въ духѣ дореформеннаго суда!). 9) Допроса свидѣтелей на судѣ нѣтъ. (Однако эта тонко-педагогическая деликатность крайне неудобна для подсудимаго, которому должны быть предоставлены всѣ средства защиты). 10) Обвиняемый можетъ защищаться самъ или имѣть защитника въ лицѣ товарища или учителя учебнаго заведенія. (Жаль, что не предоставлено право нанять опытнаго адвоката. Я думаю, послѣдній за приличный гонораръ не отказалъ бы въ своихъ услугахъ). 10б) Обвиняемый имѣетъ право просить объ исключеніи изъ состава суда не болѣе 4-хъ членовъ. Вообще исключаются изъ состава суда родственники и друзья обвиняемаго. (Все, какъ слѣдуетъ; все предусмотрѣно; но вотъ вопросъ: какъ, по какимъ признакамъ будутъ распознавать друзей обвиняемаго?). 12) Подлежатъ сужденію: всѣ проступки противъ нравственности, приличія и дисциплины, противъ товарищескихъ отношеній и отношеній къ учительскому персоналу. Семейныя домашнія отношенія не подлежатъ осужденію. (Ну, а участіе въ забастовкахъ, агитація антиправительственная и пр. развѣ не будутъ судимы?! Или здѣсь нѣтъ состава преступленія?!). 13) Проступки, заключающіе въ себѣ преступныя дѣянія, наприм., кража, подлогъ, мошенничество и т. п., могутъ только служить предметомъ категорическаго заключенія товарищескаго суда и не исключаетъ возможности уголовнаго преслѣдованія общаго суда, административнаго. (Забавно и смѣшно!). 14) Возбуждать дѣло предоставляется всякому и частному лицу чрезъ начальника заведенія. Жалоба письменная подается начальнику заведенія, учениками же обыкновенно закрытымъ письмомъ съ обозначеніемъ обвиняемаго. Начальникъ передаетъ руководителю, который вскрываетъ конвертъ при полномъ составѣ судей. (Какъ чудно все предусмотрѣно и какая торжественная обстановка!) 15) Судопроизводство устное. Сущность же обвиненія и самое заключеніе, какъ результатъ постановленія суда,—письменное, и оно препровождается руководителемъ правленію учебнаго заведенія для свѣдѣнія и исполненія. (Гг. педагогамъ надоѣла бюрократія, и они охотно налагаютъ на себя пейдократію). 16) Всякое рѣшеніе суда сообщается товарищамъ—одноклассникамъ обвиняемаго и высшимъ классамъ. Постановленіе суда сообщается и истцу (жалобщику). III. *Мѣры взысканія.* 17) Бойкотъ разнымъ способомъ: неподаваніе руки, прекращеніе дружбы и т. п. (Прямо, что называется, „съ мѣста въ карьеръ"! Если это и жестоко, зато вполнѣ модно, по революціонному. Хотя автору доклада кто-то и указывалъ на чрезмѣрную жестокость суда, которая можетъ иногда довести до самоубійства, но нашему педагогу кажутся такіе случаи преувеличенными. До сихъ поръ педагоговъ жестоко порицали за единицы и двойки, доводившія учащихся до самоубійствъ, но нынѣ тѣже педагоги додумались до революціонныхъ жестокостей,—до бой-

кота и при томъ еще разнымъ способомъ. Вотъ она та сердечность, которой такъ любятъ кичиться педагоги! Да, поистинѣ нѣжное сердце у нихъ!). 19) Извиненіе предъ всѣмъ классомъ въ присутствіи всего суда руководителя, учительскаго персонала даннаго отдѣленія и начальника. 20) Выговоръ предъ классомъ въ присутствіи всего суда, руководителя, учительскаго персонала даннаго отдѣленія и начальника. Послѣ вторичнаго приговора одного и того же ученика посредствомъ выговора, этотъ учащійся подвергается исключенію. (Такъ и слышно, что редакція всего этого устава о судѣ принадлежитъ лицу съ суровымъ, злымъ сердцемъ и безграмотному по-русски). 21) Исключеніе: а) временное—на 1 годъ съ правомъ поступленія въ тотъ же классъ безъ экзамена; б) навсегда, безъ права поступленія въ данное учебное заведеніе". Вся эта затѣя смѣшна, глубоко печальна и въ высшей степени вредна. Смѣшна она потому, что вотъ жили себѣ люди да жили, натерпѣлись всякаго горя и несчастія, испытали рабство да еще такое, что „ни на одну минуту не могли оставаться сами собой, отдаться радости свободнаго человѣческаго бытія", и вотъ захотѣли сбросить съ себя тяжелыя цѣпи этого постыднаго рабства отъ начальства, сѣли за столъ да подумали, какъ на свѣтѣ жить, и додумались до того, что замѣнили одно рабство, рабство отъ бюрократіи, другимъ болѣе жестокимъ и тяжелымъ,—пейдократіей, и стало всѣмъ имъ гораздо легче. Неужели же вы, педагоги, не знаете, что дѣти—прирожденные жестокіе тираны, что попасть къ нимъ подъ власть, подъ ихъ рабство весьма тяжело?! И злосчастны же вы! Какъ были вы рабами въ древности, такъ не можете никогда высвободиться отъ рабства и до сего дня. Глубоко печальна эта затѣя потому, что она ясно, наглядно показала всю полную безпомощность нашего педагога; старался онъ, старался, пыхтѣлъ и натужился, все соображая, какъ бы обновить свою школу, но ничего другого не придумалъ, какъ признать полную свою несостоятельность и непригодность по воспитательной части, а потому взялъ и упразднилъ самого себя, высѣкъ себя и передалъ воспитательное дѣло въ руки своему же питомцу, который долженъ быть еще самъ воспитанъ; „не умѣю я, говоритъ онъ ему, воспитать тебя; воспитывай ты самъ себя, а я буду только смотрѣть, какъ ты это будешь дѣлать; авось, оно выйдетъ у тебя лучше, чѣмъ у меня". Вредна же эта затѣя потому, что она отдаетъ учебное заведеніе во власть самихъ же учащихся, которые, какъ напр. въ настоящее время, въ большомъ своемъ числѣ испорчены нравственно и развращены политически, отдаетъ во власть ихъ на основаніи самыхъ жестокихъ, почти драконовскихъ законовъ. Этотъ судъ чести не хочетъ знать никакого нравственнаго воздѣйствія на провинившихся и не практикуетъ никакихъ гуманныхъ воспитательныхъ мѣръ. Онъ знаетъ только самый разнообразный бойкотъ, публичное извиненіе, публичный выговоръ и исключеніе изъ учебнаго заведенія. И что всего опаснѣе, такъ это то, что завѣдомо несправедливый и жестокій приговоръ этого суда злостныхъ мальчугановъ не можетъ быть предотвращенъ наставникомъ-руководителемъ, который присутствуетъ при этомъ, какъ безгласная кукла, безъ права голоса при голосованіи, а начальство учебнаго заведенія обязательно

должно привести рѣшеніе этого суда, которое безапелляціонно, въ исполненіе. Неужели это называется разумнымъ воспитаніемъ?! Неужели такова должна быть обновленная школа?! Неужели только до этой вредной затѣи могли додуматься наши педагоги?! Не смотря на все это, судъ чести, къ величайшему удивленію, обсуждался въ совѣтѣ Попечителя округа и объявленъ введеннымъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса.

Сдѣлавъ постановленіе о томъ, что рисованіе въ средней школѣ должно быть предметомъ общеобразовательнымъ, комиссія рѣшила совершенно уничтожить отмѣтки и замѣнить ихъ характеристиками учениковъ, посылаемыми два раза въ годъ родителямъ. „Переводы учащихся изъ класса въ классъ, постановила комиссія, производятся въ концѣ учебнаго года на основаніи характеристикъ учениковъ. На основаніи характеристикъ учащагося за послѣдній годъ рѣшается вопросъ объ окончаніи имъ курса“. Этими постановленіями отмѣняются не только переводные, но, какъ мнѣ кажется, и выпускные экзамены. Если принять во вниманіе вышеприведенную мотивированную резолюцію другого педагога объ уничтоженіи правъ, пріобрѣтаемыхъ аттестатомъ зрѣлости при поступленіи въ высшія учебныя заведенія, то нисколько не будетъ удивительнымъ уничтоженіе и выпускныхъ экзаменовъ. Наши педагоги сумѣли стать выше всѣхъ этихъ требованій современной жизни, даже выше самой необходимости поступить въ высшія учебныя заведенія, какую ощущаютъ ихъ учащіеся. Наши педагоги—идеалисты самой высшей пробы. Они будутъ учить своихъ питомцевъ безъ всякихъ обязательныхъ программъ, чему захотятъ, какъ въ какомъ объемѣ и въ какомъ направленіи имъ заблагоразсудится. Въ этой своей дѣятельности они ни отъ кого не будутъ зависѣть; право оцѣнки этой дѣятельности можетъ развѣ только принадлежать такимъ же коллегамъ ихъ, которые въ свою очередь будутъ дѣлать также, „кто во что гораздъ“; они будутъ вполнѣ свободны и самобытны. Они будутъ переводить изъ класса въ классъ тѣхъ, кого захотятъ: они будутъ выдавать аттестаты зрѣлости безъ всякой чьей бы то ни было провѣрки. Они никогда не допустятъ до какого бы то ни было сомнѣнія въ ихъ педагогической дѣятельности. Никому, ни даже самимъ родителямъ учащихся нѣтъ и не будетъ дѣла до излишней снисходительности ихъ учащимся, до удостовѣренія ихъ подписями наличности знанія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти знанія учащихся будутъ находиться въ отсутствіи, и до преступнаго потворства со стороны педагоговъ. Они, свободные педагоги, будутъ учить вполнѣ свободно въ свободной школѣ свободныхъ учениковъ. Кто изъ послѣднихъ, чему и какъ захочетъ учиться, тотъ такъ и будетъ учиться, потому что онъ не рабъ бюрократической школы, вполнѣ свободный ученикъ свободной школы. Эта сверхъ—свобода умиротворитъ обѣ враждующія до сихъ поръ стороны: учащихъ и учащихся. И тѣ и другіе будутъ заниматься только тѣмъ, чѣмъ захотятъ, потому что свободны какъ тѣ, такъ и другіе. Ну, какъ вчерашнимъ рабамъ-педагогамъ и сегодняшнимъ лѣнтяямъ-ученикамъ не привѣтствовать такую чудную школу.

Открывъ широкій доступъ женщинѣ къ преподаванію въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ и уровнявъ права учительницъ съ правами учи-

телей, комиссія высказалась за общественную пользу съѣзда педагоговъ, а также и за необходимость выдѣленія прогимназическихъ классовъ въ совершенно отдѣльныя отъ гимназическихъ, самостоятельныя учебныя заведенія, что нельзя не привѣтствовать. „Существующіе при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ пансіоны совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію, антигигіеничны, носятъ казарменный характеръ и плохо вліяютъ на нравственность учащихся, а потому, говорятъ педагоги, должны быть уничтожены“ и замѣнены небольшими общежитіями для дѣтей опредѣленнаго возраста.—Послѣднимъ, какъ и слѣдовало ожидать, вопросомъ, который обсуждался комиссіей, былъ вопросъ о религіозномъ воспитаніи. Былъ заслушанъ по этому поводу докладъ учительницы *Пащенко*, въ которомъ все говорилось, какъ слѣдуетъ.—о томъ, что воспитаніе религіознаго чувства является крайне сложнымъ и даже тонкимъ (?) дѣломъ, что религія составляетъ потребность человѣческой души, что истины евангельскаго ученія доступны дѣтскому возрасту, что при воспитаніи религіознаго чувства имѣетъ большое значеніе примѣръ окружающихъ лицъ и пр. Но вотъ вдругъ совершенно неожиданно дѣлается слѣдующее заключеніе: „въ виду того, что школа не только не даетъ ничего своимъ питомцамъ въ отношеніи религіознаго воспитанія, но зачастую даже отнимаетъ у нихъ то, что дала имъ семья, школа должна совершенно отказаться отъ всего того, что она дѣлаетъ сейчасъ въ этой области, предоставивъ дѣло религіознаго воспитанія семьѣ. За собой же школа въ лицѣ отдѣльныхъ ея представителей можетъ сохранить право (но не обязанность) продолжать это воспитаніе. Средствомъ для этого должны быть бесѣды религіозно-нравственнаго характера. Эти бесѣды могутъ быть не только на урокахъ Закона Божія (но) и на другихъ“. Вслѣдъ за этимъ докладомъ и комиссія признала, что „религіозное воспитаніе должно быть предоставлено, главнымъ образомъ, заботамъ семьи“, что школа можетъ продожать начатое семьей религіозное воспитаніе только при условіи отсутствія всякой обязательности и принудительности въ этомъ дѣлѣ, и что „преподаваніе Закона Божія въ средней школѣ должно быть кореннымъ образомъ измѣнено, при чемъ однимъ изъ условій является преподаваніе этого предмета на родномъ языкѣ учащихся“. Итакъ свободные педагоги въ свободной новой школѣ поступаютъ со всѣми вопросами вполнѣ свободно. Они не задумываются долго ни надъ чѣмъ, не утруждаютъ себя особенно думами. Все, что шло до сихъ поръ почему либо плохо, они отсѣкаютъ и изгоняютъ изъ школы. Подражая Александру Македонскому, они разрушаютъ всѣ Гордіевы узлы, другъ за другомъ, быстро и скоропалительно. Плохо идетъ воспитательная часть; постановленіе: передать ее въ вѣдѣніе семьи и общества. Плохо идетъ образованіе, учебная часть; ученики ничего не знаютъ; постановленіе: отмѣнить всѣ экзамены до выпускныхъ включительно; пусть профессора высшихъ учебныхъ заведеній сами разбираются, кто зрѣлъ и кто не дозрѣлъ до университета. Плохо идетъ воспитаніе религіознаго чувства; опять постановленіе: передать это дѣло семьѣ. „Облегчить!“ кричатъ свободные педагоги и облегчили: облегчили такъ, что стало всѣмъ совсѣмъ легко. А кто же будетъ дѣлать

все это трудное дѣло? спрашиваютъ родители. „А намъ какое дѣло?! отвѣчаютъ свободные педагоги: только не мы, только не мы! Мы этого дѣла не будемъ дѣлать. Да вотъ прибавьте еще жалованье да сократите вмѣстѣ съ тѣмъ и число уроковъ: а то мы уже переутомились. А самое главное,—избавьте насъ отъ начальства: оно намъ противно, потому что оно все время за нами смотритъ и руководитъ нами, точно рабами, между тѣмъ какъ мы хотимъ быть свободными. Мы будемъ лучше подчиняться вамъ да вашимъ „милымъ дѣткамъ", а начальству—ни за что! Если же правительство на это не согласится, то мы съорганизуемся въ союзъ педагоговъ и примкнемъ въ всероссійскому учительскому союзу, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ крайнимъ прогрессивнымъ силамъ страны и революціоннымъ путемъ добьемся своего".

Вы думаете, читатель, я шучу. Нисколько! Вопросъ объ организаціи мѣстнаго союза педагоговъ, между прочимъ, на почвѣ политической поднимался въ самый разгаръ работы этой комиссіи. Еще тогда были провозглашены боевые революціонные лозунги: борьба за коренную реорганизацію дѣла народнаго просвѣщенія въ Россіи на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи его,—исключеніе религіознаго элемента, какъ обязательной принадлежности школы, и установленіе общеобразовательнаго характера школы съ свободнымъ преподаваніемъ, преподаваніе во всѣхъ школахъ на родномъ языкѣ населенія, предоставленіе завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія общественнымъ учрежденіямъ и общественнымъ организаціямъ, въ томъ числѣ и національнымъ, и наконецъ борьба за политическое освобожденіе Россіи (но отъ чего и отъ кого,—осталось скрытымъ) и за широкія соціально-экономическія реформы. Вотъ, наконецъ, нашъ педагогъ вышелъ изъ своей скорлупы, ударился въ политику и объявилъ себя сторонникомъ широкихъ соціально-экономическихъ реформъ. Вотъ только, какъ будто, немножко онъ измѣнилъ своему слову, своему обѣщанію. Когда онъ ратовалъ противъ бюрократическаго режима въ школѣ, то смѣло выкрикивалъ: „школы не должны быть орудіемъ политики и средствомъ проведенія въ жизнь тенденцій, неимѣющихъ ничего общаго съ задачами воспитанія души". Ну, а теперь онъ выходитъ на борьбу за политическое освобожденіе Россіи отъ нѣкоего скрывающагося врага и за широкія соціалъ-экономическія реформы. Противорѣчіе, какъ будто-бы, есть и даже большое, но нашъ педагогъ не смущается этимъ, совершенно правильно, съ своей точки зрѣнія, утверждая: да у кого же изъ нашихъ современныхъ революціонеровъ теперь его нѣтъ?! Должно быть, въ дѣлѣ политической борьбы всѣ средства хороши, лишь бы они вели къ желанной цѣли.

Въ заключеніе Тифлисскіе педагоги сдѣлали слѣдующее довольно интересное постановленіе въ дополненіе ко всей своей работѣ: „осуществленіе постановленій, выработанныхъ комиссіей, возможно и полезно только въ полномъ ихъ объемѣ". Въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ долго раздумывать: пусть правительство или беретъ все цѣликомъ, безъ всякихъ урѣзываній или измѣненій, до которыхъ оно слишкомъ охоче, или же, если оно захочетъ дать „куцую" гимназію, то они, педагоги, за послѣдствія не

отвѣчаютъ· На этомъ засѣданіе комиссіи нашихъ педагоговъ въ іюлѣ 1905 года и закончились. Жара ли лѣтняя помѣшала идти дальше и отъ словъ перейти къ дѣлу, или стало какъ-то совѣстно, что собрались они съ разрѣшенія и работали съ благословенія мѣстнаго учебнаго начальства, но уже и безъ того зашли слишкомъ далеко, но во всякомъ случаѣ они пока на этомъ остановились.

Въ работахъ этой комиссіи выборныхъ представителей педагогическихъ совѣтовъ среднихъ, учебныхъ заведеній г. Тифлиса особенно видную роль играли учителя: Агаьевъ, Алдадановъ, Гехтманъ, Державинъ, Дьячковъ-Тарасовъ, Зачиняевъ, Козюлькинъ, учительница Пащенко, Пламеневскій, Фишеръ, Шенгеръ и др. Изъ нихъ Агаьевъ, Дьячковъ-Тарасовъ, Козюлькинъ, а, можетъ быть, и нѣкоторые другіе уже давно получили повышеніе на должность директоровъ крупныхъ учебныхъ заведеній. Эта комиссія пользовалась особымъ покровительствомъ попечителя Завадскаго, который самъ вызвалъ ее къ жизни и входилъ, какъ видно изъ 2, 3 и 5 протоколовъ ея, во всѣ ея нужды и просьбы и даже, отказавшись отъ своего прежняго рѣшенія, предоставилъ ей право дѣлать сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ о ходѣ ея занятій, безъ всякаго на каждый отдѣльный случай его разрѣшенія, затѣмъ рекомендовалъ вывѣшивать въ учительскихъ комнатахъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній плакаты съ обозначеніемъ дня и программы слѣдующаго засѣданія, наконецъ напечаталъ всѣ труды ея на казенный счетъ и весьма усердно разсылалъ ихъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ ввѣреннаго ему округа. Такія мѣропріятія г. Завадскаго способствовали, конечно, большему распропагандированію идей этой комиссіи и революціонированію всѣхъ молодыхъ и неопытныхъ педагоговъ, которые, получивъ эти брошюры, недоумѣвали, что они не только одобрены попечителемъ округа, но даже и нарочито присланы имъ для ознакомленія. Такъ постепенно, медленно, но вѣрно революціонировались кавказскіе педагоги на казенный счетъ и съ благословенія г. Завадскаго.

Параллельно съ этимъ по преимуществу тѣми же главарями изъ среды педагоговъ велось постепенно дѣло сформированія союза кавказскихъ педагоговъ. 4 февраля въ зданіи 2 Тифлисской мужской гимназіи, гдѣ директоромъ состоитъ извѣстный намъ г. Дрбоглавъ, состоялось собраніе педагоговъ г. Тифлиса, обсужденію котораго подлежали слѣдующіе вопросы: 1) проектъ устава союза кавказскихъ педагоговъ, 2) выборы членовъ постояннаго правленія тифлисскаго отдѣленія союза педагоговъ, 3) обсужденіе вопросовъ объ измѣненіи состава предметовъ учебнаго курса и ихъ программъ и 4) вопросъ о созывѣ учредительнаго съѣзда делегатовъ отъ педагогическихъ корпорацій округа. Отчетъ объ этомъ собраніи былъ впослѣдствіи помѣщенъ въ „Новомъ Обозрѣніи" (6 декабря 1905 г. № 251). Здѣсь учитель Крамаренко, назначенный впослѣдствіи за свою революціонную дѣятельность на должность инспектора 3 Тифлисской мужск. гимназіи, указалъ, что школа—не арена политической дѣятельности, но союзъ учителей гражданъ можетъ и долженъ заниматься политикой и прибѣгать ко всѣмъ средствамъ политической борьбы, каковыя въ данную минуту будутъ признаны необходимыми. Зачиняевъ, нынѣ учитель 1 Тиф-

лисской мужск. гимназіи, предложилъ собранію внести §, которымъ разрѣшалась бы свободная организація ученикамъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Это „симпатичное предложеніе“ было принято единогласно. Тотъ же педагогъ предложилъ слѣдующіе пункты въ уставъ союза педагоговъ: 1) реализація принципа народнаго представительства по четырехчленной формулѣ, 2) предоставленіе союзу педагоговъ права петицій, 3) предоставленіе союзу права внесенія въ законодательное собраніе школьныхъ законопроектовъ, 4) участіе выборныхъ изъ среды педагоговъ въ спеціальныхъ комиссіяхъ законодательныхъ собраній, разработывающихъ школьные законопроекты, 5) установленіе школьнаго референдума. „Всѣ эти пункты единогласно приняты собраніемъ, наградившимъ оратора громкими аплодисментами“. Такимъ образомъ союзъ кавказскихъ педагоговъ съ самаго перваго момента вышелъ изъ своей профессіональной роли и всталъ на чисто-политическую почву. 13 апрѣля 1905 г. тифлисскіе педагоги собрались уже въ помѣщеніи о-ва сельскаго хозяйства и приняли, согласно отчета, напечатаннаго въ № 84 „Новаго Обозр.“ 15 февр. 1905 г., слѣдующую революціонную резолюцію: „Мы, педагоги г. Тифлиса, долгіе годы покорно несшіе страшное бремя бюрократическаго режима, обезличивающаго и насъ, и чрезъ насъ сотни тысячъ юныхъ жизней, теперь, въ годину всеобщаго возрожденія, громко заявляемъ, что чаша терпѣнія переполнилась, нѣтъ больше силъ жить позорной жизнью раба, мыслью и сердцемъ котораго распоряжаются бумажные приказы такъ наз. Министерства Народнаго Просвѣщенія. Мы требуемъ, чтобы мы сами были отвѣтственными предъ молодымъ поколѣніемъ, отданнымъ намъ на воспитаніе. Пусть насъ освободятъ отъ примѣрныхъ программъ и плановъ и объяснительныхъ записокъ къ нимъ; пусть насъ освободятъ отъ въ сердцахъ читающихъ попечителей, директоровъ и инспекторовъ; пусть насъ освободятъ отъ всякихъ бифуркацій и тому подобныхъ измышленій досужей фантазіи бюрократовъ, пусть насъ сдѣлаютъ свободными въ свободномъ, святомъ дѣлѣ воспитанія юношества. Мы, педагоги, не совсѣмъ потеряли образъ Божій, не перестали въ желѣзныхъ тискахъ мыслить и чувствовать и сумѣемъ вдохнуть жизнь въ безжизненное тѣло современной школы. Мы глубоко убѣждены, что никакія частичныя реформы, даже въ либеральномъ духѣ, не воскресятъ мертваго, не возвратятъ ему жизнеспособности, а сдѣлаютъ его полуживымъ организмомъ, который быстро начнетъ чахнуть и хирѣть. Но вмѣстѣ съ этимъ мы глубоко убѣждены, что коренныя реформы въ школьномъ дѣлѣ возможны только въ свободной Россіи, судьбы которой будутъ въ рукахъ избранныхъ представителей всѣхъ національностей, составляющихъ Россію, на началахъ тайнаго, равнаго, прямого и всеобщаго безъ различія пола избирательнаго права, которое можетъ дать желательные результаты лишь при обезпеченіи полной свободы слова, печати, собраній, неприкосновенности личности и жилища и амнистіи всѣхъ политически пострадавшихъ“.

Зная такое боевое, вполнѣ революціонное настроеніе тифлисскихъ педагоговъ, попечитель округа Завадскій, какъ нельзя болѣе удачно, выбралъ благопріятный моментъ для революціонированія всѣхъ остальныхъ

педагоговъ въ краѣ, съорганизовавъ подъ своимъ благосклоннымъ покровительствомъ на казенный, такъ сказать, счетъ вышеописанную комиссію выборныхъ представителей отъ совѣтовъ тифлисскихъ учебныхъ заведеній. Лучше этого момента для такого дѣла нельзя было и выбрать. И въ этомъ онъ успѣлъ окончательно. Почти всѣ наши педагоги, за немногими, весьма и весьма рѣдкими исключеніями, революціонировались. Какъ только начался новый 1905—6 учебный годъ, такъ тифлисскіе педагоги, съ большой страстностью принялись работать надъ окончаніемъ организаціи кавказскаго педагогическаго союза. Прежде всего они быстро ассимилировались со своими учащимися, такъ какъ многимъ изъ нихъ стало стыдно, что они въ прогрессивномъ, революціонномъ движеніи слишкомъ далеко отстали отъ нихъ. И вотъ произошло братаніе, рѣдкое и умилительное объединеніе между педагогами и учениками на революціонной почвѣ. Многіе учителя въ это время, не шутя, совершенно серьезно говорили, что они должны сдѣлать это, чтобы не потерять окончательно своего пошатнувшагося авторитета въ глазахъ „чуткой, на все прекрасное, отзывчивой, нашей чудной молодежи“. И вотъ почти повсюду въ Кавказскомъ учебномъ округѣ не только въ среднихъ, но даже и въ низшихъ школахъ прекратились учебныя занятія, и открылся рядъ собраній, засѣданій, митинговъ учащихъ и учащихся отдѣльно, учащихъ и учащихся вмѣстѣ, въ каждомъ учебномъ заведеніи порознь, всѣхъ учебныхъ заведеній вмѣстѣ; приглашали сюда по временамъ и родителей, допускали и всѣхъ тѣхъ, спеціальность которыхъ—антиправительственные митинги. Всѣ мѣстныя газеты были испещрены объявленіями и приглашеніями на эти педагогическіе митинги, гдѣ, впрочемъ, педагогическаго ровно ничего не было. Все это дѣлалось совершенно открыто, на глазахъ у Попечителя и Намѣстника, которые не находили въ этомъ ничего ненормальнаго, а потому и не принимали въ этомъ никакихъ мѣръ противъ этого. Сколько стона, сколько яраго крика, сколько политическаго бреда было на всѣхъ этихъ собраніяхъ, всего не передать. Для этого требуется перо большого литературнаго мастера, а мое совершенно отказывается объять необъятное. Кто кого здѣсь обучалъ революціонному бреду: учителя своихъ учениковъ или ученики своихъ учителей, остается неизвѣстнымъ; но впрочемъ, все говоритъ за то, что здѣсь эти двѣ стороны помѣнялись своими ролями. Педагоги употребили всѣ свои силы, чтобы наверстать потерянное время, и были счастливы, что догнали своихъ учениковъ. Въ это время всѣ уроки—„по-боку“ и народились среди учащихся суды чести, разные соціалъ-демократическіе и революціонные клубы, разныя газеты и другія churchи періодическія изданія; стали обрабатываться учителями совмѣстно съ своими учениками программы учебныхъ предметовъ для будущей обновленной средней школы; а среди учащихъ все болѣе зрѣлъ, съорганизовывался и окончательно сформировался союзъ мѣстныхъ педагоговъ, который уже завелъ у себя и филіальныя отдѣленія.

5 сентября 1905 года, какъ свидѣтельствуетъ „Новое Обозрѣніе“ (6 сент. 1905 г. № 188), была отслужена во 2 Тифлисской мужск. гимназіи, съ разрѣшенія Помощника Намѣстника Султанъ-Крымъ-Гирея, та

панихида по убитымъ 29 августа на Эриванской площади, которая была запрещена городской думѣ. Какое отношеніе 2 Тифлисская мужск. гимназія имѣла къ этимъ убитымъ революціонерамъ, никому неизвѣстно, кромѣ, можетъ быть, директора ея Дрбоглава, который пусть и выскажется самъ по этому поводу.

Учащіеся г. Тифлиса выпустили въ это время слѣдующую ученическую прокламацію, подъ заглавіемъ: „Наши требованія". Полагая, что обновленіе Россіи всецѣло находится въ рукахъ россійскаго пролетаріата, мы, учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній г. Тифлиса, поддерживаемъ руководительницу этого движенія—Россійскую Соціалъ-демократическую Рабочую Партію и выставляемъ съ своей стороны слѣдующія требованія. 1) Свобода образованія товарищескихъ организацій. 2) Безплатное обученіе. 3) Устраненіе вмѣшательства учебнаго начальства въ частную жизнь учащихся. 4) свобода образованія товарищескихъ судовъ. 5) Пріемъ въ учебныя заведенія всѣхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. 6) Свобода преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ родныхъ языковъ. 7) Право учащихся устранять по своему усмотрѣнію преподавателей. 8) Изъятіе изъ предметовъ преподаванія Закона Божія. 9) Свобода политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Увѣренные, что всѣ эти требованія могутъ быть исполнены лишь въ новой Россіи, построенной на демократическихъ началахъ, мы поддерживаемъ кличъ всей передовой Россіи: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Демократическая Республика!"

Даже ученики тифлисскихъ городскихъ училищъ, будучи удручены введеніемъ повсемѣстно военнаго положенія, прекративъ учебныя занятія, послали Намѣстнику слѣдующія требованія: 1) Положеніе о городскихъ училищахъ осталось то же, что и въ прошломъ году. Между тѣмъ мы просили и просимъ, чтобы школы средняго типа составляли непосредственное продолженіе школъ низшаго типа, въ томъ числѣ и городскихъ училищъ, и чтобы мы, такимъ образомъ, имѣли возможность получать среднее, а затѣмъ и высшее образованіе. Съ этой цѣлью просимъ значительно увеличить программу городскихъ училищъ. 2) Устраненіе политики изъ школы. 3) Начальное образованіе на родномъ языкѣ. 4) Товарищескій судъ. 5) Отмѣна внѣшкольнаго надзора за поведеніемъ учениковъ. 6) Держать при каждомъ городскомъ училищѣ хорошо оборудованную библіотеку... 7) Личность ученика ничѣмъ не ограничена отъ произвола нагаекъ полиціи и казаковъ. Мы, подобно всѣмъ Россійскимъ гражданамъ, каждую минуту можемъ быть избиты и поруганы. Мы отъ административныхъ властей не видимъ ничего, кромѣ униженія человѣческаго достоинства: отъ этого не гарантированы наши учителя и воспитатели. Мы подъ этимъ вѣчнымъ страхомъ не можемъ спокойно заниматься, а потому просимъ отмѣны усиленной охраны и требуемъ неприкосновенности личности ученика и учителя. 8) Мы требуемъ свободы ученическихъ собраній въ стѣнахъ училища безъ всякаго вмѣшательства со стороны учебной администраціи и полиціи, подъ руководствомъ уважаемыхъ учениками и ими самими выбранныхъ наставниковъ или безъ оныхъ, такъ какъ учебная администрація доказала полную свою неспособность откликнуться на наши насущныя нужды... 14) Никто

изъ участниковъ настоящей забастовки не долженъ подлежать исключенію или какому нибудь наказанію (Возрожденіе 9 октября 1905 г. № 7).

Не успѣвъ еще окончательно сформировать свои союзъ, тифлисскіе педагоги, уже давно вышедши изъ своего „футляра", вдругъ вознегодовали на то, что въ городѣ все еще военное положеніе, а по сосѣднимъ деревнямъ кое-гдѣ военныя экзекуціи, и рѣшили отправиться in corpore къ представителю высшей мѣстной власти потребовать снять то и другое, такъ какъ они не въ состояніи заниматься при этихъ условіяхъ. Было произнесено по этому поводу много горячихъ, зажигательныхъ рѣчей. Поклявшись другъ предъ другомъ не бояться ничего и идти впередъ въ достиженіи своихъ цѣлей, наши педагоги громадной толпой, человѣкъ въ 500, тронулись 22 октября въ путь по улицамъ города. „Шли здѣсь, какъ замѣчаетъ „Лѣтопись патріотическаго общества въ Тифлисѣ" (1906 г. № 3), и директора съ длинными бородами и статскіе и коллежскіе совѣтники и регистраторы, однимъ словомъ всѣ „свободные граждане-педагоги Тифлиса". Но, чтобы избѣжать обвиненія въ пристрастности описанія этого крупнаго въ кавказскомъ педагогическомъ мірѣ событія лучше предоставить слово „Новому Обозрѣнію" (26 октября 1905 г. № 221), органу крайне лѣваго направленія. Вотъ подлинный отчетъ этого органа объ этомъ собраніи нашихъ педагоговъ. „Въ субботу 22 октября, въ 11 часовъ утра, въ зданіи 2 Тифлисской мужской гимназіи преподаватели среднихъ и низшихъ (мужскихъ и женскихъ) учебныхъ заведеній г. Тифлиса для обсужденія уже давно назрѣвшаго вопроса о корпоративномъ объединеніи, въ силу разрѣшенной Манифестомъ 17 октября свободы союзовъ. Собралось свыше 500 человѣкъ. Засѣданіе было открыто директоромъ 2 мужской гимназіи І. Ф. Дрбоглавымъ, который предложилъ собранію намѣтить предсѣдателя. Большинствомъ былъ избранъ В. А. Шенгеръ (преподаватель 2 женской гимназіи) и въ помощь ему 3 члена и 2 секретаря для организаціи бюро союза. Произнесено было много рѣчей; общій смыслъ былъ таковъ: необходимо уничтожить тотъ бюрократическій режимъ, который до сихъ поръ у насъ существовалъ, и измѣнить всѣ ненормальности школьной жизни, для чего всѣмъ преподавателямъ надо плотнѣе соединиться и быть всегда солидарными, дабы воздѣйствовать словами и примѣромъ на учащуюся молодежь; тогда только можетъ быть возстановлена нормальная жизнь въ учебныхъ заведеніяхъ. Одинъ изъ ораторовъ въ блестящей рѣчи сказалъ: „Если мы достигли свободы и намъ дана возможность собраться, имѣя на то законное право, и организовать союзъ, то этимъ мы обязаны тѣмъ борцамъ за свободу, которые приносили себя въ жертву; однимъ изъ такихъ борцовъ и былъ кн. С. Н. Трубецкой". Собранію было предложено почтить память покойнаго вставаніемъ. Послѣ длиннаго ряда рѣчей, общее собраніе постановило слѣдующую резолюцію: обратиться in corpore къ Намѣстнику съ ходатайствомъ: 1) объ амнистіи всѣхъ политическихъ преступниковъ, 2) объ отмѣнѣ военнаго положенія и 3) о снятіи экзекуцій въ деревняхъ. Собраніе рѣшило немедленно представиться Намѣстнику въ виду циркулировавшихъ въ городѣ слуховъ о возможномъ нападеніи одной части населенія на учащихся. Въ полномъ

составѣ собраніе направилось ко дворцу, но не успѣло дойти до зданія разгонной почты, какъ бѣжавшая въ паническомъ страхѣ съ Головинскаго просп. публика стала уговаривать преподавателей вернуться обратно. Дѣйствительно, непрерывная ружейная канонада подтвердила, что далѣе идти невозможно, и тутъ же было постановлено собраться на завтра, въ 10 ч. утра въ зданіи той же 2-ой мужской гимназіи".

Въ это время къ дворцу Намѣстника шла русская патріотическая манифестація, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ Бога и портрета Русскаго Царя, поравнявшись съ 1-й мужской гимназіей, находящейся почти рядомъ съ дворцомъ Намѣстника, она была обсыпана градомъ револьверныхъ пуль и камней изъ этой гимназіи и изъ сосѣднихъ домовъ. Вызванныя по тревогѣ войска открыли стрѣльбу по тѣмъ домамъ и въ томъ числѣ по 1-й мужской гимназіи, откуда летѣли револьверныя пули. При этомъ оказалось не мало пострадавшихъ. 1-я гимназія была очищена отъ революціонныхъ гимназистовъ и занята казаками. Назначенное по этому поводу слѣдствіе и до сихъ поръ не приведено къ концу. Это послѣднее обстоятельство даетъ поводъ утверждать лѣвымъ и по преимуществу туземцамъ, что выстрѣлы были сдѣланы изъ патріотической группы, а правымъ и по преимуществу русскимъ, между которыми есть люди высокаго положенія,—что первые выстрѣлы послѣдовали изъ 1-й Тифлисской мужской гимназіи.

Послѣ этого глубоко печальнаго событія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ какъ Тифлиса, такъ и всего Кавказа пошла уже настоящая свистопляска, дикая политическая вакханалія; а педагоги въ это время окончательно опредѣлились въ своей „политической платформѣ" и стали на яркій революціонный путь. Разбѣжавшись 22 октября, не смотря на данную клятву, кто куда могъ (если вѣрить стоустой молвѣ, то нѣкоторые изъ нихъ люди солиднаго положенія спрятались до поздняго вечера по сосѣднимъ духанамъ и подваламъ за бочками и бурдюками вина), на другой день въ 10 ч. утра они, по свидѣтельству того же № „Новаго Обозрѣнія", снова собрались во 2-й Тифлисской мужской гимназіи, но директоръ Дрбоглавъ объявилъ, что губернаторъ не разрѣшилъ собраніе. „Тогда тутъ же на улицѣ собравшіеся постановили дополнить резолюцію 22 октября слѣдующимъ: 1) разслѣдовать печальное событіе 22 октября, 2) требовать преданія суду виновныхъ и 3) прекратить занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса впредь до удовлетворенія всѣхъ требованій союза педагоговъ". Не довольствуясь и этимъ, революціонные педагоги открыли митинги по своимъ учебнымъ заведеніямъ, которыя за прекращеніемъ учебныхъ занятій, превратились въ революціонные клубы. Такъ „корпорація преподающихъ въ 1-й женской гимназіи, собравшись 25 октября въ зданіи 1-й женской гимназіи, постановила большинствомъ 35 голосовъ противъ 1 не приступать къ занятіямъ, пока не будетъ снято военное положеніе въ Тифлисѣ. Кромѣ этого былъ поднятъ вопросъ о разгромѣ 1-й мужской гимназіи, и собраніе постановило единогласно, что для выясненія истины при разслѣдованіи событій, происшедшихъ 21 и 22 октября въ зданіи 1 мужской гимназіи, необходимо участіе въ слѣдственной комиссіи выбор-

ныхъ представителей педагогическихъ корпорацій среднихъ учебныхъ заведеній г. Тифлиса" („Нов. Обозр." 1905 г. № 221). „Корпорація педагоговъ 4 Тифлисской женской гимназіи на совѣщаніи своемъ 26 октября, обсудивъ резолюцію, выработанную на общемъ собраніи педагоговъ г. Тифлиса 22 октября, единогласно постановила ходатайствовать предъ Намѣстникомъ: 1) о полной амнистіи политическимъ заключеннымъ, 2) объ отмѣнѣ военнаго положенія въ г. Тифлисѣ и Тифлисскомъ уѣздѣ, 3) о снятіи экзекуціи въ деревняхъ, 4) о строгомъ разслѣдованіи печальныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто 21 и 22 октября въ зданіи 1 мужской гимназіи, съ участіемъ въ слѣдственной комиссіи выборныхъ представителей отъ педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Тифлиса для всесторонняго и безпристрастнаго выясненія дѣла; 5) о немедленномъ удаленіи войскъ изъ зданія 1 мужской гимназіи. Впредь до удовлетворенія указанныхъ пунктовъ корпорація педагоговъ 4 женской гимназіи постановила не приступать къ учебнымъ занятіямъ" („Новое Обозр." 28 октября 1905 г. № 222). Такъ какъ въ патріотической манифестаціи 22 октября принимали участіе мѣстные кадеты и юнкера, то ученицы 4 женской гимназіи на общемъ собраніи 6 ноября составили слѣдующую резолюцію: „мы, учащіеся Тифлисской 4 женской гимназіи, призываемъ къ солидарности всѣхъ учащихся въ тифлисскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ объявленіи бойкота учащимся кадетскаго корпуса и юнкерскаго училища въ виду того, что они идутъ противъ освободительнаго движенія, охватившаго все мыслящее общество, что выразилось ихъ участіемъ въ варварскомъ избіеніи нашихъ товарищей 22 октября, а также и тѣмъ учащимся, которые будутъ имѣть съ ними какое либо общеніе. Знайте товарищи: кто противъ насъ, тотъ противъ правды" („Нов. Обозр." 8 ноября 1905 г. № 231).

Во всей этой, повторю снова, глубоко печальной исторіи всякаго безпристрастнаго наблюдателя невольно поражаютъ слѣдующія обстоятельства. Прежде всего какъ позволили себѣ педагоги выступать на такой яркій революціонный путь? Какое имъ дѣло до политическихъ арестантовъ, до военнаго положенія въ городѣ и экзекуціи по деревнямъ? Какое право они имѣли бросить свое прямое дѣло и заняться политическими вопросами, неимѣющими къ нимъ ровно никакого отношенія? Затѣмъ какъ они, позволивъ себѣ бросить въ праздничные дни 22 и 23 октября свои учебныя заведенія и въ томъ числѣ 1 Тифлисскую мужскую гимназію, гдѣ въ это время должны были совершаться богослуженія, могутъ утверждать, что ихъ „милыя дѣти", оставленные безъ надзора, не стрѣляли въ патріотическую манифестацію? Начальство 1-й Тифлисской мужской гимназіи въ лицѣ ея директора Гамкрелидзе должно было быть во время особенно бдительнымъ, такъ какъ незадолго до этого былъ такой глубоко отвратительный революціонный выпадъ. Когда въ одинъ изъ царскихъ дней (21 окт.) Намѣстникъ принималъ парадъ въ оградѣ Александро-Невскаго собора, находящагося рядомъ съ 1 мужской гимназіей, и когда военная музыка заиграла народный гимнъ, то ученики г. Гамкрелидзе въ это время старались заглушить звуки ненавистнаго имъ гимна „Боже Царя храни"

любезной ихъ сердцу марсельєвой на своихъ духовыхъ инструментахъ, что вызвало общее глубокое возмущеніе всѣхъ, бывшихъ въ это время на парадѣ и что побудило военное начальство послать въ это quasi —учебное заведеніе одного генерала прекратить это вопіющее безобразіе, который назвалъ это учебное заведеніе въ лицо директора его „публичнымъ домомъ". Г. Гамкрелидзе долженъ былъ это помнить и быть особенно бдительнымъ въ послѣдующее время. Далѣе почему никто, буквально никто изъ принимавшихъ хотя бы наиболѣе активное участіе въ этой политической демонстраціи тифлисскихъ педагоговъ не только не преданъ суду, но и не привлекался даже въ административномъ порядкѣ къ отвѣтственности, а многіе изъ нихъ получили даже служебныя повышенія и награды? Вѣдь имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ извѣстны. Какое право имѣлъ г. Дрбоглавъ превращать ввѣренную ему гимназію въ мѣсто для революціонныхъ митинговъ? Какое онъ имѣлъ право открывать этотъ митингъ и участвовать въ немъ? Какое имѣлъ право учитель Шенгеръ быть предсѣдателемъ такого революціоннаго собранія и вести оное? Почему не привлеченъ къ отвѣтственности за своихъ безобразныхъ питомцевъ г. Гамкрелидзе? Неужели такъ-таки никто и ни въ чемъ не виноватъ во всей этой отвратительно-безобразной исторіи? Гдѣ же власти? Гдѣ былъ въ это время попечитель Завадскій и гдѣ Намѣстникъ графъ Воронцовъ-Дашковъ? Правда, первый изъ нихъ послѣ разгрома гимназіи посѣтилъ второго, пролилъ здѣсь нѣсколько слезъ и тѣмъ все это дѣло и закончилъ. Никакихъ мѣръ разслѣдованія, никакихъ мѣръ предупрежденія и воздѣйствія не было принято ни со стороны г. Завадскаго ни со стороны гр. Воронцова-Дашкова. Получалось крайне дурное и вредное впечатлѣніе: все происшедшее и происходящее, какъ будто бы, вполнѣ нормально и даже законно. Словомъ наши кавказскія власти виновны не только въ бездѣйствіи, но и въ попустительствѣ и даже въ пособничествѣ революціонному движенію въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказа. А директоръ 2-й Тифлисской мужской гимназіи Дрбоглавъ, не смотря на всѣ свои революціонные выпады, которыхъ было очень много и послѣ, оставленъ на службѣ новымъ попечителемъ округа Рудольфомъ еще на 5 лѣтъ. Отсюда, кажется, уже вполнѣ ясно, какого политическаго направленія держалась въ это время и держится въ настоящее время мѣстная кавказская власть въ лицѣ того и другого попечителей округа и самого г. Намѣстника. Это настоящее кадетство. Поэтому совершенно напрасно Управленіе Намѣстника оповѣстило, что на Кавказѣ нѣтъ кадетовъ („Голосъ Кавказа", 20 іюня 1908 г. № 639). Отсюда также понятны чаянія и стремленія гг. кавказскихъ попечителей, стѣсненія и страданія русскихъ по происхожденію и по духу кавказскихъ педагоговъ и торжество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пренебреженіе ко всему русскому туземцевъ и всѣхъ революціонныхъ мѣстныхъ педагоговъ. На сторонѣ послѣднихъ сила, а на сторонѣ первыхъ безправіе и загнанность. Практическимъ результатомъ всего этого было то, что какъ тогда, такъ и теперь летѣли и продолжаютъ летѣть со службы или же по меньшей мѣрѣ придавливаются по службѣ тѣ, которые имѣли и имѣютъ мужество идти въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ противъ революціонеровъ-коллегъ и кадетовъ-попечителей.

[redacted]

Въ концѣ 1905 года былъ опубликованъ „уставъ союза кавказскихъ педагоговъ". Онъ до краевъ переполненъ политическими тенденціями. Я постараюсь здѣсь отмѣтить только наиболѣе важныя его стороны. § 1 Союзъ ставитъ своей задачей объединеніе всѣхъ дѣятелей по народному образованію въ цѣляхъ: а) развитія и распростаненія нар. просвѣщенія въ краѣ на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи школьнаго дѣла и б) защиты интересовъ личности гражданскихъ правъ и труда педагога. § 2. Необходимымъ условіемъ для осуществленія основныхъ цѣлей союза является дѣятельность членовъ союза въ тѣсной связи съ прогрессивными общественными силами Россіи для установленія такого общественно-политическаго правопорядка, который обезпечивалъ бы дѣятелямъ по народному образованію возможность дѣйствительнаго участія въ выработкѣ всѣхъ правительственныхъ законоположеній и мѣропріятій, касающихся школьнаго дѣла, и контроля надъ цѣлесообразнымъ ихъ осуществленіемъ.... § 21. Для обезпеченія дѣятелямъ по народному образованію дѣйствительнаго участія въ выработкѣ всѣхъ законоположеній и мѣропріятій, касающихся школы, необходимо: а) введеніе народнаго представительства на началахъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ; б) предоставленіе союзу педагоговъ права петицій; в) предоставленіе союзу педагоговъ права внесенія въ законодательное собраніе школьныхъ законопроектовъ; г) участіе выборныхъ изъ среды педагоговъ въ спеціальныхъ комиссіяхъ законодательнаго собранія, разработывающихъ школьные законопроекты; д) установленіе школьнаго референдума. § 22. Въ кругъ дѣятельности союза входятъ также. б) свобода преподаванія и свобода частной и общественной иниціативы и организаціи учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и учрежденій внѣшкольнаго образованія; в) реорганизація строя правительственныхъ учебныхъ заведеній на автономномъ началѣ; г) реорганизація правительственнаго надзора за дѣломъ народнаго просвѣщенія на началахъ участія въ функціяхъ правительственныхъ органовъ изъ среды педагоговъ, ж) исключеніе религіознаго элемента, какъ обязательной принадлежности школы правительственной и содержимой на счетъ общественныхъ учрежденій; з) свободное преподаваніе на родномъ языкѣ населенія. § 23. Организація коллективныхъ протестовъ противъ вредныхъ для школьнаго дѣла дѣйствій со стороны органовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится школа. § 26. Организація взаимнаго страхованія на случай потери мѣста за принадлежность къ союзу. § 27. Отстаиваніе государственнаго страхованія дѣятелей по народному просвѣщенію на случай болѣзни, старости, потери работоспособности. § 28. Защиты отдѣльныхъ членовъ союза противъ произвола учебнаго начальства и органовъ государственной и общественой власти путемъ коллективнаго протеста и другими способами.... § 34. Обезпеченіе свободной организаціи для учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ".

При обсужденіи этого устава гг. педагоги часто были отклоняемы въ сторону. Такъ въ собраніи 20 ноября, когда, подъ предсѣдательствомъ г. Гуладзе, нынѣ инспектора Авлабарской прогимназіи въ Тифлисѣ, присутствовало 220 человѣкъ, послѣдніе занялись вопросами, буквально ни-

чего общаго неимѣющими ни съ педагогикой, ни даже съ революціоннымъ союзомъ кавказскихъ педагоговъ, а именно армяно-татарской рѣзней въ Елизаветполѣ и почтово-телеграфной забастовкой. Учитель Козюлькинъ, котораго впослѣдствіи за особые труды по революціи сдѣлали директоромъ Шушинскаго реальнаго училища, просилъ выразить юному товарищу союзу почтово-телеграфныхъ чиновниковъ сочувствіе и оказать матеріальную поддержку „въ смѣлой борьбѣ, объявленной имъ бюрократическому режиму". Г-жа Зорянъ, описавъ положеніе армянъ на Кавказѣ, указала на бездѣйствіе администраціи, просила принять участіе въ ихъ судьбѣ и оказать помощь въ дѣлѣ прекращенія избіенія армянъ... Н. В. Абрамянъ нашелъ невозможнымъ хладнокровное обсужденіе вопроса объ армяно-татарской рѣзнѣ; „нужно закончилъ онъ, вооружаться, нужно организовать самооборону". Теръ-Давидянцъ высказалъ: „Выраженіемъ простого сочувствія мы мало скажемъ юному союзнику нашему, мало скажемъ мы и обществу. Намъ нужно теперь перейти отъ словъ къ дѣлу; намъ нужно объединиться съ союзомъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ; намъ нужно пойти имъ на помощь въ данную критическую минуту; намъ нужно идти рука объ руку съ нашимъ союзникомъ, дабы представлять изъ себя мощную силу, къ голосу которой вынуждено было бы прислушиваться правительство.... Если мы этого не сдѣлаемъ, то сдѣлаютъ наши ученики, сдѣлаетъ общество и тогда мы будемъ поставлены въ неловкое положеніе. Въ единеніи силы! Къ единенію я и призываю своихъ товарищей". Г. Богачикъ потребовалъ смѣщенія вр. генералъ-губернатора въ Елизаветполѣ Такайшвили. Признавъ, что армяно-татарская рѣзня дѣло рукъ хулигановъ и провокаторовъ, онъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что они организуются при миссіонерской церкви, а потому призналъ нужнымъ потребовать отъ настоятеля этой церкви свящ. Городцева прекращенія его преступной дѣятельности и выразить протестъ по поводу приказовъ Намѣстника, въ которыхъ одобряются подвиги надъ мирными гражданами казаковъ, солдатъ, юнкеровъ и кадетъ, гдѣ дается совѣтъ поступать такимъ же образомъ и на будущее время. Г. Козюлькинъ, не довольствуясь всѣми этими боевыми криками и революціонными выпадами, пошелъ еще дальше. Онъ, не раздѣляя мнѣнія о забастовкѣ, ибо это будетъ на руку правительству, высказывается за требованіе о созывѣ учредительнаго собранія и выраженіе недовольства правительству на Кавказѣ. (И это не послужило препятствіемъ къ повышенію сего революціонера-педагога на должность директора?! О времена, о нравы! приходится только воскликнуть). Гг. Абрамовъ, Потковъ и Бернштейнъ предлагаютъ собранію обсудить теперь же вопросъ о самооборонѣ. „Силѣ нужно противопоставить силу же. Нужно намъ вооружиться, вооружить и учениковъ и вмѣстѣ выйти на улицу, бороться противъ хулигановъ". Право, читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь, до какого революціоннаго психоза дошли тифлисскіе педагоги. Судите же теперь сами, каково было въ то время тѣмъ педагогамъ, которые держали или стремились держать свои учебныя заведенія въ должномъ порядкѣ; какъ дѣйствовали многочисленныя въ то время газеты съ такими революціонными выпадами, которыми они были

сплошь испещрены и которые проходили совершенно безнаказанно, а потому, какъ-бы признавались нормальными и даже, пожалуй, легальными,— какъ дѣйствовали они не только на учащуюся молодежь въ этихъ заведеніяхъ, но и на самихъ колеблющихся молодыхъ педагоговъ?! Сколько, зла, горя, соблазна принесли они колеблющимся умамъ! И никто, буквально никто не нашелъ нужнымъ образумить и призвать къ порядку этихъ зарвавшихся горе-педагоговъ. Попечитель Завадскій заперся въ своей квартирѣ и даже пересталъ писать циркуляры, на что онъ былъ прежде очень охочъ. По поводу же союза кавказскихъ педагоговъ г. Завадскій высказалъ одному сотруднику „Тифлисскаго Листка“ г. Ч., что „онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы учителя объединялись, организовавъ педагогическое общество, уставъ котораго, кажется, уже выработанъ и которому почему-то не дается ходъ“ („Тифл. Лист.“ 30 марта 1906 г. № 70). Итакъ попечитель Завадскій ровно ничего не имѣетъ противъ совершенно революціоннаго союза кавказскихъ педагоговъ. Нужно ли послѣ этого удивляться развалу русской школы на Кавказѣ, когда этотъ развалъ входилъ въ программу дѣятельности главы этого вѣдомства на Кавказѣ?!—Собраніе тифлисскихъ педагоговъ 20 ноября вынесло слѣдующую принятую единогласно резолюцію: „выразить свое глубокое сочувствіе всѣмъ жертвамъ братоубійственной рѣзни, вызванной провокаторской дѣятельностью темныхъ реакціонныхъ силъ; 2) выразить свое глубокое презрѣніе слугамъ господствующаго и послѣ 17 октября полицейско-бюрократическаго режима, въ жертву которому отдано стосорокамилліонное населеніе Россіи, и требовать смѣщенія всѣхъ виновниковъ погромовъ; 3) требовать немедленно созыва учредительнаго собранія въ виду преступной дѣятельности нынѣшняго правительства; 4) оказать матеріальную поддержку всѣмъ жертвамъ звѣрской рѣзни. Обсудивъ вопросъ о забастовкѣ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, собраніе постановило выразить имъ свое сочувствіе за ихъ мужественную борьбу съ произволомъ во имя правъ человѣка и гражданина“ („Нов. Обозр.“ 23 ноября 1905 г.). Вслѣдъ затѣмъ 21 ноября и 1 декабря все въ той же 2 Тифлисской м. гимназіи учитель Зачиняевъ указалъ, что въ союзъ кавказскихъ педагоговъ „пойдутъ представители всѣхъ крайнихъ партій, такъ какъ дѣятельность ихъ найдетъ примѣненіе въ дѣлѣ народнаго образованія (еще бы!): весь фонъ дѣятельности союза педагоговъ это—соціализація школы. Вѣдь и насъ, и крестьянство, закончилъ, нынѣ здравствующій учитель 1 Тифлисской мужск. гимназіи, эксплоатируетъ правительство, и поэтому с.-д. и с.-р. пойдутъ къ намъ, такъ какъ мы всѣ требуемъ всего того, чего требуютъ и они, мы стремимся къ той же цѣли, къ какой стремятся и они. Намъ нужно, чтобы члены собранія были представителями всѣхъ политическихъ партій, тогда всѣ мы будемъ дѣйствовать въ одномъ направленіи и въ отношеніи школы, и отношеніи народнаго образованія: мы всѣ желаемъ обобществленія школы, подчиненія послѣдней контролю общества, чтобы вырвать школу изъ рукъ правительства“. Г. Гуладзе заявилъ: наша платформа должна быть политической, только тогда мы будемъ имѣть возможность объединенія дѣятельности всѣхъ политическихъ партій, и такой платформой яв-

ляется платформа, выбранная педагогами". Г. Ахметеловъ находитъ необходимымъ внесеніе въ задачи союза вопроса о созывѣ учредительнаго собранія, такъ какъ это является той платформой, на которой объединяются всѣ крайнія партіи. Гг. Теръ-Давидянцъ и Казанцевъ находятъ, что ораторы запоздали своимъ предложеніемъ о требованіи созыва учредительнаго собранія: на вчерашнемъ собраніи уже высказались утвердительно и внесли резолюцію, требующую созыва учредительнаго собранія. Г. Гуладзе, нынѣ инспекторъ Авлабарской м. прогимназіи, ставитъ вопросъ на баллотировку, при чемъ собраніе высказывается за сохраненіе задачъ союза съ объяснительной запиской, гдѣ будетъ говориться о требованіи созыва учредительнаго собранія"... Слѣдующее собраніе назначено въ воскресенье въ 11 часовъ утра все въ той же 2 мужской гимназіи („Нов. Обозр." 3 декабря 1905 г. № 249).

Сходкамъ и митингамъ учащихъ и учащихся въ это время не было конца; всѣ газеты были испещрены объявленіями о нихъ. Изъ многихъ укажу только на нѣкоторыя. Въ № 282 „Нов. Обозр." объявляется, что 9 ноября въ 10 часовъ утра въ 1 Тифлисской м. гимназіи состоятся сходки для выбора делегатовъ въ совѣщаніе для выработки новой програмы старшихъ классовъ. Въ № отъ 23 ноября той же газеты сообщается, что а) состоится сходка учениковъ старшихъ классовъ 2 мужской гимназіи для обсужденія организаціонныхъ вопросовъ; б) что ученики землемѣрнаго училища на сходкѣ 21 ноября постановили закрыть училище до созыва учредительнаго собранія; в) что преподаватели всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній г. Тифлиса приглашаются 23 ноября въ 5 часовъ вечера на засѣданіе, имѣющее быть въ зданіи 1 женской гимназіи для обсужденія проекта устава союза кавказскихъ педагоговъ и г) что на сходѣ учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній была принята слѣдующая резолюція 1) выразить свое негодованіе и возмущеніе отвратительному и провокаторскому поведенію самодержавнаго правительства въ лицѣ вѣрныхъ царскихъ опричниковъ Такайшвили и К. послужившихъ источникомъ этихъ событій. 2) Высказываетъ свое отвращеніе всѣмъ элементамъ общества, которые явились орудіемъ въ рукахъ самодержавнаго правительства для приведенія въ исполненіе гнусныхъ его цѣлей. 3) Мы выражаемъ свою солидарность революціоннымъ элементамъ татарскаго общества, борящихся въ рядахъ революціоннаго пролетаріата и трудового крестьянства, и призываемъ ихъ къ приложенію всѣхъ силъ для выясненія своимъ единовѣрцамъ той истины, что они въ этихъ кровавыхъ событіяхъ, будучи воодушевлены провокаторской поддержкой царскихъ опричниковъ, заклеймили свое имя неслыханнымъ позоромъ, сдѣлавшись орудіемъ въ рукахъ самодержавія. 4) Выражаемъ сочувствіе жертвамъ послѣднихъ событій". На родительскія совѣщанія всегда врывались учащіеся и, произнося въ бреду дикія революціонныя рѣчи, образчикомъ которыхъ служитъ рѣчь ученика 8 кл. Валер. Цуринова, помѣщенная все въ томъ же № „Нов. Обозр.", оскорбляли родителей своимъ нахальствомъ. Въ это время устраивались громадные митинги учащихся обоего пола со всякимъ революціоннымъ сбродомъ даже подъ открытымъ небомъ;

такъ напр., такой митингъ при 2 тысячной толпѣ былъ устроенъ подъ предсѣдательствомъ педагога изъ Тифлисской дворянской грузинской гимназіи Цвѣтницкаго, который далъ отчетъ о немъ въ № 231 „Нов. Обозр.“ (8 ноября). Предсѣдателемъ было предложено для рѣшенія этому довольно радикальному митингу слѣдующіе три вопроса: о созывѣ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго избирательнаго, права, о немедленномъ и полномъ уничтоженіи всѣхъ тѣхъ мѣръ, въ которыхъ и донынѣ проявляется если не господство, то духъ стараго режима, и объ удаленіи всѣхъ тѣхъ лицъ изъ учебной администраціи кавказскаго округа, которыя были искренними или неискренними, но во вякомъ случаѣ, усердными услугами реакціи и причиняли не годъ и не два вредъ интересамъ истиннаго просвѣщенія и свободной, ничѣмъ нестѣсненной науки“. При этомъ въ разъясненіе этихъ вопросовъ была сказана г. Цвѣтницкимъ рѣчь, которая въ общихъ чертахъ помѣщена въ газетѣ. Всѣ три предложенія были приняты учащейся молодежью. 7 ноября во 2 Тифлисской м. гимназіи состоялось засѣданіе делегатовъ отъ учащихся въ 21 учебн. заведеніяхъ Тифлиса по вопросу о возобновленіи школьныхъ занятій. За забастовку было подано 1,467, а за открытіе учебныхъ занятій 1,651 голосъ. Такимъ образомъ большинствомъ 184 голосовъ постановлено открыть учебныя занятія, но по слѣдующимъ тактическимъ соображеніямъ. „Въ стѣнахъ учебныхъ заведеній мы, заявили эти делегаты, имѣемъ возможность находиться въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ, имѣемъ возможность обмѣниваться мыслями, обсуждать тѣ или иные вопросы современности, имѣетъ возможность съорганизоваться“ („Нов. Обозр.“ № 232). Каковы были вновь такъ наз. учебныя занятія, предоставляю судить самому читателю, который не долженъ забывать при этомъ, какъ революціонно и вмѣстѣ съ тѣмъ скверно были настроены какъ учащіе, такъ и учащіеся; кто изъ нихъ въ этомъ отношеніи былъ хуже, трудно судить. Скажу только, что горе было тѣмъ, которые держались другого образа мыслей, другого политическаго взгляда или которые желали заниматься дѣломъ; въ этомъ случаѣ разнымъ насмѣшкамъ, издѣвательствамъ, оскорбленіямъ, активнымъ бойкотамъ и просто побоямъ не было конца. Даже сами педагоги издѣвались надъ тѣми изъ своихъ учащихся, которые стремились заниматься дѣломъ. И такой порядокъ вещей, или вѣрнѣе,—самый скверный безпорядокъ происходилъ совершенно открыто и нисколько и никого изъ власть имущихъ не смущалъ: всѣ находили все это вполнѣ нормальнымъ. Что же творилось въ это крайне тяжелое время вдали отъ центральной кавказской власти, напр., въ Кутаисѣ, подъ управленіемъ социалъ-демократическаго губернатора Старосельскаго, не берусь уже и судить. Знаю только, что кутаисскіе педагоги съорганизовались въ союзъ и примѣнили другое средство борьбы: высказавъ попечителю округа порицаніе и негодованіе за его прежнюю дѣятельность, отказались отъ учебнаго округа и такимъ образомъ образовали какую-то странную, неслыханную доселѣ учебно-педагогическую республику. Все это и многое другое было бы только смѣшно, если бы не было такъ грустно, скверно и вредно. Бастовали въ это время не только среднія учебныя

заведенія, но даже почти всѣ низшія школы. Въ Кутаисской, напр., губерніи всѣ онѣ были въ это время закрыты. Не бастовали въ это время одни только грудные младенцы.

До какой наглости по отношенію къ достойнымъ педагогамъ дошли въ это время тифлисскіе учащіеся, показываетъ слѣдующій случай съ о. законоучителемъ 2 Тифлисской м. гимназіи Бѣловидовымъ. Въ ноябрѣ 1905 г. „сознательные“, какъ любятъ въ такихъ случаяхъ выражаться наши революціонеры, ученики старшихъ классовъ этой гимназіи, собравшись на сходку, постановили предложить законоучителю о. Бѣловидову, какъ проповѣднику при миссіонерской церкви, покинуть стѣны гимназіи, ибо „аудиторія при названной церкви есть разсадница черносотенныхъ взглядовъ“. Это постановленіе тотчасъ приведено было въ исполненіе: сознательные ученики ворвались на урокъ о. Бѣловидова въ младшій приготовительный классъ, устроили здѣсь безобразія и выгнали его изъ класса и гимназіи. Педагогическій совѣтъ попробовалъ было защитить своего коллегу и постановилъ закрыть по этому случаю гимназію. Но инцидентъ этотъ былъ подвергнутъ обсужденію родителей учениковъ 5—8 классовъ на совѣщаніи 16 ноября. Не успѣлъ еще секретарь прочитать состоявшееся постановленіе совѣта гимназіи, какъ въ залъ родительскаго совѣщанія снова ворвались учащіеся и, потребовавъ себѣ права голоса, что и было имъ предоставлено, затѣяли въ неприличномъ видѣ споръ по поводу происшедшаго. Возмущенные этимъ члены педагогическаго совѣта, а за ними и нѣкоторые родители удалились изъ зала совѣщанія; поднялся шумъ; кто-то закричалъ: „педагогическій совѣтъ ушелъ, уйдемъ и мы, а то насъ здѣсь перебьютъ“. Оставшіеся же родители продолжали обсуждать злобу дня совмѣстно съ своими „милыми“, но нахально ворвавшимися сюда дѣтьми, „чуткими и отзывчивыми на все доброе и прекрасное“, но въ сущности юношами—sans loi, sans façon. Посылали за педагогами, прося ихъ возвратиться; но тѣ уже покинули поле битвы и дезертировали къ своимъ пенатамъ. Путемъ долгаго обсужденія явилась слѣдующая резолюція. „Во имя интересовъ учащихся, во имя интересовъ школы (?), игнорируя ничѣмъ со стороны собравшихся родителей невызванное оскорбленіе, нанесенное имъ демонстративнымъ уходомъ педагогическаго совѣта, собраніе постановило: во 1-хъ, просить педагогическій совѣтъ не приводить въ исполненіе свое постановленіе о закрытіи 5—8 классовъ и созвать вновь собраніе родителей, педагоговъ и делегатовъ отъ учениковъ въ количествѣ, какое они (ученики) найдутъ нужнымъ, съ тѣмъ, чтобы остальные ученики могли присутствовать съ правомъ совѣщательнаго голоса, и во 2-хъ, если не послѣдуетъ согласія, то поручить бюро, выбранному сегодня, опротестовать рѣшеніе совѣта предъ попечителемъ и созвать родителей и учениковъ для окончательнаго рѣшенія вопросовъ, вытекающихъ изъ рѣшенія педагогическаго совѣта и причинъ, приведшихъ къ такому рѣшенію“. Вслѣдъ за этимъ ученики старшихъ классовъ остались для дальнѣйшаго обсужденія инцидента съ о. Бѣловидовымъ, а также, кстати, и поступка педагоговъ на родительскомъ собраніи и вынесли слѣд. резолюцію: „Мы, учащіеся старшихъ классовъ 2-й

гимназіи, обсудивъ инцидентъ съ о. Бѣловидовымъ и съ педагогическимъ совѣтомъ, постановили: 1) не отказываясь отъ своего рѣшенія относительно о. Бѣловидова, но считая вмѣстѣ съ тѣмъ скороспѣлымъ и потому неправильнымъ приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія, имѣвшее мѣсто утромъ 16 ноября; 2) указывая на противорѣчіе между словами и поступкомъ педагоговъ, съ одной стороны, указывавшими на необходимость повиновенія не чувству, а разуму, съ другой стороны—подъ вліяніемъ раздраженія демонстративно удалившимся съ родительскаго собранія безъ правильнаго обсужденія инцидента, во 1) предложить учителямъ признать свое постановленіе преждевременнымъ и во 2) совмѣстно съ нами и нашими родителями хладнокровно и всесторонне обсудить инцидентъ“. Результатомъ этихъ резолюцій явилось слѣдующее дипломатичное сообщеніе директора 2-й м. гимназіи Дрбоглава: „Соединенное засѣданіе педагогическаго совѣта 2-й м. гимназіи и делегатовъ отъ родителей учащихся въ четвергъ, 17 ноября 1905 г., постановило: гимназіи не закрывать, но занятія во всѣхъ классахъ временно пріостановить впредь до организаціи родительскаго кружка“. Конечнымъ же результатомъ всей этой возмутительной исторіи было вынужденное оставленіе службы въ этой гимназіи о. Бѣловидовымъ. Здѣсь не знаешь, чему больше удивляться: наглости-ли учащихся, которые явились въ данномъ случаѣ агентами охраннаго отдѣленія отъ революціи, крайне нетерпимыми къ убѣжденіямъ о. Бѣловидова, крайне нахальными и дерзкими въ отношеніи своихъ педагоговъ, трусливости-ли и полной безпомощности этихъ педагоговъ, девертировавшихъ отъ исполненія своего долга и сдѣлавшихъ неразумную уступку разнузданной учащейся молодежи, неразумію-ли родителей, которые старались еще болѣе революціонировать своихъ и безъ того уже крайне революціонно-настроенныхъ „милыхъ“ дѣтокъ, или же бывшему попечителю округа, г. Завадскому, который въ этой исторіи, какъ и во многихъ другихъ безчисленныхъ подобныхъ ей, куда-то прятался и умывалъ, какъ Пилатъ, свои руки. Если директоръ гимназіи и совѣтъ ея смалодушничали и не могли возстановить нарушенный порядокъ въ гимназіи, то обязанъ былъ сдѣлать это попечитель округа, который былъ назначенъ на эту должность, конечно, для руководства учебно-воспитательнымъ дѣломъ.

Будучи совершенно свободны отъ учебныхъ занятій и заняты только сходками и митингами, учащіе и учащіеся свободное отъ этихъ занятій время посвящали своимъ литературнымъ трудамъ. Вотъ почему въ это время въ Тифлисѣ появилось довольно значительное количество ученическихъ и учительскихъ статей, цѣлыхъ газетъ, сборниковъ и журналовъ. Предъ нами № 1 газеты „Эхо“, издаваемой учениками 1 Тифлисской мужской гимназіи и разрѣшенной къ печати директоромъ ея г. Гамкрелидзе. Въ этой газетѣ, органѣ учащихся, объявленъ составъ редакціи, сотрудниковъ (числомъ болѣе 22) и издатель; всѣ пропечатаны полными фамиліями. Эти безусые или, можетъ быть, уже слишкомъ усатые тифлисскіе гимназисты въ своей передовой статьѣ требуютъ „свободной автономной школы въ новой Россіи, обновленной посредствомъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, тайнаго, равнаго и прямого избира-

тельнаго прав», безъ различія пола и національностей". Вотъ ужъ по истинѣ: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней". Одно только заявленіе „нашихъ милыхъ дѣтей", что генералъ-адъютантъ Сахаровъ „палъ позорной смертью отъ руки благородной женщины", способно привести въ ужасъ за нашу учащуюся молодежь. Заявивъ о томъ, что „теперь учащіеся своими забастовками, демонстраціями показали всему обществу какая гниль наполняетъ учебныя заведенія", наши юные авторы высказали непререкаемую истину. Въ описаніи событій 22 октября въ Тифлисѣ ученикъ Л. Тумановъ заявилъ, что „пьяные хулиганы, солдаты, казаки, кадеты, предводительствуемые юнкерами, врывались въ беззащитные дома, грабили, убивали невинныхъ дѣтей, женщинъ"; эта самая позорная клевета впослѣдствіи возымѣла свою особую исторію. (Г. Гамкрелидзе, будучи привлеченъ къ суду начальникомъ юнкерскаго училища за эту клевету на юнкеровъ, вынужденъ былъ помѣстить въ газетѣ „Кавказъ"— 5 февраля 1906 г. № 29—письмо, въ которомъ онъ признаетъ, что между юнкерами не было въ это время ни одного нетрезваго. Говорятъ, за эту клевету онъ былъ приговоренъ судомъ къ аресту, но какимъ-то образомъ ускользнулъ отъ этого наказанія). „Впередъ, товарищи, взываетъ съ разрѣшенія своего директора гимназистъ Козмидіади, приподнимемъ дубину, авось опустить не придется". Читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь: неужели это ученическое произведеніе?! Неужели это пишутъ наши дѣти, ученики гимназій! По поводу организаціи союза учителей ученикъ Грузенбергъ выражаетъ недовѣріе своимъ педагогамъ, не смотря на завѣренія послѣднихъ въ родѣ слѣдующихъ: „мы идемъ вамъ на встрѣчу, а вы все смотрите на насъ недовѣрчиво". Это недовѣріе учащихся къ учащимъ основно на томъ, что, мысль объ учрежденіи союза появилась у педагоговъ лишь только послѣ разрѣшенія свыше. Поэтому ученики требуютъ, чтобы педагоги скорѣе выступили на путь активной борьбы и скорѣе удалили со службы своихъ коллегъ бюрократовъ, тормозящихъ все дѣло образованія и воспитанія молодого поколѣнія. На это педагоги отвѣчали своимъ ученикамъ: „заявите это въ педагогическомъ совѣтѣ; а то намъ неловко исключать изъ своей среды коллегу. Если же вы заявите, то мы оставимъ его согласно вашему желанію". (Какъ это скверно и безнравственно, гг. педагоги!). „Но гдѣ же тутъ активная борьба за новую школу?" заявляетъ при этомъ горячій авторъ. „Намъ нужна фактическая активная борьба педагоговъ за новую школу, а не бумажныя проявленіе либеральныхъ стремленій гг. педагоговъ". Изъ отдѣла „Школа" между прочимъ узнаемъ, что 22 ноября состоялось первое организаціонное собраніе социалъ-демократическаго клуба учащихся; что изъ Гори пріѣхали депутаты отъ учащихся соціалъ-демократовъ съ просьбой выслать туда агитаторовъ; высланы Сачинава и Кессенигъ, что ученики 2 мужской гимназіи Карповичъ и Цуриновъ въ скоромъ времени выпустятъ соціалъ-революціонный журналъ, что группа учащихся 1-й мужской гимназіи организовала самооборону, представителемъ которой является гимназистъ Храмеловъ, что директоръ 1-й Тифлисской мужской гимназіи Гамкрелидзе чрезвычайно удивленъ, почему ученики нѣкоторыхъ классовъ не предста-

вили ему своей программы, по которой должны вестись занятія. Я далеко не окончилъ передачи содержанія № 1-го газеты „Эхо"; но достаточно и этого, чтобы придти къ заключенію, что эта газета вышла не изъ стѣнъ правительственной гимназіи, а изъ какого-то сумашедшаго дома; но подпись: „печатать разрѣшилъ Директоръ 1-й мужской гимназіи Гамкрелидзе" говоритъ о противномъ. И неужели сему г. директору, недавно отпраздновавшему 30-ти лѣтній юбилей своего такого славнаго служенія, не стыдно хотя бы этой газеты?! Да что же наконецъ творится на русской землѣ?! При выпускѣ № 2-го газеты „Эхо" г. Гамкрелидзе заявилъ, что онъ не подпишетъ своего разрѣшенія только потому, что предсѣдатель цензурнаго комитета заявилъ, что эта газета не можетъ быть выпущена въ свѣтъ. Тогда учащіеся отвѣтили, что они и безъ подписи директора выпустятъ газету; но типографія „Гуттенбергъ" отказалась печатать № 2-й. Нашлась другая типографія „Трудъ", которая напечатала этотъ №, но явился инспекторъ типографіи и наложилъ арестъ на газету (Возрожденіе 11-го декабря 1905 г. № 45). Такимъ образомъ мы были лишены удовольствія читать дальше газету „нашихъ милыхъ дѣтокъ". Предъ нами № 2 весьма безграмотнаго журнала учениковъ Тифлисскаго реальнаго училища „Пробужденіе". Глубоко сожалѣю, что мнѣ не удалось достать № 1-й. Въ очеркѣ „Живая могила" представлены душевныя страданія невинно-заключеннаго въ тюрьму молодого человѣка, котораго на допросѣ подвергали даже пыткамъ. Хан-аговъ совершенно безплодно силится представить психологію толпы. Тиросянъ въ „Запискахъ о природѣ" проводитъ ту мысль, что мы должны вѣрить только въ то, что видимъ, а потому совершенно излишне „заводить какихъ-то боговъ". Гамсакурдія недоволенъ земскимъ соборомъ на Руси, который „представляетъ изъ себя неудавшуюся попытку конституціоналистовъ сдѣлать его средствомъ для ограниченія царской власти съ одной стороны, а съ другой стороны они являются орудіемъ въ рукахъ правительства, упираясь на которое оно творило различныя безчинства". Неизвѣстный авторъ въ своихъ „Замѣткахъ" заявляетъ, что „нашъ пресловутый самодержавный строй, былъ надломанъ той мощной и восхитительной организаціей, которую сорганизовали всѣ наши борющіеся элементы"; „проникла она (непоймешь, кто: революція или организація) также и въ нашу ученическую среду и вотъ объ всеобщей ученической организаціи уже возбужденъ вопросъ въ Батумской гимназіи предполагается даже созвать ученическую конференцію"; съ перваго раза, какъ-то само собой—знаменіе времени—навертывается на языкъ: намъ надо устроить союзъ политическій и преслѣдовать цѣль опять-таки политическую, или созыва учредительнаго собранія или государственной думы или же чего-нибудь вродѣ этого". „Забастовками намъ бороться нельзя будетъ. Мы учащіеся забастуемъ, насъ выгонятъ, примутъ новыхъ и школы будутъ функціонировать. Намъ надо будетъ бойкотировать казенныя несвободныя школы, и открывать гдѣ нибудь общественныя, свободныя... Учащіеся перестали бы ходить въ казенныя школы, учителя учить, родители подыскивали бы новыя помѣщенія и доставляли бы средство. И такой всеобще-россійскій бойкотъ несвободной школы привелъ бы насъ

къ конечной цѣли". Амираговъ въ своей статьѣ утверждаетъ, что въ абсолютическихъ государствахъ „царитъ безправіе и личность гражданъ совсѣмъ необезпечена, ибо монархъ однимъ словомъ можетъ разрушить всѣ ихъ права". Далѣе помѣщены глупѣйшія мысли и афоризмы въ родѣ слѣдующихъ: „всѣ блохи—брюнетки", или: „когда я смотрю на слоновъ я думаю: Богъ знаетъ, быть можетъ нѣкогда они были мухами" и т. д. Словомъ и ученики директора Бабанскаго, который усердно насаждалъ революцію въ Кутаисѣ и который давно передалъ управленіе Тифлисскаго реальнаго училища въ руки выборныхъ отъ учениковъ-старостъ, — юноши вполнѣ „сознательные", но, къ сожалѣнію, и вполнѣ безграмотные.—Ученикъ 1-й Тифлисской мужской гимназіи В. Л. выпустилъ брошюру, изъ которой я уже сдѣлалъ позаимствованіе для выясненія того, почему ушелъ въ отставку директоръ Нюблингъ. Сверхъ того здѣсь достодолжнымъ образомъ описаны уроки незлобиваго о. законоучителя Хелидзе. И нужно замѣтить, что описанія эти совершенно вѣрны дѣйствительности. Чего только не происходило здѣсь?! игра въ карты, шашки, разсказы разныхъ исторій и похожденій скандальнаго характера, и даже драки. „Я, говоритъ авторъ, представляю себѣ классъ во время урока Закона Божія; батюшка сидитъ, окруженный своими любимцами; одинъ изъ учениковъ читаетъ евангеліе; чтецъ доходитъ до того мѣста, гдѣ говорится о вознесеніи; батюшка видимо нервничаетъ и очевидно хочетъ самъ что-то разсказать; наконецъ, чувство въ немъ переполнилось: онъ начинаетъ входить въ религіозный экстазъ. Ученики уже замѣтили это состояніе батюшки и моментально окружили его. Въ классѣ становится тихо: всѣ слушаютъ; батюшка поднимается съ мѣста и начинаетъ разсказъ: „И вознэсля Іисусъ на нэбо; и ученыки Его:—Господы, Господы! Іисусе нашъ сладчайшій! А Іисусъ имъ:—Нэ ботэсъ приду въ свое время". При этомъ разсказѣ батюшка показываетъ руками, какъ Іисусъ „вознэслся". А вотъ еще одна сценка: батюшка разсказываетъ объ искушеніи Христа дьяволомъ: „И поймалъ Іисусъ дыавола. Ухъ, ты сатана! А сатана Ему:—Господы просты". „А, вотъ видишъ, поды нэ искушай!". Нужно отдать справедливость молодому автору, что здѣсь нѣтъ нисколько преувеличенія; напротивъ, мы, тифлисскіе педагоги да и начальствующія лица, у которыхъ много дѣтей училось въ этой гимназіи, знаемъ еще больше. Нужно только удивляться, какъ можно было держать на службѣ такого безвольнаго, наивнаго и совершенно неумѣющаго справиться съ учениками старца, который, впрочемъ, теперь уже находится въ отставкѣ.—Въ Баку печальная исторія ученическаго журнала „Школа и жизнь", который былъ редактированъ педагогами, но котораго, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками, имѣла своимъ послѣдствіемъ увольненіе со службы, по приказанію даже Намѣстника, руководителей его,—учителей Генцера, Іосселіани и директора Котылевскаго, изъ которыхъ послѣдніе двое при попечителѣ Рудольфѣ снова получили соотвѣтствующія мѣста.

Перейдемъ теперь къ печатнымъ трудамъ тифлисскихъ педагоговъ того времени. Не касаясь тѣхъ мелкихъ статей, или, вѣрнѣе сказать, рѣчей, которыя произносились въ союзѣ педагоговъ, и потомъ появлялись на

страницахъ мѣстныхъ газетъ, я остановлюсь только на слѣдующихъ. Въ газетѣ „Кавказъ" (11 декабря 1905 г. № 306), который служитъ оффиціозомъ Намѣстника, была напечатана статья учителя Н. Державина, подъ заглавіемъ: „Школьные безпорядки". Въ этой статьѣ авторъ, ссылаясь на переходный характеръ переживаемаго времени, съ ловкостью истиннаго кадета, не только оправдываетъ, но, какъ—бы, и защищаетъ ученическіе безпорядки." Эти безпорядки, говоритъ авторъ, не прекращались вплоть до настоящаго дня, и мы являемся вновь ихъ свидѣтелями, съ той лишь разницей, что они приняли, несомнѣнно, болѣе организованный и болѣе мирный характеръ (? !) и вмѣстѣ съ тѣмъ мотивируются уже не спеціально ученическими нуждами, но вопросами болѣе широкаго, общественно-политическаго характера. Въ этой эволюціи ученическаго настроенія, самобытно оно или навѣяно извнѣ—это безразлично, мы видимъ, во всякомъ случаѣ, лишнее доказательство нашей мысли о тѣсной связи школы съ жизнью: жизнь всею своею массой реагируетъ на школу, и послѣдняя отвѣчаетъ на нее своимъ голосомъ, который и интересенъ именно съ этой точки зрѣнія.... Въ связи съ общимъ теченіемъ событій нашей жизни мы будемъ наблюдать и здѣсь попытку политической организаціи на почвѣ тѣхъ же интересовъ..... Слѣдовательно то, что сейчасъ творится въ школѣ, есть неизбѣжный моментъ въ общественно-политическомъ развитіи Россіи и въ частности въ исторіи развитія нашего школьнаго дѣла..... Можно и должно, конечно, пытаться, при всѣхъ, изложенныхъ нами выше, условіяхъ современной политической жизни Россіи и ея воздѣйствія на жизнь школы, поддерживать общій порядокъ школьной жизни, т. е. такъ наз. школьную дисциплину, но не слѣдуетъ ни огорчаться, ни отчаяваться въ томъ случаѣ, если попытки эти при современныхъ условіяхъ нашей жизни оказываются безсильными, такъ какъ это нисколько не свидѣтельствуетъ ни о распущенности молодежи, ни объ утратѣ хотя бы нѣкоторой частью нашего педагогическаго персонала своего хорошаго вліянія на подростающее поколѣніе". Итакъ Г. Державинъ, слишкомъ много потрудившійся вмѣстѣ съ другими своими коллегами надъ революціонированіемъ учащихся, не видитъ въ безобразнѣйшихъ школьныхъ безпорядкахъ ничего дурного: напротивъ, все идетъ планомѣрно, въ связи съ общей политической жизнью страны, въ чемъ не виноваты ни учащіеся, ни учащіе, и даже, къ удовольствію автора, замѣчается, что эти безпорядки сошли съ узкой школьной дороги и встали на путь „широкаго, общественно-политическаго характера". Но вопросъ о томъ, хорошо ли было толкать молодыхъ, неопытныхъ людей на этотъ путь, или даже просто равнодушно смотрѣть на это,—остался у автора совершенно открытымъ. Дѣятели французской революціи имѣли, безъ сомнѣнія, гораздо больше простого, здраваго и политическаго, государственнаго смысла, а также болѣе сознанія нравственнаго долга, чѣмъ наши педагоги въ родѣ гг. Державиныхъ и ему подобныхъ, потому что тѣ не вовлекали дѣтей и юношей въ ту революціонную борьбу, которую вели сами; а наши современные педагоги оказались не только глупѣе, бездарнѣе, но и безнравственнѣе ихъ. Разсматриваемая мною статья накладываетъ позорное клеймо на автора. Людямъ съ таки-

ми убѣжденіями не мѣсто стоять у священнаго дѣла воспитанія юношества. Съ такими педагогически-политическими воззрѣніями Г. Державинъ принесетъ не мало зла нашему юношеству въ университетѣ, куда онъ, какъ слышно, поступилъ приватъ-доцентомъ.—Этотъ же педагогъ съ начала 1906 года началъ издавать въ Тифлисѣ свой педагогическій еженедѣльный журнальчикъ, подъ заглавіемъ „Школа и жизнь". У меня подъ руками имѣются только слѣдующіе № его; 1—2, 3, 4, 5 и 8. Содержаніемъ этихъ номеровъ служатъ тѣ зажигательныя рѣчи нашихъ педагоговъ, съ которыми мы уже ознакомились при изслѣдованіи дѣятельности комиссіи выборныхъ представителей отъ тифлисскихъ педагоговъ и союза кавказскихъ учителей, а также—объ организаціи родительскихъ кружковъ и наконецъ—нѣсколько тенденціозно выхваченныхъ изъ жизни русской школы фактовъ. Когда весь педагогическій багажъ объ автономной школѣ на основаніи пресловутой и спасительной четырехвостки, а также и политическій—о необходимости созыва учредительнаго собранія у Г. Державина и его сотрудниковъ истощился, то журналъ умеръ своей естественной смертью отъ худосочія. —Въ № 7 Нов." Обозр." за 1906 г. (12 янв.) Г. Зачиняевъ помѣстилъ свою статью: „Соціализація школы", гдѣ доказывать необходимость превращенія школы въ свободное общественное учрежденіе, полнаго изъятія ея изъ вѣдѣнія государства или, правильнѣе, правительственныхъ органовъ и передачи ея въ вѣдѣніе общественныхъ организацій". Правительство самодержавнаго Монарха, говоритъ авторъ, наложило на все дѣло народнаго просвѣщенія и культурнаго развитія Европы клеймо позорнаго застоя, пропитавшаго общество и народъ ядомъ мертвящаго невѣжества. Но правда жизни воскресила уже начавшаго смердить Лазаря всемірной исторіи—русскій народъ. Могучій творецъ тысячилѣтней исторіи русскаго государства, многомилліонный русскій народъ властно заявилъ, что онъ не потерпитъ дальнѣйшаго преступнаго попранія законныхъ своихъ правъ на общественно-политическіе суверенитетъ". Какъ видите, всѣ пріемы соціалъ-демократическаго или революціоннаго оратора на митингѣ у сего просвѣтителя русскаго юношества въ Тифлисѣ (Интересно было бы знать, что преподаетъ всей велемудрый мужъ въ I Тифлисской мужской гимназіи).

Само собой понятно, что всѣ эти и многія другія подобныя вступленія въ печати нашихъ педагоговъ не только не клонились къ умиротворенію школы, но еще болѣе сгущали, если можно такъ выразиться, атмосферу школьной вакханаліи. Къ довершенію всего, 18 декабря 1905 г. состоялась слѣдующая знаменитая резолюція тифлисскаго отдѣленія союза кавказскихъ педагоговъ, объявленная въ томъ же оффиціозѣ Намѣстника, въ газетѣ „Кавказъ" 15 декабря (№ 309). „Присоединяясь къ требованіямъ прогрессивныхъ силъ Россіи, вступившихъ въ активную борьбу съ правительствомъ, которое явно показало свое нежеланіе передать управленіе страной народу, и признавая, что созданіе новой школы возможно только при народномъ управленіи страной, Т. О. С. К. П. (тифлисское отдѣленіе союза кавказскихъ педагоговъ) постановило примкнуть къ настоящей всероссійской забастовкѣ". Такимъ образомъ изъ просвѣтителей молодого

поколѣнія тифлисскіе педагоги превратились въ гасильниковъ свѣта. Забастовать легко и просто; это умѣютъ дѣлать даже лакеи; на это не нужно ума, дарованій и труда. И наши педагоги, мнящіе себя цвѣтомъ интеллигенціи, солью земли русской, ничего другого, болѣе разумнаго придумать не могли, какъ только забастовать. Выходка эта весьма некрасива и съ чисто нравственной точки зрѣнія: педагоги состоятъ на службѣ не только правительства, но и общества, которое вноситъ плату за право ученія своихъ дѣтей и которое требуетъ, чтобы ихъ дѣтей учили доброму, разумному, вѣчному, а они забастовали. Ужъ и безъ того учащіеся не учились, а только политически и нравственно развращались; а тутъ еще забастовали всѣ тифлисскіе педагоги: и старые, и молодые, и дѣйствительные статскіе и простые регистраторы. Въ это время оставшіеся безъ всякихъ школьныхъ занятій и призора учащіеся нашли было себѣ „серьезное дѣло". Когда по приказанію Намѣстника, были выданы революціонерамъ 500 берданокъ, то гимназисты, вооружившись оружіемъ и представляя изъ себя охрану, важно разгуливали по городу, вызывающе останавливали прохожихъ, иногда весьма солидныхъ и почтенныхъ мужей, и нахально обыскивали ихъ. Это была настоящая педагогическо-политическая свистопляска. Дойти мѣстнымъ властямъ до такой растерянности, попустительства, потакательства и даже пособничества нашей глупѣйшей революціи по меньшей мѣрѣ преступно. Но теперь заговорило общество: всюду и вездѣ раздавались крупныя, энергичныя порицанія до ругательствъ включительно по адресу педагоговъ, учебнаго начальства и высшей мѣстной власти въ краѣ. Педагоги этимъ своимъ выпадомъ думали поднять свой низко упавшій авторитетъ, но, не расчитавъ курса разныхъ партій на политической биржѣ, который сильно упалъ послѣ разгрома Дубасовымъ революціонеровъ въ Москвѣ, окончательно проиграли и утратили свой послѣдній авторитетъ. Поздно выпустили наши педагоги свои революціонныя акціи; онѣ тогда уже страшно упали въ цѣнѣ; на нихъ не было прежняго спроса. Общественная атмосфера въ Тифлисѣ была въ это время чрезмѣрно насыщена взрывчатыми веществами. Всего болѣе были возмущены этимъ положеніемъ дѣла военные люди. И въ самомъ дѣлѣ, если общественная охрана города была передана въ руки революціонеровъ и въ томъ числѣ безсмысленныхъ гимназистовъ, то значитъ, армія не нужна; если всѣ эти крайніе лѣвые вооружены, то никто не можетъ поручиться за то, что они не обратятъ своего оружія въ одно удобное для нихъ время противъ тѣхъ, на комъ лежитъ охрана города по закону о военномъ положеніи, т. е. на офицеровъ арміи. Къ тому же стали ходить упорные слухи, что уже готовятся вырѣзать офицеровъ. Поэтому послѣдніе, собравшись вмѣстѣ и обсудивъ тѣ условія, въ которыя они поставлены распоряженіемъ о выдачѣ революціонерамъ оружія, отправили къ Намѣстнику депутацію, которая предъявила свои разумныя требованія. Въ числѣ этихъ требованій было предъявлено и требованіе о прекращеніи забастовки тифлисскихъ педагоговъ. Намѣстникъ вынужденъ былъ согласиться принять эти требованія къ исполненію. Такимъ образомъ только благодаря гг. офицерамъ тифлисскаго гарнизона, была предупреждена готовящаяся рѣзня

всей политически благоразумной части населенія Тифлиса и главнымъ образомъ русскихъ. Такимъ образомъ благодаря тифлисскимъ офицерамъ, а и не попечителю Завадскому, котораго въ это время какъ бы и не было въ Тифлисѣ, была прекращена забастовка педагоговъ. Только 28 декабря (Кавказъ 1905 г. № 315) „Намѣстникомъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ предложено попечителю учебнаго округа тѣхъ изъ учителей и служащихъ въ кавказскомъ учебномъ округѣ, которые 9 будущаго января не приступятъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, уволить со службы и лицъ, занимающихъ, по должности, казенныя квартиры, обязать очистить таковыя въ двухнедѣльный съ 9 января срокъ". Достаточно было появиться такому краткому, но властному распоряженію, какъ прекратились всякія забастовки ученическія и педагогическія. Почему же не сдѣлать было этого раньше, въ свое время? Почему не додумался до такого распоряженія попечитель Завадскій? Зачѣмъ было дожидаться въ этомъ случаѣ воздѣйствія со стороны офицеровъ тифлисскаго гарнизона? Вотъ вопросы, которые остаются безъ отвѣта. Послѣ этого нельзя не согласиться съ тѣмъ изъ благоразумныхъ родителей, который на собраніи 16 декабря во 2-й женской гимназіи въ отвѣтъ на сообщеніе директора, что, не смотря на неоднократныя старанія педагогическаго совѣта, нельзя было ввести школьную жизнь въ нормальную колею, вслѣдствіе тревожнаго настроенія учащихся,—заявилъ, что суть въ томъ, что педагоги сами представляютъ изъ себя гнѣздо соціалъ-демократіи, крамолы, что они развращаютъ дѣтей и вслѣдствіе этого необходимо смѣнить педагогическій персоналъ, начавъ сверху, т. е. съ попечителя... (Кавказъ 4 января 1906 г. № 3 и Тифл. Лист. 6 января 1906 г. № 5).

Конецъ 1905—6 года закончился слѣдующимъ революціоннымъ выпадомъ учителя 1 Тифлисской женской гимназіи, борца революціи, Юлія Семенова, который въ № 42 „Кавказской Мысли" (17 мая 1906 г.) помѣстилъ передовую статью, подъ заглавіемъ „Рубиконъ". Жребій брошенъ, кричитъ онъ. Рубиконъ долженъ быть перейденъ. Правительство и съ нимъ камарилья не захотѣли уступить добровольно... Начался конфликтъ, котораго Дума хотѣла избѣгнуть... Два выхода есть изъ этого конфликта: или министерство выйдетъ въ отставку и будетъ замѣнено новымъ, признающимъ учредительныя функціи Думы, или послѣдняя будетъ разогнана штыками. Въ послѣднемъ случаѣ вся страна подымется на защиту своихъ депутатовъ... Если конфликтъ выльется въ форму вооруженныхъ дѣйствій противъ Государственной Думы, то даже мирные граждане выйдутъ на поле брани противъ общаго супостата".

Какъ шло во второй половинѣ 1905—6 года въ тифлисскихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Кавказа ученіе, извѣстно только самимъ педагогамъ, которые, получивъ должный урокъ, не столько поумнѣли, сколько похитрѣли и перстали выносить соръ изъ избы на страницы мѣстной прессы. Было не ученіе, а поистинѣ—мученіе и самый полный развратъ молодыхъ душъ. Учащіеся не занимались почти цѣлый годъ, а аттестаты объ окончаніи курса, равно и право на переходъ въ старшіе классы получили преисправно. Экстерны же въ Баку, Эривани и въ нѣкоторыхъ другихъ

городахъ добились себѣ аттестатовъ тѣмъ, что вынимали на экзаменахъ изъ своихъ кармановъ браунинги и клали ихъ передъ собой. Да, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ такіе педагоги могутъ обучать въ истинѣ и воспитывать въ добрѣ?! Вся ихъ тактика была расчитана на то, что такую массу педагоговъ не уволятъ со службы, такъ какъ ихъ некѣмъ будетъ замѣнить. Но начальству округа необходимо было строго и тщательно разслѣдовать, кто изъ педагоговъ игралъ во всей этой длинной и безобразной исторіи наиболѣе видную, активную роль, кто былъ наиболѣе вреднымъ агитаторомъ, и такихъ, удаливъ съ государственной службы, предать въ руки правосудія, дабы всѣмъ остальнымъ впредь было неповадно поступать такъ. Сдѣлать это было вполнѣ необходимо, такъ какъ нашей государственной школѣ на Кавказѣ былъ нанесенъ непоправимый вредъ и такъ какъ было загублено много, слишкомъ много молодыхъ неопытныхъ душъ. Вѣдь по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ, какъ напр. по почтово-телеграфному, было именно поступлено такъ съ вожаками забастовки. Вѣдь даже простые, вполнѣ невѣжественные обыватели разныхъ захолустій были привлечены послѣ къ суду за разные безпорядки. Одни только педагоги вышли сухими изъ воды. Попечитель Завадскій не сдѣлалъ этого необходимѣйшаго дѣла, конечно, не столько изъ трусости, которая также, можетъ быть, имѣла мѣсто, сколько изъ опасенія того, что и на него могутъ быть взведены серьезныя обвиненія не только въ растерянности, но и въ попустительствѣ и даже пособничествѣ этому движенію. И вотъ, вмѣсто этого, Попечителя Завадскаго произвели въ сенаторы, какъ будто, за какую-то великую государственную заслугу и дали хорошій окладъ содержанія. Это ли не злая насмѣшка надъ русской государственностью?!

2. Время управляющаго округомъ г. Лопатинскаго.

Въ 1906—7 учебный годъ кавказская школа вступила подъ временнымъ управленіемъ одного изъ старѣйшихъ на Кавказѣ окружныхъ инспекторовъ г. Лопатинскаго. Всякій, знающій послѣдняго не могъ порадоваться такому, хотя и временному, управленію. Г. Лопатинскому даже очень хотѣлось быть настоящимъ попечителемъ округа; но вѣдь рѣдко, кто не доволенъ самимъ собой. Г. Лопатинскій, принадлежа къ типу „величайшихъ оптимистовъ“ и прекраснодушныхъ вздыхателей въ родѣ Манилова, при всѣхъ своихъ положительныхъ нравственныхъ качествахъ и прекрасномъ добродушіи, которое заставляетъ его видѣть всюду „даровитыхъ“, „талантливыхъ“ и чуть не „геніальныхъ“ педагоговъ даже тамъ гдѣ и намека на это нѣтъ никакого, отличается крайней вялостью воли, отсутствіемъ стойкости и выдержки въ проводимыхъ имъ принципахъ, а также и полнымъ неумѣньемъ разобраться въ живомъ дѣлѣ; это—типъ кабинетнаго работника, но не живого, разумнаго администратора. Поэтому только совершенно незнающій его могъ поручить ему крайне сложное и отвѣтственное дѣло управленія бурнымъ кавказскимъ учебнымъ округомъ въ такое крайне тяжелое и смутное время. Хотя онъ и любилъ во время

своего управленія иногда похваляться, что онъ держится „строгаго курса“, но, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, это утвержденіе осталось пустой фразой. Если и были за это время предъявлены какія либо строгія и настойчивыя требованія, то они должны быть приписаны исключительно Помощнику Намѣстника г. Мицкевичу, который былъ тогда фактически попечителемъ округа, но не г. Лопатинскому, который ограничился ролью простого докладчика и чиновника особыхъ порученій при г. Мицкевичѣ.

Новый учебный годъ открылся глубоко-возмутительнымъ поступкомъ учениковъ 5 класса I Тифлисской мужской гимназіи, предпринявшихъ 30 сентября 1906 г. нелѣпую экскурсію въ православный грузинскій Шіо-Мгвинскій монастырь, подъ руководствомъ почти только-что испеченнаго педагога изъ нѣмцевъ. Кстати замѣтить, что въ этой учебной экскурсіи участвовали и гимназисты изъ татаръ. Что, съ позволенія сказать, понесло такую экскурсію въ древній грузинскій православный монастырь, неизвѣстно. Извѣстно только со словъ преосвящ. Александра, проживавшаго въ этомъ монастырѣ, то, что многіе изъ этихъ гостей „вели себя крайне неспокойно. До полуночи неистово кричали. Въ полночь же стали звонить въ колокола. На просьбы не дѣлать этого не обратили никакого вниманія. Попортили пчельникъ. Разбили чайную посуду, часть выбросили въ оврагъ, сорвали съ потолка висячія лампы и нѣкоторыя изъ нихъ разбили. Изъ мутакъ повытаскали шерсть и разбросали по балкону и комнатамъ. За полчаса до разсвѣта они, оказывается, ушли. Мы осмотрѣлись и ужаснулись; казалось, непріятель раззорилъ монастырь“. Очевидно, были распьяно-пьянешеньки. Такимъ образомъ набѣгъ нашихъ тифлисскихъ сорванцевъ-гимназистовъ не пощадилъ даже древней грузинской святыни, основаніе которой относятъ къ VII вѣку; „наша милая увлекающаяся молодежь“, какъ любятъ выражаться наши революціонеры, не постѣснилась даже сѣдинъ и просьбъ 80-лѣтняго старца преосвящ. Александра, который хотѣлъ найти здѣсь покой отъ шумнаго свѣта и суетной жизни. Когда раздался въ мѣстной печати голосъ этого протестующаго старца, тогда и только тогда гимназическое начальство обратило вниманіе на эту отвратительную выходку своихъ питомцевъ. По свидѣтельству мѣстныхъ газетъ, отъ 13 октября, 6 виновныхъ въ этомъ безобразіи учениковъ уволены изъ гимназіи; но, по свидѣтельству тѣхъ же газетъ, отъ 22 октября имъ объявленъ только строгій выговоръ съ уменьшеніемъ балла по поведенію до 3 и предупрежденіемъ, что если эти ученики будутъ замѣчены въ какомъ либо проступкѣ, то подвергнутся немедленному увольненію. Страшно становится за нашу школу, которая считаетъ возможнымъ прикрывать въ своихъ стѣнахъ такихъ крайне развращенныхъ юношей. Неужели въ глазахъ нашихъ педагоговъ эта величайшая наглость такъ мала, что не заслуживаетъ большаго наказанія?! Неужели эти пьяные хулиганы не вредны для своихъ сотоварищей по гимназіи?! Отъ того-то наши учебныя заведенія и гибнутъ, а учащіеся въ нихъ развращаются. Начальство Кавказскаго учебнаго округа послѣ этого „инцидента“, ясно показавшаго всю нелѣпость какъ этой, такъ почти и всѣхъ другихъ совершавшихся въ послѣднее время и готовыхъ совершиться quasi—учебныхъ экскурсій, вы-

нужденнымъ нашлось циркулярно воспретить какія бы то ни было экскурсіи до осени 1907 г. Когда объ этомъ узнали учащіеся, то въ 3 Тифлисской мужской гимназіи и въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ произведены были глупѣйшіе безпорядки до битья стеколъ и мебели включительно.

Этотъ дикій набѣгъ и безобразный разгромъ Шіо-Мгвинскаго монастыря тифлисскими гимназистами заставилъ мѣстное общество и печать ближе присмотрѣться къ тому, что творится въ тифлисскихъ храмахъ науки. Оказалось, при нѣкоторомъ внѣшнемъ, наружномъ порядкѣ—полнѣйшее внутреннее разложеніе, настоящая анархія. Ученики и учителя ходятъ въ школу; бьютъ швейцары звонки; идутъ, какъ-бы, и уроки, по окончаніи которыхъ тѣ и другіе возвращаются домой; словомъ идетъ, какъ-бы, все по заведенному порядку; совершаются даже загородныя прогулки. Но на дѣлѣ оказалось, что ученики не ходятъ въ классы, уроковъ не готовятъ, а тѣмъ болѣе и не отвѣчаютъ ихъ; сидятъ на урокахъ только тѣ, кому не лѣнь; остальные шумятъ и безобразничаютъ въ корридорахъ; въ классѣ сидятъ, гдѣ кому и какъ вздумается, часто съ папиросами во рту. Учителя утратили и самый послѣдній авторитетъ; постоянно наталкиваются на дерзости и оскорбленія со стороны учениковъ, которые являются часто пьяными. Исключенные постановленіемъ совѣта ученики принимаются обратно въ учебное заведеніе по приказанію своихъ товарищей; вообще, какъ выражается одна мѣстная газета, „учащіе принуждены творить волю учащихся подъ страхомъ тягчайшихъ репрессій“ (Голосъ Кавк. 14 октября 1906 г. № 141). На улицахъ нѣтъ прохода отъ учащихся трезвыхъ и пьяныхъ, въ учебное время дня и не въ учебное. Занятія въ классахъ идутъ только на словахъ, а на дѣлѣ ихъ нѣтъ. („Голосъ Кавк.“ 26 октября 1906 г. № 151 со словъ даже лѣвой газеты „Страна“). Наша средняя школа, какъ свидѣтельствуетъ „Тифлисская Газета“ (19 окт. № 19), „превратилась въ совершенно дезорганизованное учрежденіе“. Въ Елизаветполѣ гимназисты пьютъ водку въ клубахъ и не желаютъ платить за это денегъ, играютъ въ баккара, стрѣляютъ на конкѣ („Голосъ Кавказа“ 19 окт. 1906 г. № 145). Тоже безобразіе происходитъ и по другимъ городамъ, особенно въ Баку, Кутаисѣ и Батумѣ. Такое начало учебныхъ занятій не предвѣщало ничего хорошаго. И, дѣйствительно, вскорѣ разыгралась очень крупная исторія въ Тифлисскомъ реальномъ училищѣ, у знаменитаго въ лѣтописяхъ такъ наз. освободительнаго движенія, директора Бабанскаго который въ продолженіи полгода уже успѣлъ окончательно распустить ввѣренное ему учебное заведеніе и устроить полную ученическую автономію. Теперь же, подъ вліяніемъ требованій сверху, захотѣлъ было подтянуть своихъ учениковъ и сдѣлать попытку самому вступить въ управленіе училищемъ, но сильно осѣкся на этомъ.

Съ самаго начала учебнаго года учащіеся въ старшихъ классахъ Тифлисскаго реальнаго училища, какъ свидѣтельствуетъ протоколъ педагогическаго совѣта этого училища, нарушали нормальный ходъ школьной жизни: не готовили уроковъ, уходили съ уроковъ, не исполняли письменныхъ работъ и т. д. Такъ продолжалось до 23 октября, когда ученики

7 класса собрались въ одной изъ классныхъ комнатъ и стали о чемъ-то совѣщаться. Директоръ Бабанскій сначала попросилъ, а затѣмъ потребовалъ разойтись по классамъ: ученики отказались исполнить это требованіе. Доложено было объ этомъ управляющему округомъ Лопатинскому, который приказалъ закрыть 5—7 классы училища. Педагогическій совѣтъ, находя, что при такихъ ненормальныхъ условіяхъ нельзя продолжать занятія, выработалъ минимумъ требованій, которымъ должны подчиняться учащіеся: ученики должны готовить уроки, аккуратно посѣщать училище и исполнять письменныя работы; устраивать же совѣщанія могутъ во внѣ-урочное время; но этотъ послѣдній пунктъ протокола, по требованію окружнаго начальства, былъ исключенъ. Директоръ Бабанскій прочелъ ученикамъ выработанныя совѣтомъ условія; но они на это отвѣтили, что могутъ высказаться по данному вопросу до тѣхъ поръ, пока не будетъ открыто училище и не будетъ разрѣшено имъ обсуждать вопросы академическаго характера. Послѣ этого директоръ предложилъ имъ разойтись, и они разошлись. Тогда „Тифлисская ученическая организація россійской соціалъ-демократической рабочей партіи" выпустила слѣдующую прокламацію: „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь. Ко всѣмъ учащимся г. Тифлиса. Товарищи! Темныя силы, господствующія во всей Россіи окутали и нашу школу со всѣхъ сторонъ. Онѣ душатъ и давятъ насъ съ каждымъ днемъ все плотнѣе и плотнѣе, съуживая и безъ того узкій кругъ нашихъ болѣе или менѣе свободныхъ дѣйствій. Затхлая атмосфера, въ которую проникъ было свѣжій вѣтерокъ подъ вліяніемъ общаго подъема революціонныхъ силъ, мракъ всеподавляющей казенщины, едва пробитый живительнымъ лучемъ сознанія, опять наполняютъ нашу школу, превращая ее изъ органа общественнаго развитія въ нѣчто совершенно противоположное скорѣе вредное, чѣмъ полезное для свободнаго развитія личности. Добытое въ прошломъ году цѣною упорной борьбы и безконечныхъ усилій, теперь отнимается у насъ шагъ за шагомъ. Насъ хотятъ заключить въ тѣ же рамки, въ которыхъ мы тѣснились въ былое время, „блаженное" для начальства и весьма печальное для насъ учащихся. Закрытіе Техническаго училища изъ-за пустого инцидента показало это намъ воочію. Тогда мы были возмущены, товарищи, этимъ фактомъ, но у насъ еще теплилась надежда на благоразуміе тѣхъ сферъ, на попеченіе которыхъ мы отданы. Однако конфликтъ въ реальномъ училищѣ разсѣялъ окончательно иллюзіи. Въ самомъ дѣлѣ. Ученики требуютъ себѣ права собираться на классную сходку, гдѣ они могли бы обмѣняться между собой мнѣніями, столковаться о чисто-академическихъ вопросахъ, своевременность и назрѣлость которыхъ признаны всѣми, но начальство имъ въ этомъ отказываетъ, не смоторя на то, что подобныя собранія во многихъ училищахъ происходятъ, хотя и съ большими огражденіями (?). Но никакія преграды, никакія усилія не въ состояніи запрудить широко разливавшееся движеніе. Оно пробьетъ себѣ дорогу во что бы то ни стало. И товарищи реалисты вполнѣ справедливо отвѣтили на отказъ начальства прекращеніемъ занятій впредь до полученія права собраній. Товарищи: это дѣло касается и насъ. Намъ нужно тоже. Мы окованы въ одну и туже цѣпь, плотно стягивающую

насъ со всѣхъ сторонъ, и, если не послѣдуетъ общихъ усилій, общаго дружнаго напора на всѣ ея крѣпкія звенья, то эта цѣпь не разорвется, она еще сильнѣе врѣжется въ наше тѣло. Дѣло зависитъ отъ насъ, товарищи. Мы не должны допустить попиранія нашихъ насущныхъ правъ; мы должны выразить нашу солидарность съ товарищами реалистами. Только единодушное, повмѣстное выступленіе всѣхъ учебныхъ заведеній поколеблетъ твердое рѣшеніе реакціоннаго начальства наложить намордникъ на наше свободное слово. Способъ протеста былъ выбранъ стихіей— это забастовка. Она произойдетъ, ее не удержишь. А развѣ это такъ, то она должна произойти какъ можно полнѣе, какъ можно единодушнѣе. Лишь въ этомъ случаѣ возможно отступленіе начальства, возможна побѣда! Итакъ, товарищи, за свободу классныхъ сходокъ, за право собираться для обсужденія чисто-академическихъ вопросовъ! Прекращайте занятія во всѣхъ высшихъ классахъ, впредь до полученія этого права. Не забывайте только того, товарищи, что тактичность и сдержанность должны господствовать среди насъ. Она должна всюду нами руководить, чтобы не дать повода всевозможнымъ столкновеніямъ и скандаламъ. А за симъ къ дѣлу! Товарищи! Долой произволъ и казенщину! Да здравствуетъ свобода классныхъ сходокъ. 26 окт. Типографія ученическаго коллектива С. Д.".

Прокламація эта возымѣла свое дѣйствіе: забастовали всѣ старшіе классы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса. Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій, нельзя не остановиться на разборѣ происшедшаго въ Тифлисскомъ реальномъ училищѣ по существу. Послѣ тѣхъ такъ наз. „свободъ", или, вѣрнѣе, послѣ той полной распущенности учащихся и послѣ того автономнаго управленія ими, которыя царили во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса, а у г. Бабанскаго въ особенности, конечно, ученикамъ послѣдняго было не только странно, но и совершенно непонятно требованіе учиться, соблюдать хотя бы минимальныя требованія порядка и отказаться отъ права самоуправленія путемъ сходокъ. Вполнѣ ясно, что между требованіями прошлогодними и настоящими – громадное противорѣчіе, совершенно непріемлемое учащейся молодежью. Вотъ еще одно лишнее доказательство необходимости очистки революціоннаго персонала учащихъ и замѣны ихъ новыми, незапятнанными революціонными выпадами; чего, къ сожалѣнію, не сдѣлано даже и до сихъ поръ. Затѣмъ весьма характерна для педагоговъ Тифлисскаго реальнаго училища, подчиняющихъ изъ подъ палки новому для себя требованію начальства, та особенность постановленія совѣта этого училища, что послѣдній, съ своей стороны, призналъ возможнымъ ученическія сходки во внѣклассное время. Этимъ педагоги, спасая себя отъ учащихся, весьма хитро показываютъ послѣднимъ, что не они виновны въ этомъ запрещеніи, а стоящее надъ ними начальство, которому поневолѣ приходится подчиняться. Вотъ и еще доказательство совершенной непригодности этихъ педагоговъ вести дѣло воспитанія и руководить школой.

Все это столкновеніе учащихъ съ учащимися разбиралось на многолюдномъ родительскомъ собраніи 28 октября, гдѣ, между прочимъ, было заявлено, что одинъ изъ преподавателей этого училища К. жестоко обра-

щается съ учениками младшаго класса и бьетъ ихъ. Послѣ разъяснилось, что учитель К. позволялъ себѣ, дѣйствительно, бить учениковъ, но лѣтъ 15 тому назадъ. Послѣ долгихъ разсужденій и горячихъ споровъ учитель Зачиняевъ и неизвѣстный мнѣ Стратоновъ предложили собранію просить высшее начальство, чрезъ попечителя округа, разрѣшить учащимся старшихъ классовъ совѣщанія по классамъ о своихъ нуждахъ. Собраніе приняло это предложеніе („Тифл. Лист." 29 окт. 1906 г. № 214). Но совѣтъ попечителя округа не согласился съ такимъ постановленіемъ, находя, что такое разрѣшеніе этихъ собраній можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія; что же касается собесѣдованій по классамъ въ присутствіи классныхъ наставниковъ, инспектора и директора, то признано, что подобныя собесѣдованія входятъ въ кругъ обязанностей педагоговъ и что эта одна изъ мѣръ воспитательнаго воздѣйствія. Дѣло это снова разбиралось уже въ центральномъ совѣтѣ родительскихъ кружковъ 2 ноября, гдѣ инспекторъ училища Козюлькинъ, между прочимъ, заявилъ, что волненія учениковъ начались изъ-за отмѣтокъ и нетактичности одного изъ преподавателей во время бесѣды съ учениками объ этомъ. Здѣсь же выяснилось, что директоръ Бабанскій уже, должно быть, уставши сидѣть между двухъ стульевъ, служить Богу и мамонѣ и лавировать между Сциллой и Харибдой, подалъ въ отставку. Знаменитый и безпокойной педагогъ Зачиняевъ и здѣсь сказалъ, какъ выражается „Тифл. Лист." „весьма обоснованную, корректную и блестящую рѣчь" о необходимости разрѣшенія учащимся классныхъ совѣщаній для обсужденія академическихъ вопросовъ. Собраніе приняло это предложеніе и постановило ходатайствовать предъ г. Намѣстникомъ объ этомъ и просить г. Зачиняева составить мотивированный докладъ по данному вопросу и просить учащихся начать занятія, заявивъ имъ, что центральный совѣтъ приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры осуществить желаніе учащихся („Тифл. Лист." 4 ноября № 219). Итакъ ни родительскій кружокъ центральный совѣтъ этихъ кружковъ не внесъ умиротворенія въ тифлисскія учебныя заведенія, такъ какъ принялъ исключительно сторону учащихся, чтобы разрѣшить имъ внѣклассныя собранія по вопросамъ, выражаясь громко, академическаго характера, тогда какъ эти же самыя собранія въ прошломъ и позапрошломъ году вполнѣ убѣдительно доказали, къ какому страшному вреду они ведутъ учащихся. Во всей этой исторіи весьма страннымъ является поведеніе г. Зачиняева, съ одной стороны, и начальства учебнаго округа, неимѣющаго возможности привести къ должному порядку одного изъ своихъ служащихъ, съ другой.

Итакъ примиренія сторонъ не состоялось; забастовка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ съ неизбѣжными въ этихъ случаяхъ безпорядками продолжалась. Директоръ Бабанскій уволенъ въ отставку. На его мѣсто былъ назначенъ молодой и, какъ говорятъ, энергичный Конокотинъ. Но „сознательные товарищи" довели его своими выходками, преслѣдованіями, оскорбленіями до того, что онъ принужденъ былъ также уйти въ отставку. Въ это время безобразія въ реальномъ училищѣ дошли, говорятъ, до апогея. Директоромъ назначенъ былъ одинъ изъ ярыхъ поклонниковъ новой автономной школы, г. Агапьевъ. „Въ каждомъ учебномъ заведеніи какъ спра-

ведливо говоритъ „Голосъ Кавказа“ (10 ноября 1906 г. № 164), хороводятъ 10—15 человѣкъ; они всѣмъ извѣстны даже педагогамъ, но въ силу ли педагогическаго благодушія или иныхъ причинъ, не только ихъ терпятъ въ заведеніи, но и слушаютъ ихъ разглагольствованія. На одномъ изъ родительскихъ собраній такой юнецъ съ паѳосомъ увѣрялъ, что предсѣдателемъ собранія долженъ быть выборный изъ учениковъ. Въ это весьма тяжелое время всѣ тифлисскіе и многихъ другихъ городовъ педагоги подпали такой пейдократіи, что никто изъ нихъ не рѣшался уволить хотя бы одного изъ главарей ученическаго движенія: такъ велика была зависимость ихъ отъ учащихся. Увольненіе происходило только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, напр. по требованію военной власти. Словомъ учебными заведеніями управляли не педагогическіе совѣты, а ученическія организаціи. Конецъ этой крупной забастовки положилъ вр. генералъ-губернаторъ Тифлиса генералъ Тимофѣевъ, который 11 ноября пригласилъ къ себѣ учениковъ старшихъ классовъ реальнаго училища вмѣстѣ съ родителями, сдѣлалъ отеческое внушеніе и приказалъ возобновить занятія, подъ угрозой немедленной высылки родителей за предѣлы генералъ-губернаторства. Занятія возобновились. Но ужасныя безобразія внутри стѣнъ школы продолжались по прежнему.

Въ это время въ Эриванской мужск. гимназіи происходили слѣдующіе крайніе безпорядки. Ученики ворвались на засѣданіе педагогическаго совѣта и потребовали себѣ права засѣдать въ немъ. На указаніе, что дѣло накануне образованія родительскаго кружка, передовые юноши заявили предъ совѣтомъ буквально слѣдующее: „наши отцы болваны, отсталые ишаки, которые кромѣ торговли ничего не понимаютъ, а потому ввѣрять имъ защиту нашихъ интересовъ безполезно“. Сформировался родительскій кружокъ; начались подтягиванья учениковъ, которые остались этимъ недовольны и въ особенности своимъ же учителемъ математики Мелякянцемъ, который открыто въ глаза говорилъ имъ, что они губятъ себя, оставаясь неучами. И вотъ 19 января убили и его, а другимъ пригрозили („Нов. Время“ 21 марта 1907 г. № 11143. Въ 1 Тифлисской мужск. гимназіи ученики почти всѣхъ старшихъ классовъ не посѣщали уроковъ, за исключеніемъ 2—3 изъ 40—45 въ классѣ; но особенно рѣзко выразилось это презрѣніе къ урокамъ въ 5 классѣ. Педагогическій совѣтъ этой гимназіи уже давно закрылъ свои глаза на всѣ безобразія, чинимыя въ стѣнахъ этого жалкаго храма науки; но и онъ уже всталъ въ тупикъ: преподаватели уже полгода не видятъ своихъ учениковъ въ классахъ, ученики уже полгода не слушаютъ, не готовятъ и не отвѣчаютъ уроковъ. Какія же въ этомъ случаѣ могутъ быть выставлены имъ отмѣтки?! Совѣтъ педагоговъ рѣшилъ никому изъ учениковъ 5 класса не выставлять отмѣтокъ за данную четверть года. Но нашимъ „сознательнымъ гимназистамъ“ захотѣлось вытребовать себѣ удовлетворительныя отмѣтки, хотя годъ тому назадъ они же настойчиво требовали отмѣнить всѣ отмѣтки. А потому собрались, осадили педагоговъ въ учительской комнатѣ и подняли крупный скандалъ: „знать ничего не хотимъ, дайте намъ отмѣтки, свиньи вы эдакіе; какіе вы педагоги, подлецы вы; вамъ морду бить надо; всѣ ваши

морды разобьемъ“. Оптимисты изъ публики утверждаютъ, что совѣтъ уволилъ за это безобразіе 5 наиболѣе ярыхъ скандалистовъ, а отмѣтокъ не выдалъ. Но мнѣ не верится: ужъ не въ первый и, конечно, не въ послѣдній разъ грозитъ этотъ совѣтъ дурнымъ и страшно развращеннымъ своимъ ученикамъ увольненіемъ, но никогда до сихъ поръ не сдерживалъ своего слова „страха ради іудейска“. Такъ глубоко, такъ низко пала наша русская государственная школа на Кавказѣ; до такого полнаго позора дошла она, подъ управленіемъ такихъ „товарищей“, какъ Гамкрелидзе и К°. Вмѣстѣ съ этимъ по мѣстнымъ гимназіямъ совершались и другого рода вопіющія безобразія: ученики, вышедшіе по какимъ либо причинамъ изъ извѣстныхъ классовъ, допускались къ экзаменамъ въ срединѣ учебнаго года въ старшіе классы, и представьте себѣ,—выдерживали, а нѣкоторые изъ нихъ, понаглѣе, даже перескакивали чрезъ классъ и болѣе. Такъ въ началѣ 1907 года въ 1 Тифлисской мужской гимназіи держали переводные экзамены 14 человѣкъ изъ 7 въ 8 классъ („Голосъ Кавказа“ 17 января 1907 г. № 216). У меня нѣтъ свѣдѣній, чѣмъ окончились эти экзамены; но могу съ вѣроятностью утверждать, что, навѣрно, выдержали всѣ. Опроверженіе г. Гамкрелидзе не только ничего не доказало, но, напротивъ, напоминало унтеръ-офицершу, которая, какъ извѣстно, сама себя высѣкла („Гол. Кавк.“ 30 янв. 1907 г. № 227).

Вотъ нѣсколько картинокъ изъ жизни учебныхъ заведеній того времени, по свѣдѣніямъ мѣстной прессы. Предъ началомъ уроковъ преподаватель спѣшитъ въ классъ. Дверь классная заперта; ученики, находясь въ классѣ, кричатъ своему наставнику, что замокъ у двери испорченъ, и предлагаютъ почтенному педагогу лѣзть въ классъ чрезъ окно. При общемъ хохотѣ педагогъ исполняетъ невинную просьбу дѣтей,—и урокъ начинается.—Идетъ урокъ Закона Божія. За спиной законоучителя безшумно отворяется дверь и раздается страшный взрывъ. То была не бомба, а петарда. („Гол. Кавк.“ 26 янв. 1907 г. № 224). Въ Баку ученики не учатся, третируютъ учителей, безобразничаютъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія и требуютъ за это полнаго уваженія къ своей личности, хорошихъ отмѣтокъ для перехода въ слѣдующій классъ и выпускныхъ балловъ и полной свободы дѣйствій въ школѣ и внѣ ея, вплоть до права издѣваться надъ личностью каждаго изъ педагоговъ („Гол. Кавк.“ 10 янв. 1907 г. № 210). Въ Тифлисѣ ученики, располагаясь по обѣимъ сторонамъ улицъ около своихъ учебныхъ заведеній, не даютъ проходу ни одной женщинѣ, ни одной учащейся, подставляя имъ ноги и осыпая пошлостями, отъ которыхъ могъ бы покраснѣть и пьяный пожарный („Тифл. Лист.“ 16 февр. 1907 г. № 37). Въ Кутаисѣ безпорядки въ реальномъ училищѣ усиливаются. Битье стеколъ въ окнахъ зданія принимаетъ крупные размѣры; такъ 12 февраля разбито стеколъ на сумму 58 р., 13 февраля—на 25 р. Кромѣ того учениками изорваны во всѣхъ классахъ журналы. Въ классической гимназіи тоже волненія. Нѣсколько учениковъ въ нетрезвомъ видѣ побили тамъ также стекла. („Тифл. Лист.“ 17 февр. 1907 г. № 38 и „Гол. Кавк.“ 22 февр. № 246). Въ Тифлисскомъ „артистическомъ о-вѣ“ поссорились изъ-за чего-то ученики І-й Тифлисской

м. гимназіи. Одинъ изъ нихъ ученикъ 6 кл. Аваковъ пришелъ 14 февраля въ гимназію, вынулъ револьверъ Маузера и сталъ грозить, что онъ застрѣлитъ того, кто оскорбитъ его дѣйствіемъ. Другой ученикъ Тухарели также досталъ револьверъ и приказалъ товарищамъ разойтись, грозя въ противномъ случаѣ стрѣлять. Педагогическій совѣтъ уволилъ обоихъ воиновъ („Гол. Кавк." 17 февр. № 242).

Только что управляющій округомъ г. Лопатинскій въ своемъ прекраснодушіи послалъ въ „Новое Время" успокоительную телеграмму, что безпорядки въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ прекратились, какъ въ отвѣтъ на это въ той же I Тифлисской мужск. гимназіи ученики 6 класса въ присутствіи учителя произвели такое безобразіе, которое допускаютъ въ присутствіи постороннихъ лишь безсловесныя животныя. („Гол. Кавк." 23 февр. 1907 г. № 247). Отсюда вполнѣ ясно, могъ ли нашъ величайшій тифлисскій оптимистъ со смиреніемъ „божьей коровки" оповѣщать urbi et orbi объ успокоеніи ввѣренныхъ ему школяровъ. Въ мартѣ, по постановленію совѣта, изъ I Тифлисской м. гимназіи уволены два ученика, нанесшіе оскорбленіе дѣйствіемъ дѣлопроизводителю уѣзднаго управленія („Гол. Кавк." 24 марта № 271). Въ апрѣлѣ вр' тифлисскій генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ, въ виду непрекращающихся случаевъ появленія на улицахъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ пьяномъ видѣ, пригрозить содержателямъ питейныхъ заведеній за доступъ учениковъ въ послѣднія штрафомъ въ 3,000 р. или арестомъ до 3 мѣсяцевъ и закрытіемъ самыхъ заведеній („Гол. Кавк." 15 апрѣля № 290). Было нѣсколько случаевъ въ Тифлисѣ уличенія учащихся въ воровствѣ на мѣстѣ преступленія, а въ Баку произвели ученики скандалъ на студенческомъ вечерѣ и умышленно попортили много вещей какъ клубныхъ, такъ и взятыхъ для вечера въ частныхъ домахъ: мебель поломана, матерія изрѣзана и т. д. („Тифл. Лист." 21 января № 16). Въ Бакинской мужск. прогимназіи два великовозрастныхъ ученика 4 класса (19 и 17 лѣтъ) подрались во время урока математики; одинъ изъ нихъ схватилъ бебутъ и бросился на врага. Когда ему предложили оставить прогимназію для поступленія въ другое учебное заведеніе, то сей юноша потребовалъ или принять его обратно, или гарантировать ему пріемъ по свидѣтельству въ 5 классъ гимназіи, грозя въ противномъ случаѣ или себя убить, или перебить весь совѣтъ. 26 марта онъ врывается въ классъ и кричитъ: „Товарищи! насъ съ М. исключили, мы помирились, не выдавайте, поддержите, требуйте обратнаго пріема, бастуйте!" Произошелъ страшнѣйшій хаосъ: гамъ, шумъ, свистъ... У нѣкоторыхъ учениковъ оказались револьверы. Выдѣляется группа друзей уволенныхъ, пишетъ заявленіе съ требованіемъ принять обратно уволенныхъ, обѣщая въ противномъ случаѣ бастовать; собираетъ подписи подъ угрозами вздуть, побить, убить... Волненіе перешло на младшіе классы: всѣ вывалили въ корридоръ, шумъ, гамъ, свистъ усилились.—Ученикъ 5 кл. одной изъ Бакинскихъ гимназій Л. покушался на жизнь учителя математики, при выходѣ послѣдняго изъ класса („Гол. Кавк." 8 апр. 1907 г. № 284). А вотъ картинка производства выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіи и

реальномъ училищѣ въ Баку. Доблестные юноши почти всѣ положили у себя на столѣ по револьверу. А бакинскіе педагоги, вмѣсто того, чтобы предпринять что либо противъ наглости и нахальства своихъ питомцевъ, боязливо жались по угламъ и не рѣшались мѣшать списывать другъ у друга во всю. Экзамены, вслѣдствіе этого, прошли вполнѣ благополучно и успѣшно („Нов. Вр." 6 іюля 1907 г. № 11,247). Во 2 Тифлисской мужск. гимназіи ученики 8 класса, сознавая свою неподготовленность къ экзаменамъ, настойчиво требовали сокращенія программъ по всѣмъ предметамъ. Съ этой цѣлью была устроена сходка, которую не могли распустить ни классный наставникъ, ни инспекторъ, ни директоръ, ни даже приказъ управлявшаго округомъ. Затѣмъ ученики нанесли оскорбленіе инспектору, назвавъ его „хулиганомъ" и „сычемъ", и преподавателю исторіи, 8 классъ закрытъ. („Русская Школа" 1907 г. № 4). Учебный годъ закончился убійствомъ директора Тифлисскаго Михайловскаго ремесленнаго училища Побѣдимова учениками Поповымъ и Кисиновымъ изъ за того, что ихъ не перевели въ слѣдующій классъ. Означенные убійцы были приговорены военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни.

Такимъ образомъ какъ начался, такъ и закончился 1906—7 учебный годъ скверно и безобразно въ высшей степени. Въ итогѣ получается почти одно сплошное крайне безотрадное, удручающее впечатлѣніе. Картина получается еще болѣе мрачная, если читатель приметъ во вниманіе слѣдующія два обстоятельства: во 1-хъ, я, бытописатель этого скорбнаго времени, весьма далекъ отъ центральнаго управленія Кавказскимъ учебнымъ округомъ, а слѣдовательно и не могу знать всего, что творилось въ это время въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ чины округа, конечно, тщательно скрывали все, что можно, отъ непрошеннаго любопытства, а во 2-хъ, вѣдь далеко не все, что творится безобразнаго въ жизни, попадаетъ на страницы прессы. Словомъ, если и эти зарегистрованные факты производятъ на читателя удручающее впечатлѣніе, то картина дѣйствительной школьной жизни была въ нѣсколько разъ хуже.

3. Время Попечителя Рудольфа.

Съ 1907—8 учебнаго года во главѣ кавказской школы всталъ попечитель Рудольфъ. Это—молодой человѣкъ, лѣтъ 35, финляндскій уроженецъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, по образованію инженеръ-механикъ, бывшій инспекторъ промышленныхъ училищъ, типичный представитель петербургскаго чиновника-карьериста, въ молодости служившій, какъ говорятъ, гувернеромъ въ семьѣ гр. Шуваловыхъ, близкихъ родственниковъ настоящаго Намѣстника на Кавказѣ, гр. Воронцова-Дашкова. Въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ, говорятъ, и „зарыта собака" его назначенія. Болѣе неудачнаго назначенія на постъ Попечителя учебнаго округа на одну изъ самыхъ революціонныхъ окраинъ, гдѣ гибнетъ русское дѣло, трудно и придумать. Ну, скажите, въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли у этого финляндскаго уроженца, у этого лю-

теранина болѣть душа за русское дѣло вообще и за нашу русскую государственную школу на Кавказѣ въ частности? Какъ всякое русское дѣло, такъ и русская школа совершено чужда его духу, его духовной личности. И неужели же клиномъ сошлась русская земля, русскій стомилліонный народъ, что среди него не нашлось русскаго радѣтеля, русскаго попечителя на Кавказъ, который бы болѣлъ душой за дѣло и велъ бы молодую часть Кавказа на сближеніе съ Россіей?! Неужели не нашлось на матушкѣ-Руси авторитетнаго педагога, знающаго свое прямое дѣло во всѣхъ его многообразныхъ складкахъ?! Командиромъ полка, дивизіи или корпуса можетъ быть только военный человѣкъ, зарекомендовавшій себя на военной службѣ; членомъ, предсѣдателемъ суда или палаты можетъ быть только опытный юристъ и пр. Но при назначеніи на педагогическую службу и притомъ на наиболѣе важныя и отвѣтственныя должности почему-то не требуется соотвѣтственнаго образовательнаго ценза, спеціальныхъ познаній и даже служебной опытности. Попечителемъ учебнаго округа у насъ можетъ быть даже и никогда не служившій по учебному вѣдомству: военный генералъ, врачъ, акушеръ, инженеръ и пр. Вотъ въ этомъ то все и горе, и несчастіе нашей школы, что за руководство ею берется всякій, даже совершенно незнающій ея. Вотъ почему у насъ большая рѣдкость встрѣтить между попечителями округовъ педагога. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ держатся того взгляда, что для управленія учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ округѣ совершенно излишни педагогическія знанія и педагогическая опытность, а достаточно только одной общей административной способности управлять; но въ г. Рудольфѣ и этого нѣтъ, такъ какъ прежде всего у него нѣтъ ни служебнаго такта, ни даже простой выдержки. Наконецъ онъ совершенно не знаетъ края, учебными заведеніями котораго онъ призванъ управлять и притомъ въ такое смутное время, какъ настоящее.

Внутри Россіи средне-учебныя заведенія уже давно успокоились, а у насъ развалъ школы идетъ все по прежнему, во всю свою глубь и ширь. Теперь уже окончательно русская школа здѣсь дезорганизована и деморализована. Программа, тактика управленія здѣшней школой остались всѣ тѣ же, что и были, если только не сдѣлались хуже, что будетъ ясно видно изъ дальнѣйшаго моего повѣствованія.

При вступленіи въ новый учебный годъ мѣстныя учебныя газеты посвятили нѣсколько статей, въ которыхъ высказывали горячее сожалѣніе о полномъ развращеніи кавказской школы и взывали къ новому попечителю округа: „Спасайте, пока не поздно!“ „Карты, вино, женщины, дикій разгулъ, говоритъ г. Ведребисели въ „Тифлисскомъ Листкѣ“ (29 августа 1907 г. № 185),—отъ всего этого пошелъ такой разъѣдающій мозги туманъ, что не только скучные и сухіе учебники, но и книги не такъ давно любимыхъ авторовъ въ буквальномъ смыслѣ полетѣли къ чорту“. А самое главное зло, по мнѣнію автора,—боязнь педагоговъ своихъ учащихся,—залогъ большихъ бѣдствій не только учебныхъ заведеній и семей, но и государства. „Тяжело приступать къ началу учебнаго года, говоритъ „Голосъ Кавказа“ (19 августа № 376), при наличности приве-

денныхъ фактовъ, но будемъ надѣяться, что всѣ лица, руководящія школой, вернутъ ее на путь познанія и чести, съ котораго совлекли ее лицемѣрно революціонеры".

Приведенные же газетой факты таковы. Къ инспектору 3 Николаевскаго городского училища въ Тифлисѣ Казанцеву пришли два ученика 3 класса и потребовали перевести ихъ въ слѣдующій классъ, а не оставлять на повторительный курсъ. Получивъ отказъ, эти два негодяя открыли стрѣльбу по инспектору, нанеся ему раны въ ногу и бокъ. 15 августа на Вельяминовской улицѣ въ Тифлисѣ же около 8 часовъ вечера на нѣкоего Мерзабекянца напали нѣсколько разбойниковъ, повалили его, сильно избили и ограбили. Одного изъ разбойниковъ удалось задержать, и онъ оказался ученикомъ реальнаго училища Саркисомъ Сарафьянцемъ.

Самые первые шаги въ управленіи округомъ новаго попечителя Рудольфа сильно порадовали лѣвыхъ и весьма огорчили правыхъ педагоговъ. Какъ тѣ, такъ и другіе были сначала сбиты съ толку и считали эти первые шаги Рудольфа простой случайностью, еще пока понятной его неосвѣдомленностью. Они состояли въ слѣдующемъ. Бывшій инспекторъ Сочинской мужской прогимназіи *Бутыркинъ*, который, по опредѣленію вр. Новороссійскаго генералъ-губернатора, былъ посаженъ въ тюрьму и отрѣшенъ отъ должности за свою революціонную дѣятельность, теперь назначенъ на должность учителя въ одну изъ самыхъ распущенныхъ въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, а именно въ Бакинскую мужск. гимназію. Затѣмъ бывшій преподаватель Бакинской мужск. гимназія Іосселіани, уволенный отъ службы весной 1907 г., даже по предложенію Намѣстника, за вредный ученическій журналъ „Школа и Жизнь", который онъ редактировалъ вмѣстѣ съ другими, снова принятъ на службу въ ноябрѣ опять въ ту же гимназію.

Эти два довольно странныхъ назначенія сильно заинтересовали, какъ учащихъ, такъ и учащихся; всѣ стремились разгадать сфинкса, чтобы знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и съ кѣмъ столкнула ихъ судьба. Поэтому самыя передовыя учебныя заведенія начинаютъ выпускать свои пробные шары. Въ Бакинской гимназіи было постановлено устранить ученика А., въ виду его столкновенія съ своимъ инспекторомъ и непосѣщенія имъ уроковъ, отъ занятій въ гимназіи. Въ отвѣтъ на это постановленіе ученики 6—8 классовъ гимназіи заволновались, прервали начавшіяся занятія и забастовали. „Голосъ Кавказа" (14 ноября 1907 г. № 446), взывавшій по этому случаю „спасать дѣтей, пока еще не поздно", остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Одинъ великовозрастный гимназистъ 9 ноября на Головинскомъ пр. въ Тифлисѣ жестоко избилъ на глазахъ публики разносчика газетъ. Очевидецъ по этому поводу восклицаетъ: „Господа „общество" и господа „учебное вѣдомство", когда же конецъ? („Голосъ Кавказа" 13 ноября 1907 г. № 445). Ученикъ старшаго класса одной изъ тифлисскихъ гимназій, 18-лѣтній Ш. совершилъ гнусное насиліе надъ 5 лѣтнимъ сыномъ одного изъ гимназическихъ служителей. Въ этомъ случаѣ, къ великому нашему удивленію, возмущенные

товарищи не пожелали имѣть его въ своей средѣ, и педагогическій совѣтъ немедленно исключилъ этого негодяя изъ гимназіи („Голосъ Кавк." 23 ноября, 1907 г. № 453). При этомъ замѣчательно то, что педагоги осмѣливаются исключать теперь только тѣхъ, кого удаляютъ изъ своей среды учащіеся. Не ясно ли, что первые въ этихъ случаяхъ прячутся за спины послѣднихъ?

Вотъ, наконецъ, кутаисскія учебныя заведенія выпустили г. Рудольфу настоящій пробный шаръ. 9 ноября ученики 8 кл. Кутаисской мужской гимназіи, Асатіани и какой-то Ц. или Ш., совершили вооруженное нападеніе на магазинъ еврея. Ихъ поймали на мѣстѣ преступленія. Мѣстный вр. генералъ-губернаторъ предалъ ихъ военно-окружному суду. Въ гимназіи, вслѣдствіе этого, произошли большіе безпорядки, а потому педагогическій совѣтъ вынужденнымъ нашелся временно закрыть гимназію, но директоръ не согласился съ этимъ. 12 ноября около 11 часовъ вечера ученики гимназіи напали на своего учителя-нѣмца Зюземили и избили его до полусмерти палками. („Голосъ Кавказа" 18 ноября 1907 г. № 450). На разборъ этихъ дѣлъ явился въ Кутаисъ самъ попечитель Рудольфъ. Всѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали, какъ, въ какую сторону онъ поведетъ дѣло. Но вдругъ разнеслись слухи, что онъ сталъ хлопотать предъ генералъ-губернаторомъ о томъ, чтобы этихъ юношей-грабителей не предавали суду. Даже, будто бы, былъ и такой случай, за достовѣрность котораго нельзя ручаться, что, когда во время пребыванія г. Рудольфа. явилась въ гимназію полиція для обыска, то онъ заявилъ протестъ противъ этого, а между тѣмъ чуть не всѣ гимназисты оказались съ револьверами. Далѣе разсказываютъ, что въ это же время гимназисты, будто-бы, напали на городового, стараясь обезоружить, и при этомъ убили его. Наконецъ, во время производства г. Рудольфомъ ревизіи была брошена въ гимназіи петарда, испугавшись которой, онъ быстро скрылся изъ Кутаиса и послалъ туда, вмѣсто себя, г. Лопатинскаго, который еще быстрѣе уѣхалъ обратно въ Тифлисъ. Когда же прошло безрезультатно выступленіе на выборахъ по русской куріи въ Тифлисѣ трехъ ярыхъ лѣвыхъ педагоговъ: Юлія Семенова изъ Тифлиса, Пушкарева изъ Кутаиса и Колыго изъ Елизаветполя, то карты новаго попечителя округа уже совершенно открылись. По этому случаю лѣвые облегченно вздохнули и подняли высоко свои головы, а правые съ замираніемъ сердца все ниже и ниже опускаютъ ихъ, не предвидя конца политической вакханаліи въ школѣ и мужественно встрѣчая раздающіеся пока понемногу удары на нихъ. Только правый мѣстный органъ „Голосъ Кавказа" совершенно безнадежно обращается къ главѣ учебнаго вѣдомства въ краѣ: „Нельзя, нельзя такъ относиться къ школѣ. Надъ кѣмъ вы начальствуете, если не знаете состава своего педагогическаго персонала? Надъ ввѣренными вамъ дѣтьми? Неправда. Еслибы вы хотѣли начальствовать надъ ними, вы бы прилагали всѣ усилія, чтобы оградить ихъ отъ всякаго дурного вліянія въ стѣнахъ школы, а этого не дѣлается. Мы видимъ обратное—современная школа только портитъ, растлѣваетъ дѣтей. Надъ кѣмъ же вы начальствуете? (23 окт. 1907 г. № 427).

Съ этого времени начинается сплошной рядъ мелкихъ и крупныхъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказа. Осенью въ Елизаветполѣ произошли безпорядки на почвѣ какого-то столкновенія учащихся въ театрѣ или клубѣ. Какъ они протекали, въ чемъ состояли и чѣмъ окончились, мнѣ неизвѣстно. Въ Батумской гимназіи ученики оскорбили учителя француза, устроили ему бойкотъ и объявили забастовку, но мѣстный вр. генералъ-губернаторъ Бауэръ, который не любитъ шутить вмѣшался въ это дѣло, пригрозилъ высылкой изъ Батума не только бастующихъ учениковъ, но и ихъ родителей. Забастовка прекратилась. Учебное же начальство не приняло никакихъ мѣръ къ водворенію порядка и здѣсь, какъ вездѣ и всегда. („Гол. Кавк.“ № 464). Уволенные въ началѣ этого года учителя Сочинской м. прогимназіи Константиновичъ и Коченовскій вновь опредѣлены учителями той же прогимназіи (Закавказье, 259). 22 ноября въ Баку ученикъ техническаго училища М. Гасановъ приговоренъ къ повѣшенію за убійство съ цѣлью грабежа своего пріятеля, кассира Макарова („Жизнь и Школа“ № 8). Въ Баку во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не происходило занятій 22 ноября въ первый день суда надъ бывшими депутатами соціалъ-демократической фракціи 2-й Госуд. Думы. (Тамъ же). Пятеро грабителей, переодѣвшись въ форму жандармскаго полковника, адъютанта и низшихъ жандармскихъ чиновъ, произвели въ сел. Иманшаллу Эриванской губ., обыскъ у зажиточнаго поселянина и похитили у него 3.000 р. Одинъ изъ задержанныхъ оказался ученикомъ 6 класса мѣстной гимназіи. („Закавказье“ № 260). Ученикъ 6 класса Елизаветпольской гимназіи Д. послалъ товарищу прокурора Завитневичу анонимное письмо съ требованіемъ, подъ угрозой убійства, положить въ нишу около своей квартиры 325 рублей. Устроенной засадой удалось поймать сего юношу въ компаніи, вмѣстѣ съ ученикомъ 5 класса той же гимназіи Б. („Кавказъ“ 6 декабря 1907 г. № 265). Ночью 7 декабря въ Кутаисѣ къ одному изъ обывателей явились вымогатели и потребовали 300 р.; всѣ они задержаны; между ними оказался одинъ ученикъ 4 класса мѣстной дворянской гимназіи Г. („Тифл. Лист.“ № 270). „Голосъ Кавказа“ въ № 467, приведя приказъ кутаисскаго генералъ-губернатора о воспрещеніи ученикамъ ходить по улицамъ послѣ 6 часовъ вечера, спрашиваетъ: „Вѣдь есть же, наконецъ, гдѣ-нибудь и учебное начальство, которому и вѣдать надлежитъ школьнымъ и внѣшкольнымъ надзоромъ за нашей учащейся (или вѣрнѣе считающейся таковой) молодежью? Гдѣ они всѣ эти учителя и воспитатели? Чѣмъ они занимаются, что дѣлаютъ и что изъ себя представляютъ?“ Этотъ приказъ крайне „возмутилъ“ кутаисскихъ учащихся; реальное училище объявило забастовку; начались сходки; генералъ-губернаторъ выслалъ къ ученикамъ казаковъ; собраніе вмигъ разбѣжалось. 13 декабря были произведены обыски и руководитель этими забастовками ученикъ 7 класса Копалейшвили былъ схваченъ. Состоялась 14 декабря новая сходка съ цѣлью отстоять арестованнаго товарища; но явившійся съ казаками полиціймейстеръ не нашелъ и слѣда сходки. Кутаисская средняя школа управлялась въ это время союзомъ учащихся, а не школьнымъ начальствомъ.

18 декабря арестованы три брата Шахъ-Паринiанцъ, ученики 5 и 8 классовъ гимназiи, за принадлежность къ партiи дашнакцутюнъ. По слухамъ, попечитель округа подписалъ удалить всѣхъ забастовщиковъ, если они 18 декабря не начнутъ заниматься. Мѣра эта оказала свое воздѣйствiе. Въ Тифлисѣ циркулируетъ слухъ о томъ, что образовалось какое-то общество фаталистовъ среди учащейся молодежи на подобiе общества огарковъ („Гол. Кавк.“ № 468).

Новый 1908 годъ также не принесъ намъ ничего радостнаго, кромѣ крупныхъ огорченiй. Уже 1 января агентская телеграмма въ газетахъ оповѣстила, что ученикъ 2 кл. Кутаисской грузинской дворянской школы князь Дадешкилiани и бывшiй ученикъ 4 кл. Кутаисскаго реальнаго училища Гелашвили участвовали въ ограбленiи 47 рублей у возвращавшихся изъ города съ базара крестьянъ. Даже газета „Рѣчь“ возмутилась поведенiемъ кутаисскихъ учениковъ. „Не проходитъ недѣли, пишетъ она, чтобы кто нибудь изъ кутаисскихъ учениковъ не оскандалилъ alma mater участiемъ въ какомъ нибудь хулиганскомъ предпрiятiи. По отзыву учителей только у трехъ преподавателей ученики занимаются. У остальныхъ же никто ничего не дѣлаетъ, если не считать за занятiя игру во время урока за партами въ карты, куренiе папиросъ, швырянье въ преподавателей калошами и т. п. Тѣмъ не менѣе у большинства учениковъ отмѣтки хорошiя. По объясненiю учителей, это происходитъ отъ того, что ученики терроризировали многихъ преподавателей угрозами убить за дурныя отмѣтки (Взято изъ „Гол. Кавк.“ 8 янв. 1908 г. № 487). Кутаисскiя школы за послѣднее время дали значительный контингентъ адептовъ революцiоннаго движенiя. 16 января арестованъ во время уроковъ учитель дворянской гимназiи Робакидзе, жгучiй дѣятель въ революцiонные 1904—1906 годы. Того же числа арестованъ ученикъ 7 класса той же гимназiи Чорквiани. За послѣднее время (15—19 янв.) арестовано 7 реалистовъ. Почти каждый день можно наблюдать картину шествiя реалистовъ подъ конвоемъ въ тюрьму. Временнымъ военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни бывшiй реалистъ за убiйство городового. Кутаисская классическая гимназiя дала тюрьмѣ въ это время Порулова. Бывшихъ гимназистовъ Асатiани и Цхолая, ограбившихъ еврейскiй магазинъ, уже отправили на поселенiе въ Оренбургскiй край („Гол. Кавк.“ 22 янв. 1908 г. № 499).—16 января ученикъ 8 класса 2-й Тифлисской м. гимназiи Розенбаумъ во время урока вышелъ изъ класса и произвелъ въ себя выстрѣлъ изъ револьвера (Гол. Кавк. 18 янв. № 496). Въ педагогическомъ совѣтѣ при I-й Тифлисской мужск. гимназiи на послѣднемъ засѣданiи произошли крупныя пререканiя между представителями совѣта родительскаго кружка и педагогами, которыхъ первые жестоко обвиняли въ бездѣятельности и нерадѣнiи какъ въ отношенiи прохожденiя наукъ въ гимназiи, такъ еще болѣе по надзору или, вѣрнѣе, полной небрежности въ отношенiи поведенiя учениковъ въ стѣнахъ гимназiи и не посѣщенiя уроковъ учениками старшихъ классовъ („Гол. Кавк.“ 23 янв. 1908 г. № 500).—17 января въ Батумской мужск. гимназiи произошелъ слѣдующiй безобразный инцидентъ. Ученикъ 4 класса Гугушвили подошелъ

во время урока къ учителю французскаго языка С. и потребовалъ, чтобы тотъ сейчасъ же спросилъ его. Когда получилъ отказъ, дерзкій мальчуганъ обмѣрилъ его съ ногъ до головы вызывающимъ взглядомъ, быстро вышелъ изъ класса и въ учительской комнатѣ обратился къ директору съ тѣмъ же требованіемъ. Ему было предложено успокоиться и идти въ классъ. Дерзкій юнецъ назвалъ всѣхъ безъ исключенія „мерзавцами", хлопнулъ дверьми и удалился. Былъ вызванъ отецъ закавказскаго звѣря, которому было предложено взять своего сына изъ гимназіи; но тутъ явились делегаты дашнакцутюны отъ „союза гимназистовъ, ученики Мурадовъ и Лазаревъ, которые, прекративъ занятія въ классахъ, потребовали отъ директора немедленной отмѣны постановленія совѣта. Въ дѣло опять принужденъ былъ вмѣшаться генералъ Бауэръ, который приказалъ немедленно арестовать зачинщиковъ безобразій. 19 января можно было наблюдать въ полицейскомъ управленіи гимназистовъ: бундистовъ, дашнакцутюновъ и федералистовъ („Гол. Кавк." 27 янв. 1908 г. № 504). Въ отвѣтъ на это 24 января на урокѣ французскаго языка въ 4 классѣ была брошена какимъ-то гимназистомъ 8 класса бомба. Выбиты окна и поранены нѣкоторые ученики. Бросившій бомбу быстро исчезъ. („Гол. Кавк." 29 янв. № 505). По дополнительнымъ же свѣдѣніямъ, взрывъ произошелъ отъ воспламененія какой-то жидкости, коей была наполнена стеклянная банка, находившаяся въ указанномъ классѣ („Гол. Кавк." 2 февр. № 509). 28 января тамъ же между учениками Фавицкимъ и Вардзеговымъ произошелъ споръ; въ результатѣ одинъ на другого бросились съ ножами, причемъ легко раненаго Фавицкаго арестовали при гимназіи, а тяжело раненаго Вгардзегова отнесли въ лазаретъ. Такъ забавляются въ Батумской гимназіи. („Гол. Кавк." 8 февр. № 513). Въ Баку 28 января была брошена гимназистомъ, пріѣхавшимъ изъ Тифлиса, бомба въ полиціймейстера Бущена; преступникъ застрѣленъ (агентская телеграмма); впрочемъ, газета „Кавказъ" (31 янв. № 26) объявила, что бросившій бомбу былъ бывшій ученикъ Бакинскаго техническаго училища Кулебековъ. Въ Баку арестованы два ученика техническаго училища Петровъ и Иванянцъ. Аресты эти находятся въ связи съ покушеніемъ на жизнь начальника охраннаго отдѣленія („Гол. Кавк." 5 февр. № 510). Въ Новороссійскѣ 29 января задержаны два комитета революціонеровъ-максималистовъ и анархистовъ-коммунистовъ, между которыми оказалось два гимназиста („Кавказъ" 31 янв. № 26).—Кутаисскіе учащіеся снова выступаютъ. Перевачёнъ гимназическій журналъ „Школьная жизнь", гдѣ гимназія называется „притончикомъ", а педагоги—„паучками", которые умерщвляютъ своихъ питомцевъ духовно и тѣлесно; въ этомъ „притончикѣ" все скверно и „деморализація среди учащихся фактъ неоспоримый". Поэтому ученики призываются къ открытому бунту. 9 февраля арестованъ ученикъ 7 класса дворянской гимназіи Жоржоліани, а въ реальномъ училищѣ федералисты Маргвелашвили и Дгебуадзе. Директору классической гимназіи послано угрожающее письмо, которымъ требуютъ, чтобы онъ оставилъ гимназію, а въ противномъ случаѣ будетъ убитъ. Въ этой гимназіи арестованы ученики Хочалава, Рамишвили и Нишніанидзе. Высшей администраціей,

какъ гласитъ молва, приказано двумъ учителямъ Кутаисскаго реальнаго училища оставить службу и въ трое сутокъ убраться изъ предѣловъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства („Гол. Кавк." 13 февр. № 517). Въ ночь на 14 февраля на архіерейской горѣ въ Кутаисѣ происходили обыски; аресту подверглись въ большинствѣ учащіеся („Закавказье" 17 февр. № 40). Въ Елизаветпольской мужской гимназіи во время большой перемѣны одинъ ученикъ зарѣзалъ финскимъ ножомъ своего товарища. Газеты только извѣщаютъ о всѣхъ этихъ безпорядкахъ, хулиганскихъ выпадахъ и преступленіяхъ со стороны учениковъ, но ни слова не говорятъ о томъ, что или какія мѣры частнаго или общаго характера предпринимаетъ по отношенію къ нимъ окружное учебное начальство, которое, какъ-бы, совершенно отсутствуетъ.

Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ выступленія хулигановъ изъ кавказскихъ учащихся дѣлаются все чаще и серьезнѣе. Въ этомъ отношеніи между кавказскими, а особенно между закавказскими (тифлисскими, кутаисскими, батумскими и бакинскими) учебными заведеніями замѣтно даже какое-то соревнованіе, точно они стараются превзойти другъ друга въ безобразіяхъ: каждому хочется выкинуть что нибудь похуже, побезобразнѣе и понаглѣе. Первый рекордъ въ этомъ отношеніи побила 2 Тифлисская мужская гимназія, подъ мудрымъ управленіемъ г. Дрбоглава. 19 февраля, въ годовщину освобожденія крестьянъ, предъ началомъ литературнаго утра, посвященнаго Некрасову, при большомъ стеченіи учащихъ и учащихся, родителей и почетныхъ гостей, лишь только раздались первые звуки рояля и первыя слова хора, исполнявшаго народный гимнъ, раздались съ хоръ, занятыхъ учениками гимназіи, свистки и шиканье и вслѣдъ затѣмъ одинъ за другимъ были брошены три разрывныхъ снаряда: одинъ изъ нихъ разорвался въ воздухѣ, другой попалъ въ рояль и расщепилъ крышку, надѣлавъ не мало бѣдъ, а третій былъ брошенъ въ церковь. Въ это время съ хоръ полетѣли бумажки: „долой провокаторовъ и долой провокацію"! Взрывы произвели страшную панику. Малыши подняли плачъ. Со многими сдѣлалось дурно, а съ нѣкоторыми дамами истерики. Оказалось двое раненыхъ учениковъ изъ пѣвчихъ, изъ которыхъ одинъ въ лицо около уха легко, а другой довольно серьезно въ руку при чемъ потерялъ много крови. Всѣ приглашенные разразились по адресу безумцевъ бранью и проклятіями. Гимназическій рояль былъ сильно попорченъ, а въ церкви на полу образовалась дыра отъ взрыва. 2-й Тифлисской мужской гимназіи принадлежитъ, если можно такъ выразиться, подлая честь быть первой въ бросаніи бомбъ въ церковь на Руси. Многіе поклялись никогда больше не ходить на школьные праздники. Но еще болѣе возросло возмущеніе публики, когда она узнала, что о готовившемся безобразіи знали своевременно директоръ Дрбоглавъ и члены совѣта гимназіи. За нѣсколько дней предъ этимъ нѣкоторые ученики гимназіи обращались къ Дрбоглаву съ требованіемъ не исполнять народнаго гимна „Боже, Царя храни". („Гол. Кавк.", 21 февр. № 524 и „Нов. Вр.", 23 февр. № 11481). Идти дальше 2-й Тифлисской мужской гимназіи въ чудовищныхъ безобразіяхъ и преступленіяхъ уже не куда. И представьте, за всѣ

свои подобные подвиги, имъ же нѣсть числа, г. Дрбоглавъ оставленъ уже послѣ этого на службѣ еще на 5 лѣтъ. Не есть ли это самое крупное знаменіе времени? Не есть ли это прямое указаніе на то что нужно, и чего добивается въ своей дѣятельности настоящее кавказское учебное начальство? Горько и страшно больно становится на душѣ отъ всего этого! Г. Рудольфа въ это время не было дома. Пробывъ „безъ года недѣлю" въ должности попечителя, онъ уже, какъ бы, взвѣсилъ все, со всѣмъ хорошо ознакомился, а потому поѣхалъ еще въ началѣ января въ Петербургъ, благо—на казенный счетъ. Говорятъ, онъ уже былъ почти на обратномъ пути, когда получилъ по телеграфу извѣстіе объ этомъ выходящемъ изъ ряда вонъ безобразіи. Всякій другой на его мѣстѣ попечительный попечитель летѣлъ бы стремглавъ къ мѣсту своего служенія, чтобы по свѣжимъ слѣдамъ скорѣе разслѣдовать дѣло; но онъ заблагоразсудилъ погостить въ это время въ Москвѣ, предоставивъ временному своему замѣстителю, прекраснодушному г. Лопатинскому расхлебывать всю эту грязную и скверную кашу. Такъ утверждаютъ въ Тифлисѣ: но на сколько это правда, не знаю. И вотъ началось позорное разбирательство этой позорной исторіи. Въ тотъ же день состоялось въ родительскомъ кружкѣ при 2-й гимназіи засѣданіе совѣта. Постановленіе его—чистый перлъ кадетства. „Послѣ долгихъ обсужденій этого инцидента (?!), совѣтъ кружка призналъ единогласно поведеніе всѣхъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ возмутительнымъ, безсмысленнымъ и жестокимъ и, какъ таковое, требующимъ подробнаго выясненія виновныхъ, дабы при этомъ не пострадали невинные. Вмѣстѣ съ симъ совѣтъ родительскаго кружка находитъ крайне необходимымъ, чтобы всѣ виновные ученики сами сознались (?!!) чистосердечно во всѣхъ своихъ поступкахъ и тѣмъ самымъ дали бы возможность родительскому кружку, а можетъ быть и педагогическому совѣту гимназіи ходатайствовать предъ высшимъ въ краѣ начальствомъ о смягченіи участи какъ всѣхъ виновныхъ (!!!) такъ и совершенно невинныхъ (?!!) учениковъ". („Гол. Кавк.", 21 февр. 1908 г. № 524). Сколько здѣсь малодушія, чтобы не сказать больше, сколько слабой воли въ этомъ постановленіи! Если бы люди захотѣли прямо и честно взглянуть на дѣло, то нужно было бы прежде всего взяться за г. директора, который вѣдь знаетъ, изъ кого состояла депутація, предупреждавшая его о безобразіи въ случаѣ вставки въ программу утра народнаго гимна. Этотъ путь былъ самый вѣрный для начала поисковъ виновныхъ. Но такъ какъ лучше всего замазать все безобразное, чтобы и слѣда послѣ не осталось, то г. Лопатинскій предложилъ самому же Дрбоглаву произвести подробное разслѣдованіе „случая, имѣвшаго мѣсто въ названной гимназіи 19 сего февраля". „Голосъ Кавказа" совершенно правильно призналъ такое распоряженіе нелѣпымъ и, пожалуй, противозаконнымъ (№ 528 и 530). Послѣ этого, конечно, глубоко справедливы слѣдующія слова „Голоса Кавказа" (№ 524): „Насъ удивляетъ начальство, продолжающее смотрѣть крайне снисходительно на всѣ безобразія, творящіяся въ учебныхъ заведеніяхъ. Распущенность тифлисскихъ мужскихъ гимназій не требуетъ никакихъ особыхъ подтвержденій: она слишкомъ близко и хорошо извѣстна

каждому, кому хоть разъ пришлось проходить мимо стѣнъ этихъ заведеній, обращенныхъ въ какіе-то почти вертепы. Если начальство не знаетъ этого, или знаетъ, но не можетъ справиться, то оно плохое начальство, неудовлетворяющее своему назначенію. Всему есть мѣра, но гимназическая „сознательность“ у насъ не имѣетъ предѣловъ. Какими мерзостями ни заявили себя наши классики, мы не знаемъ, ибо за послѣдніе три года не было, кажется, такого рода преступленій и безобразій, которому бы въ той или другой формѣ не была причастна наша гимназія въ лицѣ ея представителей. Хороша, вѣроятно, почва въ этихъ, съ позволенія сказать, учебныхъ заведеніяхъ и хороши виноградари. Намъ скажутъ, что учебно-воспитательный персоналъ не можетъ отвѣчать за каждаго ученика. Скверный персоналъ и лукавый, скажемъ мы... Пора кончить шутки, и если правительственная гимназія не можетъ отвѣчать за то, что совершается въ ея стѣнахъ, то лучше закрыть ее, чѣмъ способствовать развитію разбоя“. „Вотъ почему приходится въ наше время настойчиво твердить, что учебныя заведенія надо очистить отъ всего ненадежнаго, и главное приняться за округа, гдѣ разные явные развратители юношества находятъ защиту и ихъ только переводятъ изъ одного заведенія въ другое, а то и повышаютъ. Это называется попустительствомъ государственнаго преступленія—развращенія подростающихъ поколѣній“ (Гол. Кавк. 2 марта № 531). Хотя по этому дѣлу было назначено судебное слѣдствіе, но, за неразысканіемъ виновныхъ, высшая власть въ краѣ отдала 4 марта распоряженіе закрыть 6, 7 и 8 классы 2-й Тифлисской м. гимназіи, а изъ педагогическаго персонала никто, даже самъ директоръ Дрбоглавъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Закрывать учебное заведеніе легко, да и въ самомъ дѣлѣ, что же можетъ быть проще этого?! Но вотъ вопросъ: насколько это справедливо и разумно? Вѣдь въ данномъ случаѣ на ряду съ виновными страдаютъ и невинные, а во-вторыхъ, развѣ можно наказывать за тѣ или другія преступленія или проступки ничего недѣланіемъ, подъ вліяніемъ котораго учащіеся еще болѣе развращаются? И наконецъ, для кого же секретъ, что эта несчетное число разъ практиковавшаяся мѣра всегда имѣетъ слишкомъ кратковременный характеръ; пройдетъ немного времени и учебныя занятія вновь открываются. Намъ разсказывали, что когда нѣкоторые родители, наивно и простодушно повѣрившіе въ то, что ихъ дѣти, дѣйствительно, уволены изъ заведенія, пришли за документами своихъ сыновей, то самъ же директоръ Дрбогловъ и другіе присные съ нимъ говорили имъ: „ну, что вы?! зачѣмъ торопитесь? вѣдь это же не можетъ продолжиться долго; пройдетъ немного времени и снова откроютъ старшіе классы“. И, дѣйствительно, пророчество ихъ сбылось. Не есть ли все это самая грубая и наглая насмѣшка надъ властью, закономъ и даже здравымъ смысломъ? И, дѣйствительно, занятія во 2 Тифлисской м. гимназіи возобновились 14 марта („Голосъ Кавк.“ № 542), а изъ 54 уволенныхъ принято 40 человѣкъ, какъ свидѣтельствуетъ оффиціальная газета „Кавказъ“ (21 марта № 67); но какъ говорятъ даже самые служащіе въ этой гимназіи, которые удостовѣряли, что къ этому времени никто еще не исключенъ за безобразія 19 февраля; но

вр. генералъ-губернаторъ потребовалъ уволить нѣкоторыхъ, которые привлекаются къ отвѣтственности, ничего общаго не имѣющей съ тѣмъ, что случилось тогда. При такихъ условіяхъ, конечно, почему не революціонировать нашимъ педагогамъ? Вѣдь такая ихъ дѣятельность не только не порицается, но даже и поощряется. Нѣчто невѣроятное творится въ нѣдрахъ кавказскаго учебнаго округа. Для чего стоитъ во главѣ округа г. Рудольфъ? Неужели для большого революціонированія русской государственной школы здѣсь, на Кавказѣ?!

Не успѣли еще прекратиться толки и пересуды по поводу этого скандала, какъ въ 3 Тифлисской мужской гимназіи сдѣлали новый скандалъ. Въ концѣ литературно-вокальнаго утра вышелъ на эстраду одинъ ученикъ старшаго класса этой гимназіи и упрекнулъ всѣхъ присутствовавшихъ въ непростительной забывчивости 25 лѣтія со дня кончины благодѣтеля человѣческаго рода, великаго Маркса. Сконфуженный директоръ Дьячковъ-Тарасовъ подошелъ къ юношѣ-оратору и началъ что-то лепетать; но юный ораторъ не придалъ такой попыткѣ вмѣшательства „некомпетентныхъ лицъ“ никакого значенія и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Можно было бы и слѣдовало бы въ настоящее время сказать на эту тему многое, но существующее въ настоящее время правительство препятствуетъ этому“. Присутствовавшіе „сознательные товарищи“ ржали отъ восторга. „Прискорбно было, говоритъ „Голосъ Кавказа“, глядѣть на растерянность и безпомощность почтеннаго директора этого заведенія, тщетно пытавшагося заявить о своей наличности и своемъ присутствіи, представлявшаго собой жалкій видъ, напоминающаго ребенка у осколковъ нечаянно разбитой посуды. Но за то съ какимъ чувствомъ гордости и душевнаго удовлетворенія глядѣлъ педагогическій персоналъ на неоспоримые плоды положеннаго ими труда въ дѣлѣ воспитанія подростающаго поколѣнія“... „Авось, заявляетъ таже газета, г. почечитель кавказскаго учебнаго округа, возвратившись изъ вояжей и убѣдившись лично въ окончательномъ развалѣ кавказскихъ гимназій, соблаговолитъ обратить на эти мелочи свое благосклонное вниманіе“ (5 марта № 533). Здѣсь нечему и удивляться. Юный ораторъ, желавшій чествовать великаго благодѣтеля человѣчества, Маркса, былъ, на основаніи выступленій своего новаго директора Дьячкова-Тарасова и лидера крайнихъ лѣвыхъ своего инспектора Крамаренко въ революціонные дни 1905 и 1906 гг., бывшихъ въ то время еще преподавателями, вполнѣ убѣжденъ, что онъ въ данномъ случаѣ находится въ полномъ согласіи съ политическими платформами своего начальства. Удивленіе долженъ возбуждать не сей молодой ораторъ, который остался тѣмъ-же, а его директоръ и инспекторъ, такъ рѣзко въ глазахъ его измѣнившіе себѣ. Вслѣдъ за этимъ, вслѣдствіе безобразно-гадкаго поведенія учениковъ 6 класса 2 отд. все той же гимназіи, выразившагося во всякихъ дебошахъ и безобразіяхъ, сдѣлано было постановленіе совѣта о закрытіи 6 кл. 2 отд. и объ увольненіи всѣхъ учениковъ этого класса. Мальчишки отправились жаловаться къ вр. управляющему округомъ Лопатинскому, который приказалъ пересмотрѣть дѣло въ совѣтѣ. Послѣдній, благодаря оказанному давленію, долженъ былъ отмѣнить свое прежнее постановленіе. Что же

оказалось? Мальчишки, чувствуя себя совершенно безнаказанными и зная, что всякія безобразія ихъ пройдутъ даромъ, стали держать гимназію буквально въ терроръ. Совѣтъ сдѣлалъ постановленіе о назначеніи повѣрочныхъ испытаній тѣмъ изъ учениковъ, которые не бывали въ гимназіи и у которыхъ нѣтъ отмѣтокъ по латинскому и новымъ языкамъ; но ученики 6 класса заявили, что они не позволятъ производить эти испытанія. И, дѣйствительно, когда начались комиссіи, они начали разгонять учениковъ и преподавателей; а потомъ однажды явились вечеромъ въ гимназію и потребовали немедленнаго прекращенія производства испытаній. „Намъ, говоритъ „Голосъ Кавказа", остается только съ грустью любоваться пышными „кадетско-освободительными" цвѣтками. Не видитъ этихъ прелестей только одинъ попечитель округа. Да гдѣ же онъ?—А, Богъ его знаетъ, гдѣ онъ"... (8 марта 1908 г. № 536). А онъ, прибавлю я отъ себя, все еще вояжируетъ по Петербургамъ и Москвамъ. Одинъ изъ учениковъ 6 кл. 2 отд., получившій на испытаніи двойку, выхватилъ изъ кармана револьверъ и заявилъ преподавателю, что онъ уложитъ его на мѣстѣ, если онъ не поставитъ ему удовлетворительной отмѣтки.—Въ той же гимназіи преподаватель физики г. П., опасаясь такихъ выступленій со стороны учениковъ, поставилъ всѣмъ ученикамъ 8 класса пятерки (экзамена по физикѣ въ 8 кл. не полагается и годовая отмѣтка вносится въ аттестатъ). „Благодарные Митрофанушки вынесли почтеннаго педагога на рукахъ изъ класса при крикахъ „ура". Не правда ли, умилительная картина?! По наведеннымъ справкамъ оказалось, что ученики у него на рукахъ не бывали и никакой оцѣнки ихъ знаній преподаватель, слѣдовательно, производить не могъ" (Опроверженія г. П. и директора Дьячкова-Тарасова мало что опровергли). „Въ томъ же классѣ 7 марта ученики произвели въ самомъ классѣ то, что только полагается дѣлать въ особо для этой цѣли отведенныхъ мѣстахъ (вотъ, замѣчу кстати, вполнѣ характерный поступокъ свиней); затѣмъ „сознательные и самоопредѣлившіеся товарищи" потребовали отъ директора разрѣшенія уйти домой, такъ какъ при такой вони отъ нерукотворныхъ слѣдовъ оскотѣвшихъ питомцевъ заведенія, они сами признали, что заниматься не могутъ. Директоръ Дьячковъ-Тарасовъ, конечно, исполнилъ ихъ просьбу и отпустилъ ихъ по домамъ. Пусть читающая публика сама произведетъ оцѣнку всѣмъ этимъ фактамъ; мы, говоритъ „Голосъ Кавказа", не въ состояніи это сдѣлать. Отъ себя скажемъ одно: неужели власть въ краѣ (разумѣемъ, конечно, не учебную) не положитъ конецъ этимъ вопіющимъ безобразіямъ?! Невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ мы тратимъ народныя деньги на содержаніе такихъ гимназій? Господа власть имѣющіе! внемлите же наконецъ долгу службы, пора же положить конецъ всѣмъ этимъ ужасамъ безобразія, уберите руководителей, воочію доказавшихъ и ежедневно доказывающихъ свою полнѣйшую непригодность и несостоятельность. Факты сами говорятъ объ ужасномъ и полномъ разложеніи школы, о разложеніи, переходящимъ всякіе предѣлы возможнаго и допустимаго. Задача воспитанія настоящимъ руководителямъ, превратившимъ школу въ вертепъ разврата, не по плечу,—это всякому ясно. Побойтесь наконецъ Бога и отвѣтственности предъ Нимъ, если уже отвѣт-

ственность предъ совѣстью и закономъ не трогаетъ васъ". („Гол. Кавк." 11 марта 1908 г. № 538). 8 марта на дверяхъ 3-й Тифлисской мужск. гимназіи было вывѣшено слѣдующее объявленіе: „По постановленію педагогическаго совѣта и по распоряженію попечителя кавказскаго учебнаго округа, въ виду крайне нервнаго настроенія среди учащихся, занятія временно прекращаются во всѣхъ классахъ гимназіи, впредь до особаго распоряженія, и доступъ учащимся въ помѣщеніе гимназіи воспрещенъ". (Закавказье № 57). Опять та же шаблонная мѣра, пріятная для педагоговъ, но крайне вредная для дѣла. Боясь выдать главныхъ вожаковъ свинячьихъ безпорядковъ и поступить съ ними строго, педагоги обрекаютъ себя и своихъ учениковъ на ничегонедѣланье. А учебное начальство въ лицѣ попечителя Рудольфа не принимаетъ никакихъ мѣръ къ побужденію педагоговъ выдать всѣхъ этихъ негодяевъ изъ учащихся и не хочетъ разобраться въ томъ, не кроются ли главныя причины этихъ и всѣхъ другихъ безпорядковъ въ личномъ составѣ служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Горе вамъ, фарисеи и лицемѣры, совратившіе и даже въ конецъ развратившіе ввѣренныхъ вашему попеченію дѣтей! Занятія въ 3 Тифлисской мужск. гимназіи возобновились 16 марта, за исключеніемъ 6 кл. 2 отд., учениковъ котораго постановлено считать уволенными („Голосъ Кавказа" № 543). Мнѣ неизвѣстно, доведена ли по крайней мѣрѣ до конца учебнаго года эта мѣра, или же, какъ и прежде, снова открыты занятія въ этомъ классѣ и учащіеся преблагополучно перешли въ слѣдующій классъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Теперь очередь стояла за 1 Тифлисской мужской гимназіей, которая не заставила долго ждать себя. Вотъ картинка, описанная съ натуры. „Урокъ французскаго языка въ 5 кл. 2 отд. 1-й мужской гимназіи. Въ 5 кл. 2 отд. десятка полтора учениковъ, въ костюмахъ „фасона освободителей" въ самыхъ разнообразныхъ позахъ на подоконникахъ, столахъ, скамейкахъ. Входитъ преподаватель и урокъ фактически начинается. Преподаватель вызываетъ ученика Джорджадзе отвѣчать. Джорджадзе ничего не отвѣчаетъ, такъ какъ состоитъ въ полномъ разладѣ съ французской грамотой. Преподаватель предлагаетъ ему сѣсть и ставитъ неудовлетворительную отмѣтку. Джорджадзе, замѣтивъ это, беретъ резину, подходитъ къ каѳедрѣ, вырываетъ журналъ изъ рукъ преподавателя и стираетъ двойку. Тогда преподаватель хочетъ записать его въ журналъ за дурное поведеніе, но Джорджадзе, продѣлавъ ту же процедуру съ преподавателемъ вторично, довольный достиженіемъ цѣли, усаживается на мѣсто. Преподаватель вызываетъ Вахванова, который тоже ничего не знаетъ и тоже получаетъ двойку. Вызываетъ преподаватель третьяго ученика; вдругъ громкій окрикъ Джорджадзе: „не смѣй отвѣчать". Вызванный мальчикъ смутился и остановился на полдорогѣ къ каѳедрѣ. „Что же вы не идете?" спрашиваетъ преподаватель.—Я... я... я... право... не могу. Вызывается другой ученикъ, но Джорджадзе вырываетъ у него книгу и не позволяетъ ему идти къ каѳедрѣ. Между тѣмъ Вахвановъ вооружается учебникомъ, подходитъ къ каѳедрѣ и въ пылу негодованія и озлобленія изо всей силы бросаетъ учебникъ въ лицо преподавателя. Преподователь

уходитъ изъ класса". („Гол. Кавк." 9 марта 1908 г. № 537). Совѣтъ рискнулъ было сдѣлать постановленіе объ исключеніи Вахванова; что же касается Джорджадзе, то его матери предложено было взять своего сына изъ гимназіи. („Гол. Кавк." 11 марта № 538, письмо г. Гамкрелидзе). Но не такъ посмотрѣли на это дѣло „митрофанушки" 5 класса. Собравъ сходку (хотя сходки запрещены, но въ 1-й Тифлисской мужск. гимназіи ихъ называютъ собесѣдованіями), ученики постановили потребовать обратнаго пріема Вахванова, грозя въ противномъ случаѣ рядомъ скандаловъ до бомбъ включительно. Начались безпорядки („Гол. Кавк." 8 марта № 536), при которыхъ снова не видно, какъ реагировало на нихъ учебное начальство.

А вотъ картинки внѣшкольной жизни Тифлисскихъ учащихся, схваченныя съ натуры. „Вотъ стоятъ три юнца (гимназисты); шапки на бекрень, въ зубахъ папиросы, отъ горькаго вкуса которой одинъ ихъ нихъ поминутно сплевываетъ въ сторону, ни мало не заботясь, если этой „на сторону" оказывается платье проходящей дамы. Прислушайтесь къ разговору: „А еще на что взялъ?"—На пѣвичку Бобинетъ. „А развѣ не ловятъ?"—На первомъ спектаклѣ ловили, а теперь нѣтъ. Одѣвай штатское платье и иди, никто ничего не скажетъ; я все время такъ. „Слушай: а еще на чемъ былъ?"—На пріютѣ Магдалины. Вотъ интересно: на сценѣ всѣ раздѣтыя; при этомъ юнецъ говорилъ всякія скабрезныя вещи. Подойдите къ другой группѣ: одинъ изъ четырехъ разсказываетъ въ сущности глупый, но, конечно, чрезвычайно неприличный анекдотъ, стараясь сказать пошлое словцо чуть не въ лицо проходящей мимо барышнѣ или дамѣ. Зайдите въ любой кабакъ изъ любопытства: тѣ же юнцы гоняютъ шары на билльярдѣ; дымъ стоитъ коромысломъ; словечки такъ и висятъ въ спертой удушливой атмосферѣ; форменныя тужурки, какъ чрезъ-чуръ обременительная вещь, покоятся на вѣшалкахъ; играютъ въ черныхъ рухахъ „освободительнаго" образца. Вся эта молодежь играетъ, куритъ, пьетъ... На все это нужны деньги... Оберъ-педагогъ сейчасъ въ Петербургѣ, но если бы онъ былъ и здѣсь, то едвали можно было бы ожидать принятія рѣшительныхъ мѣръ отъ ставленника печальной памяти министра Кауфмана. Кстати сказать, этотъ оберъ-педагогъ, успѣвшій объѣхать округъ, не удосужился до своей поѣздки въ Петербургъ ознакомиться съ постановкой учебно-воспитательнаго дѣла въ Тифлисскихъ гимназіяхъ. Примѣръ Кутаиса намъ показываетъ, что интересы учащагося юношества ближе принимаются къ сердцу генералъ-губернаторами, чѣмъ педагогами, стоящими во главѣ учебнаго заведенія („Голосъ Кавказа" 12 марта № 539). Да, глубоко справедливы слова „Голоса Кавказа". Вотъ въ этомъ-то все и горе, и несчастіе нашей русской школы, что почти нѣтъ у нея людей; которые бы всѣми фибрами души любили ее и могли бы при случаѣ даже пожертвовать собою въ пользу ея. А вотъ есть же рядомъ, въ сосѣднемъ вѣдомствѣ, люди, которые готовы на это. Не могу воздержаться, чтобы не разсказать здѣсь о слѣдующемъ глубоко благородномъ, самоотверженномъ поступкѣ генерала Славочинскаго, временнаго генералъ-губернатора въ Кутаисской губерніи. Онъ

получилъ анонимное письмо, въ которомъ ему сообщалось, что, по приговору кутаисскихъ учениковъ, онъ долженъ быть убитъ ученикомъ 5 класса Г., на котораго палъ жребій привести въ исполненіе этотъ приговоръ. Г. Славочинскій пришелъ въ гимназію, вошелъ во время урока въ 5 классъ и, обратившись къ удивленнымъ такимъ посѣщеніемъ ученикамъ, спокойно спросилъ: „ученикъ Г., на васъ палъ жребій меня убить?“ Затрясшійся, какъ осиновый листъ отъ такой неожиданности; Г., еле шевеля языкомъ, умоляюще произнесъ: „Ви... виноватъ... ваше превосходительство... я... я... мо... могу отказаться“...—Ну, ничего, на первый разъ я вамъ прощаю, сказалъ генералъ-губернаторъ и вышелъ изъ класса („Гол. Кавк.“ 7 марта № 535). Вотъ есть же, дѣйствительно, честные и благородные люди, которые, „хлебая въ чужомъ пиру похмѣлье“, самоотверженно стемятся умиротворить нашу школу на Кавказѣ; между тѣмъ какъ непосредственное ея начальство, какъ наемникъ, бѣжитъ изъ Кутаиса отъ какой-то петарды и не собрался до сихъ поръ ознакомиться поближе и разобраться поподробнѣе съ самыми распущенными учебными заведеніями въ Тифлисѣ, Баку, Кутаисѣ, Батумѣ и другихъ городахъ. Одно изъ двухъ: или г. Рудольфъ боится приступить къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей по умиротворенію и упорядоченію кавказской школы, или же онъ считаетъ происходящіе въ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки и безчинства входящими въ его кадетскую программу плановъ и дѣйствій по излюбленному этой партіей лозунгу: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Но въ такомъ случаѣ онъ совершенно не на мѣстѣ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ не обязаны же всѣ вр. генералъ-губернаторы быть Славочинскими и жертвовать собой вмѣсто г. Рудольфа, который прямое свое дѣло не хочетъ до сихъ поръ исполнять. Главная объединяющая роль въ дѣлѣ упорядоченія и спасенія отъ окончательнаго развала русской школы на Кавказѣ должна принадлежать, конечно, попечителю ея который совершенно не способенъ къ этому. Онъ даже, повидимому, не обращаетъ вниманія и на то, что преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго ему округа занимаются на урокахъ не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, а вмѣсто свѣдѣній по физикѣ разсказываютъ, напр., о подвигахъ французскихъ санкюлотовъ или поясняютъ смыслъ сновидѣній въ романѣ Чернышевскаго, какъ со словъ самой учащейся молодежи, разсказываетъ „Голосъ Кавказа“ (16 марта № 543). Всѣ эти безобразные и отвратительные безпорядки вызвали г. Рудольфа только на слѣдующіе два циркуляра: 1) отъ 19 марта за № 5,627,—чтобы о всѣхъ выдающихся происшествіяхъ въ жизни учебнаго заведенія незамедлительно было сообщаемо мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ, губернатору и начальнику полиціи въ цѣляхъ принятія необходимыхъ мѣръ и 2) отъ 19 марта за № 5,704,—чтобы имѣть постоянное наблюденіе, дабы учащіеся не имѣли и не носили при себѣ ни огнестрѣльнаго, ни холоднаго оружія Остается только неизвѣстнымъ, какъ будетъ исполнять это распоряженіе директоръ того учебнаго заведенія, гдѣ около и даже больше тысячи учащихся. Неужели онъ постоянно будетъ обыскивать ихъ? Вотъ ужъ поистинѣ чис-

то бюрократическая и притомъ кадетская отписка. Вотъ ужъ поистинѣ, гора родила мышь:

Въ мартѣ новое несчастіе разразилось надъ Батумской мужской гимназіей, гдѣ въ одномъ изъ классовъ взорвалась съ страшной силой положенная въ печь фитильная бомба, которая разрушила до основанія самую печь и повредила окна. Взрывъ былъ настолько силенъ, что былъ слышенъ далеко отъ гимназіи. Бомбисты-гимназисты разсчитывали, повидимому, уничтожить весь учительскій персоналъ, такъ какъ эта печь обслуживала учительскую комнату и кабинетъ директора. Среди малышей произошли обмороки и нервныя потрясенія. Паника охватила всю гимназію; истерическія рыданія дѣтей огласили классы. Занятія были прекращены. Въ гимназію пріѣхалъ генералъ Бауэръ, который своею властью закрылъ 5, 6, 7 и 8 классы. Не задолго предъ этимъ была брошена петарда все въ того же учителя французскаго языка С., котораго ученики-автономисты не оставляютъ въ покоѣ и затѣмъ нанесли ему изъ-за угла ударъ палкой по головѣ („Тифл. Лист.“ 2 апр. № 79). Военный губернаторъ Батумской области постановилъ воспретить пребываніе въ области 7 ученикамъ 8 класса, 3-мъ—7-го, 3-мъ—6-го, 2-мъ—5-го, 1-му 4-го классовъ. Срокъ для выѣзда изъ Батума опредѣленъ въ 48 часовъ (Тифлисск. Лист. 22 апр. № 92). Вотъ оказывается: кто захочетъ разобраться въ дѣлѣ, всегда разберется и отыщетъ виновныхъ; почему же до сихъ поръ никогда и нигдѣ, даже во 2-й Тифлисской м. гимназіи (по поводу 19 февраля) учебное начальство не могло до сихъ поръ это сдѣлать? Да просто потому, что это не входило въ его разсчеты и планы. Должно быть потому, что если не будетъ безпорядковъ и страна будетъ спокойна, то кадетамъ и всѣмъ лѣвѣе ихъ не будетъ повода говорить что либо противъ реакціи и репрессій правительства. Ужъ, право, приходится заключить, что всѣ эти безпорядки нужны всѣмъ нашимъ кадетствующимъ на Кавказѣ, потому что они главнымъ образомъ усердно поощряютъ и тѣмъ увеличиваютъ и усиливаютъ ихъ количество и качество. Такое подозрѣніе идетъ на умъ; но что же дѣлать, если такова логика современныхъ событій. 23 апрѣля въ день тезоименитства Государыни Императрицы бывшіе батумскіе гимназисты упражнялись въ тушеніи иллюминаціи на бульварѣ, а затѣмъ перелѣзли чрезъ заборъ ремесленнаго училища, попортили и оборвали цвѣты, избили сторожа и удрали. Одинъ гимназистъ 2 класса пришелъ въ гимназію съ револьверомъ и произвелъ нечаянно выстрѣлъ. Гимназистки 7 класса были удивлены несвоевременнымъ роспускомъ еще на 5 недѣлѣ великаго поста для подготовки, какъ-бы, къ экзаменамъ, между тѣмъ, по распоряженію попечителя округа, роспускъ долженъ быть произведенъ 26 апр. И что всего удивительнѣе: на 6 недѣлѣ поста происходили экзамены по французскому языку (Голосъ Кавк. 14 мая № 588).

26 марта въ 7 час. вечера въ Кутаисѣ въ квартиру нѣкоего Казашвили ворвались, въ отсутствіе хозяина, двое молодыхъ людей и, захвативъ деньгами и вещами на 155 рублей, скрылись. На утро грабители были обнаружены. Они оказались учениками 2 и 3 классовъ дворянской гимназіи Кутателадзе и Ахвледіани, которые арестованы и въ совершеніи

грабежа сознались (Тифл. Лист. 2 апр. № 79). Такимъ образомъ, на Кавказѣ не выступали въ грабежахъ пока только ученики приготовительныхъ классовъ; такая эволюція хулиганства ожидается къ 1908—9 учебному году.

11 апрѣля въ Тифлисѣ задержаны возвращавшіеся изъ ботаническаго сада со сходки 11 человѣкъ, депутатовъ революціонной армянской организаціи дашнакцутюнъ. За исключеніемъ одного студента и одного актера армянской драматической труппы, всѣ оказались учениками старшихъ классовъ разныхъ учебныхъ заведеній въ краѣ, которые прибыли на съѣздъ въ Тифлисъ.

Въ Баку во время пасхальной литургіи молящіеся въ домовой гимназической церкви были страшно перепуганы произведеннымъ со двора въ окна стеклянной галлереи, прилегающей къ церкви, выстрѣломъ. Стрѣлявшимъ оказался воспитанникъ 4 класса Вартановъ (Голосъ Кавказа, 19 апр. № 568). 24 апрѣля, какъ донесъ директоръ попечителю округа, въ корридорѣ той же гимназіи былъ произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера; 25 апрѣля въ пріемной около учительской снова раздался выстрѣлъ; ученикамъ предложено выдать стрѣлявшихъ; но такъ какъ въ обоихъ случаяхъ они оказались необнаруженными, то 5, 6 и 7 классы, по постановленію педагогическаго совѣта, закрыты („Каспій", 27 апр. № 95). 26 апрѣля, по случаю объявленія учащимся о предстоящихъ экзаменахъ, пошли крупные протесты и снова раздались выстрѣлы въ классахъ изъ револьверовъ въ потолокъ и окна; при чемъ перебито много стеколъ („Закавказье" 29 апрѣля № 95). Говорятъ, что въ Бакинской мужской гимназіи, какъ въ осажденной непріятелемъ крѣпости, стѣны, полъ и потолокъ изрѣшетены пулями отъ ежедневныхъ упражненій въ стрѣльбѣ („Гол. Кавк." 29 апр. № 576). Педагогическій совѣтъ этой гимназіи постановилъ, изъ числа 13 учениковъ 5 класса, признанныхъ виновными въ стрѣльбѣ въ гимназіи, уволить 6 человѣкъ съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія; остальнымъ же 7 сбавить отмѣтку въ поведеніи и предупредить, что, въ случаѣ повторенія какихъ либо эксцессовъ, они немедленно будутъ уволены изъ гимназіи („Кавказъ" 2 мая № 100). Иначе говоря: стрѣляйте, милые дѣти, и впредь въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а 7 человѣкъ должны быть оставлены въ той же гимназіи для болѣе основательнаго прохожденія курса стрѣльбы. Такъ что ли?!

Въ Кутаисѣ 29 апрѣля въ зданіи дворянской грузинской гимназіи одинъ изъ учениковъ 2 класса, недовольный своей отмѣткой по одному предмету, подкрался къ учителю Д. и ударилъ его палкой по головѣ („Закавказье" 2 мая № 98). 2 мая неизвѣстный мальчикъ, лѣтъ 14, одѣтый въ форму гимназиста, бросился въ Тифлисѣ въ Куру и утонулъ („Закавказье" № 100). Въ тотъ же день въ Поти арестованъ ученикъ мингрельскаго городского училища Канделаки, 19 лѣтъ, написавшій мѣстному купцу Качарову угрожающее письмо съ требованіемъ 25 рублей („Кавказъ" 8 мая № 105). 7 мая на ст. Евлахъ при входѣ поѣзда № 12, бросился подъ него гимназистъ Елизаветпольской гимназіи Али-

босковъ и былъ задавленъ („Кавказъ“ 9 мая № 106). 10 мая ученикъ 4 класса Эриванской мужской гимназіи нанесъ рану ученику 5 класса Меликъ-Агамалову („Кавказъ“ 16 мая № 111). Около этого времени одинъ несчастный отецъ разсказывалъ сотруднику „Голоса Кавказа“, что онъ былъ вызванъ въ гимназію, гдѣ его 16 лѣтній сынъ покушался на самоубійство. Прибѣжавъ туда, онъ засталъ своего сына, объясняющимъ директору мотивы своего поступка: при этомъ онъ заявилъ, что жизнь до того постыла, что чѣмъ скорѣе умереть, тѣмъ лучше. Онъ хотѣлъ было обратиться къ гимназическому законоучителю за совѣтами, но не сдѣлалъ этого потому, что все равно тотъ не понялъ его, надсмѣялся бы надъ нимъ и не убѣдилъ бы его въ обратномъ („Гол. Кавк.“ 11 мая № 586). Неужели и этотъ скорбный мартирологъ не образумитъ кавказскихъ педагоговъ и ихъ начальство?! Впрочемъ, что же за дѣло сему лютеранствующему попечителю до того, что наши дѣти не находятъ у своихъ законоучителей нужнаго религіознаго утѣшенія и душевнаго успокоенія. *Вѣдь вполнѣ ясно обнаружилось отношеніе г. Рудольфа къ религіознымъ потребностямъ нашихъ учебныхъ заведеній упраздненіемъ во вновь строющемся зданіи Тифлисскаго учительскаго института домовой церкви, которую, что весьма замѣчательно, обѣщало оборудовать за свой счетъ общество московскихъ хоругвеносцевъ, и которая такимъ образомъ не потребовала бы отъ учительскаго института никакихъ расходовъ. Помѣщеніе, предназначенное по плану, утвержденному даже министерствомъ, для церкви, превращено, по приказанію г. Родольфа, въ музей* или рекреаціонный залъ. „Что это, восклицаетъ „Голосъ Кавказа“, сонъ, кошмаръ, смерчъ нашествія антихриста или что? Правда, во Франціи прежде чѣмъ гидра разложенія и вырожденія пустила свои революціонно-гнилостныя спирали, было вынесено Распятіе изъ судовъ, а затѣмъ и изъ школъ. У насъ же начинаютъ со школъ. Правильно. Это посильнѣй будетъ!“ („Гол. Кавк.“ 11 мая № 586 и 13 мая № 587). Что же это такое у насъ творится, на Руси?! Гдѣ и когда будутъ указаны границы своеволія, самодурства и преступной дѣятельности кавказскаго учебнаго начальства? Какія еще выходки мы, русскіе, должны терпѣть отъ г. Рудольфа, который уже накладываетъ свою разрушительную руку на нашу св. церковь?!

Существованіе общества фаталистовъ среди учащихся въ тифлисскихъ учебныхъ заведеніяхъ подтверждается даже газетой крайне лѣваго направленія,—„Закавказьемъ“, которая въ № 92 сообщаетъ, что въ Тифлисѣ существуетъ „таинственная красная комната“ съ благораствореніемъ „какого-то ароматическаго куренія, съ пикантными соусами, консервами и напитками, возбуждающими нервы и т. д., куда собирается учащаяся молодежь и гдѣ все направлено къ тому, чтобы заглушить въ себѣ „здоровый смыслъ и обнажить нервы“. Послѣ этого, будто-бы, „въ сладкой истомѣ и дремотѣ расходятся; дальше этого дѣло не идетъ, а, можетъ быть, прибавляетъ та же газета, и пойдетъ“ (см. также „Гол. Кавказа“ 11 мая № 586). Не знаютъ о существованіи этого развратнаго общества

среди нашихъ учащихся только тѣ, кому главнымъ образомъ надлежитъ сіе вѣдать.

Не даромъ „Голосъ Кавказа" 30 апрѣля 1908 года (№ 577) усомнился даже въ томъ, имѣется ли у насъ попечитель кавказскаго учебнаго округа; „если это, говоритъ газета, дѣйствительно, вѣрно, то, конечно, онъ возьметъ на себя обязанность распорядиться, чтобы въ нынѣшнемъ году экзамены происходили безъ употребленія въ дѣло оружія, ввиду необезпеченности преподавательскаго персонала непроницаемыми панцырями". На почвѣ этихъ экзаменовъ произошли слѣдующія прискорбныя и отвратительныя явленія въ нашихъ кавказскихъ учебныхъ заведеніяхъ. При наличности „нежелательнаго" циркуляра министра народнаго просвѣщенія о переводахъ въ слѣдующіе классы сталъ волновать многихъ педагоговъ вопросъ о непосѣщаемости учениками уроковъ. Тогда педагоги прониклись сознаніемъ излишности дѣлать въ журналахъ отмѣтки о пропущенныхъ учениками уроковъ. Пользуясь такимъ вновь открытымъ пріемомъ, одна изъ тифлисскихъ гимназій, гдѣ было громадное число пропущенныхъ учениками уроковъ, достигла блестящихъ результатовъ: всего пропущенныхъ учениками уроковъ въ ней оказалось за весь годъ лишь 70. При такихъ условіяхъ, конечно, всѣ должны быть допущены къ экзаменамъ и все будетъ исполнено по циркуляру. Такимъ образомъ, заключаетъ газета, „наша дѣва и невинность соблюла и капиталъ пріобрѣла" („Гол. Кавк." 11 мая № 586). На почвѣ тѣхъ же годичныхъ экзаменовъ въ зданіи 3 Тифлисской женской гимназіи совершено 5 мая слѣдующее отвратительное преступленіе. Шелъ по утру въ эту гимназію на экзамены преподаватель русскаго языка Коганъ; вслѣдъ за нимъ ворвались въ гимназію два молодыхъ человѣка и одинъ изъ нихъ сталъ стрѣлять въ вестибюлѣ по Когану, который вскорѣ скрылся, а преступникъ продолжалъ стрѣлять. Тогда его схватилъ швейцаръ, но онъ, вырвавшись произвелъ въ послѣдняго два выстрѣла. Одна изъ пуль попала въ голову ученицы 8 класса этой гимназіи Насибовой, которая вскорѣ скончалась въ Михайловской больницѣ. Одинъ изъ злодѣевъ былъ одѣтъ въ пиджакъ и черныя брюки, а другой въ желтоватаго цвѣта рубаху и гимназическую фуражку, которою закрывалъ себѣ лицо. Ученицы, конечно, были отпущены по домамъ, а на мѣсто происшествія тотчасъ прибыли полиціймейстеръ и судебныя власти („Кавказъ» 6 мая № 103). Это возмутительное покушеніе на Когана было совершено изъ за того, что онъ былъ строгъ и требователенъ къ гимназистамъ 3 мужской гимназіи, гдѣ онъ также состоитъ преподавателемъ („Кавказъ" 7 мая № 104). По подозрѣнію въ организаціи этого покушенія на Когана и въ случайномъ убійствѣ Насибовой арестованы два ученика 3 мужской гимназіи Агароновъ и Басинджіанцъ, одна уволенная ученица 3 женской гимназіи Агаронова и 7 бывшихъ учениковъ 6 класса 3-й мужской гимназіи (Пораковъ, Джамповъ, Аристаковъ, Григорьевъ, Месхибовскій, Дерзибашевъ и Сечинава). („Закавказье" № 105).

Забастовки и разные другіе подобные ученическіе выпады такъ обезславили кавказское учебное вѣдомство, что оно уже начало скрывать ихъ.

Такъ 15 мая забастовалъ 6 классъ 5 Тифлисской женской гимназіи изъ-за того, что три ученицы этого класса, невнесшіе платы за ученіе, не были допущены къ переводному испытачію по алгебрѣ. Никакія увѣщанія, представленія и разъясненія со стороны окружнаго инспектора Ларіонова и начальницы Обломкиной не помогли. Ученицы привели свою угрозу въ исполненіе („Гол. Кавк.“ 16 мая № 590), а потому названный классъ гимназіи, по распоряженію учебнаго начальства, былъ закрытъ („Кавказъ“ 18 мая № 113). Г-же Ларіоновъ не счетъ этого поступка ученицъ забастовкой, такъ какъ въ немъ не было злого умысла („Кавказъ„ № 115). Напрасно „Голосъ Кавказа“ (594) указывалъ на то, что ученицы категорически отказались подвергаться экзаменамъ, что въ указанномъ классѣ учебныя занятія были прекращены и въ слѣдующіе дни, и что такое дѣяніе называется забастовкой, для достиженія которой „сознательныя“ ученицы не постѣснялись прибѣгнуть по отношенію къ несогласившимся даже къ площадной ругани (также „Кавказъ“ № 116).

Какъ производились и закончились въ кавказскихъ учебныхъ заведеніяхъ годичныя испытанія, мѣстная пресса даетъ слишкомъ мало матеріала. Ученики ли стали поосторожнѣе или сами педагоги сдѣлались похитрѣе, что перестали выносить соръ изъ избы, не знаю: вѣрнѣе мнѣ кажется послѣднее. Мѣстныя газеты сообщили только слѣдующее. Отъ учениковъ приходится слышать, что сочиненія по русскому языку заготовлены ими заблаговременно, такъ какъ имъ уже извѣстны темы. На экзаменахъ, по словамъ самихъ учащихся, происходило сдуваніе со „шпаргалокъ“: дѣло это велось открыто, и никто даже не покушался ихъ излавливать. На одинъ изъ экзаменовъ явился попечитель или окружной инспекторъ, и всѣ ученики сидѣли, глубокомысленно обдумывали тему, боясь приступить къ писанію сочиненія, такъ какъ послѣ, пожалуй, невозможно будетъ связать написанное со шпаргалкой. Какъ только начальство вышло за двери, такъ листы бумаги для черновиковъ превратились въ ширмы для сдувалокъ. Выходитъ, что экзаменъ былъ весьма облегченный („Гол. Кавказа“ 22 мая № 595). Какъ блестяще сошли выпускные экзамены въ наиболѣе „сознательной“ и распущенной 1-й Тифлисской мужской гимназіи, доказываютъ слѣдующія цыфры: изъ 105 окончившихъ въ 1908 году курсъ 22 человѣка награждены золотыми и серебряными медалями (изъ нихъ русскихъ только 2), т. е. 20,9 проц. преуспѣвающихъ. Вотъ, дѣйствительно, маги и волшебники, а не простые педагоги! Въ Кутаисѣ 5 учениковъ 5 класса реальнаго училища, недовольные постановленіемъ совѣта о недопущеніи ихъ къ переходнымъ экзаменамъ, пытались въ квартирахъ нѣкоторыхъ преподавателей произвести дебошъ, за что были исключены изъ заведенія („Закавказье“ № 118). Въ 1-й Тифлисской мужск. гимназіи ученикъ Я. допустилъ по отношенію къ экзаменовавшему преподавателю математики С. какую-то наглую выходку, которая, по отзыву газеты, составляетъ шедевръ ра нузданности („Гол. Кавк.“ 29 мая № 600).

Во всемъ моемъ длинномъ и весьма скорбномъ повѣствованіи о развалѣ русской школы на Кавказѣ нѣтъ почти ни слова о состояніи учебныхъ заведеній на Сѣверномъ Кавказѣ. Отсутствіе свѣдѣній объ этомъ

объясняется нашей разобщенностью не только съ тамошними учебными заведеніями, но и со всѣми отраслями и видами общественно-политической жизни; къ тому же мѣстныя газеты съ Сѣвера не проникаютъ къ намъ въ Закавказье. Вслѣдствіе такой неосвѣдомленности, у насъ уже начало было постепенно слагаться убѣжденіе, что въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказа царитъ полный порядокъ, какъ вдругъ обязательное постановленіе генералъ-губернатора Бабыча (въ Кубанской области) заставило насъ горько разочароваться въ этомъ. Вотъ оно. „Воспрещается учащимся куреніе табака, употребленіе спиртныхъ напитковъ, ношеніе неформеннаго платья, палокъ, тростей, неприличное поведеніе, брань на улицахъ, посѣщеніе маскарадныхъ и танцовальныхъ (кромѣ дѣтскихъ) вечеровъ, трактировъ, пивныхъ, биллья рдныхъ, шашлышенъ, меблированныхъ комнатъ, номеровъ, буфетовъ въ клубахъ, собраніяхъ, гостинницахъ и т. п. Виновные будутъ подвергаться мною наказанію, для отбытія коего они препровождаются къ своему начальству. При наложеніи частныхъ взысканій на учениковъ одного и того же учебнаго заведенія я сочту несоотвѣтствующимъ своему назначенію учительскій персоналъ даннаго учебнаго заведенія и буду собственной властью увольнять виновныхъ изъ нихъ. Изъ донесеній оффиціальныхъ сообщеній частныхъ лицъ и собственнаго наблюденія мнѣ приходится констатировать печальный фактъ слабаго воспитанія дѣтей въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ области и полнаго отсутствія за ними внѣшкольнаго надзора какъ со стороны учащихъ, такъ и родителей. Учащіеся, будучи по своему возрасту еще дѣтьми и подростками (неокрѣпшій организмъ которыхъ для нормальнаго развитія въ полнаго силъ и здоровья мужчину или женщину требуетъ нормальной жизни и работы) замѣчены въ куреніи табака, употребленіи спиртныхъ напитковъ, гуляніи до поздней ночи на улицахъ, мѣстахъ общественныхъ собраній, знакомствѣ съ женщинами предосудительнаго поведенія, посѣщеніи шашлышенъ, меблированныхъ комнатъ, номеровъ и т. п. На улицахъ, вмѣсто воспитаннаго скромнаго ребенка, вызывающаго чувство умиленія и восторга, среди учащихся встрѣчаешь разнузданныхъ мальчишекъ, которые не привлекаютъ, а отталкиваютъ отъ себя. Высочайшей волей ввѣренная мнѣ власть начальника округа области обязываетъ меня наблюдать, чтобы подрастающее населеніе воспитывалось въ духѣ вѣры, законовъ, нравственности, любви къ своему Государю и Родинѣ. Принимая къ этому съ своей стороны мѣры, я призываю всѣхъ помочь мнѣ въ этомъ крайне серьезномъ дѣлѣ. Мы всѣ должны сознать, что воспитаніе юношества есть обязанность и общества, которое желаетъ видѣть будущее свое отечество—молодую Россію—здоровою, сильною и славною. Поэтому каждый долженъ стараться предостерегать дѣтей отъ дурныхъ привычекъ, устранять поводы ихъ соблазна, не потворствовать ихъ грубымъ наклонностямъ и теплымъ въ одномъ случаѣ—дружескимъ, въ другомъ—отеческимъ словомъ убѣжденія воспитывать въ нихъ хорошихъ будущихъ гражданъ. Главнымъ же образомъ долгъ службы, совѣсти, отвѣтственность предъ Богомъ и закономъ—тяжесть воспитанія возлагаетъ на родителей и учащихъ. Васъ, господа, я прежде всего прошу употребить всѣ усилія

къ тому, чтобы изъ ввѣренныхъ вамъ дѣтей вышли здоровые духомъ и тѣломъ члены церкви и государства. Помните, что на васъ тяготѣетъ ихъ грозное проклятіе, когда, войдя въ зрѣлый возрастъ, они поймутъ свои ошибки малолѣтства, но уже будутъ безсильны исправить ихъ гибельныя послѣдствія. Но извиняя въ дѣлѣ воспитанія учащихся безвольныхъ, слабыхъ, тѣмъ болѣе нерадивыхъ я буду преслѣдовать всею силою предоставленною мнѣ власти тѣхъ, которые въ учебныхъ заведеніяхъ сознательно ведутъ пропаганду безвѣрія и антиправительственныхъ идей. Такимъ людямъ съ развращеннымъ умомъ и сердцемъ нѣтъ мѣста въ школахъ — этихъ храмахъ науки» („Кавказъ“ 6 іюля № 153). Такимъ образомъ получается таже знакомая намъ вполнѣ безотрадная картина положенія учебныхъ заведеній и въ Кубанской области. Таже дезорганизація и деморалиція учащихся; тѣже „сознательные“ педагоги, облегчившіе себя отъ всякаго воспитательнаго воздѣйствія на своихъ учениковъ; тоже потворство всякимъ дурнымъ наклонностямъ ихъ; тоже безволіе, слабость, нерадѣніе, попустительство и пособничество разнымъ революціоннымъ выпадамъ, что и въ Закавказьѣ,— съ той лишь громадной разницей, что тамъ, на Сѣв. Кавказѣ, отъ лица военной власти раздался властный окрикъ и весьма серьезное предупрежденіе мѣстнымъ педагогамъ и учащимся, тогда какъ здѣсь, въ Закавказьѣ, ничего подобнаго не слышно, а потому положеніе совершенно безнадежно и въ отношеніи будущаго. Этотъ чудный приказъ генерала Бабыча невольно наводитъ на вопросъ: почему г. Рудольфъ до сихъ поръ не издастъ циркуляра, въ которомъ было бы обращено вниманіе педагоговъ на необходимость воспитанія молодого поколѣнія въ чувствѣ религіи, патріотизма и нравственности? Должно быть, на это г. Рудольфъ не способенъ.

Такимъ образомъ жизнь кавказской русской школы въ продолженіи почти 4 лѣтъ есть сплошная вакханалія. Только немногія, весьма немногія учебныя заведенія занимались въ это время своимъ прямымъ дѣломъ и были въ порядкѣ; такія учебныя заведенія на Кавказѣ всѣ наперечетъ. Но что замѣчательно въ данномъ случаѣ, такъ это то, что ихъ никто и никогда, даже и доселѣ, не спрашивалъ, какими мѣрами, какими средствами воспитательнаго воздѣйствія они держатся въ порядкѣ, когда кругомъ ихъ все кипитъ, какъ въ котлѣ, когда школа корчится, какъ въ судорогахъ, самыми отвратительными безпорядками. Ихъ не только объ этомъ не спрашиваютъ, но ими, какъ будто, даже и не вполнѣ довольны; они являются, какъ-бы, бѣльмомъ на глазу, живымъ укоромъ учебному начальству. Такъ обстоитъ это дѣло въ настоящее время. Да, и въ самомъ дѣлѣ, какъ не коситься на нихъ. Начальству округа, которое не можетъ справиться съ положеніемъ вещей, конечно, гораздо пріятнѣе представить всѣ эти школьные безпорядки стихійнымъ явленіемъ, или по крайней мѣрѣ неизбѣжнымъ результатомъ общероссійской или даже хотя бы общекавказской безурядицы, словомъ такимъ явленіемъ, борьба съ которымъ выходитъ за предѣлы какого бы то ни было воздѣйствія учебнаго вѣдомства, а тутъ, какъ дѣйствительно, бѣльмо на глазу, живымъ укоромъ спокойно стоитъ и правильно функціонируетъ нѣсколько учебныхъ заведеній. Вѣдь если эти учебныя заведенія не сварились въ котлѣ кавказ-

ской революціи или, вѣрнѣе, кавказскаго развала, то значитъ, вполнѣ логично такое заключеніе, что могли бы оставаться и жить также спокойно и другія учебныя заведенія. Почему же этого нѣтъ?!

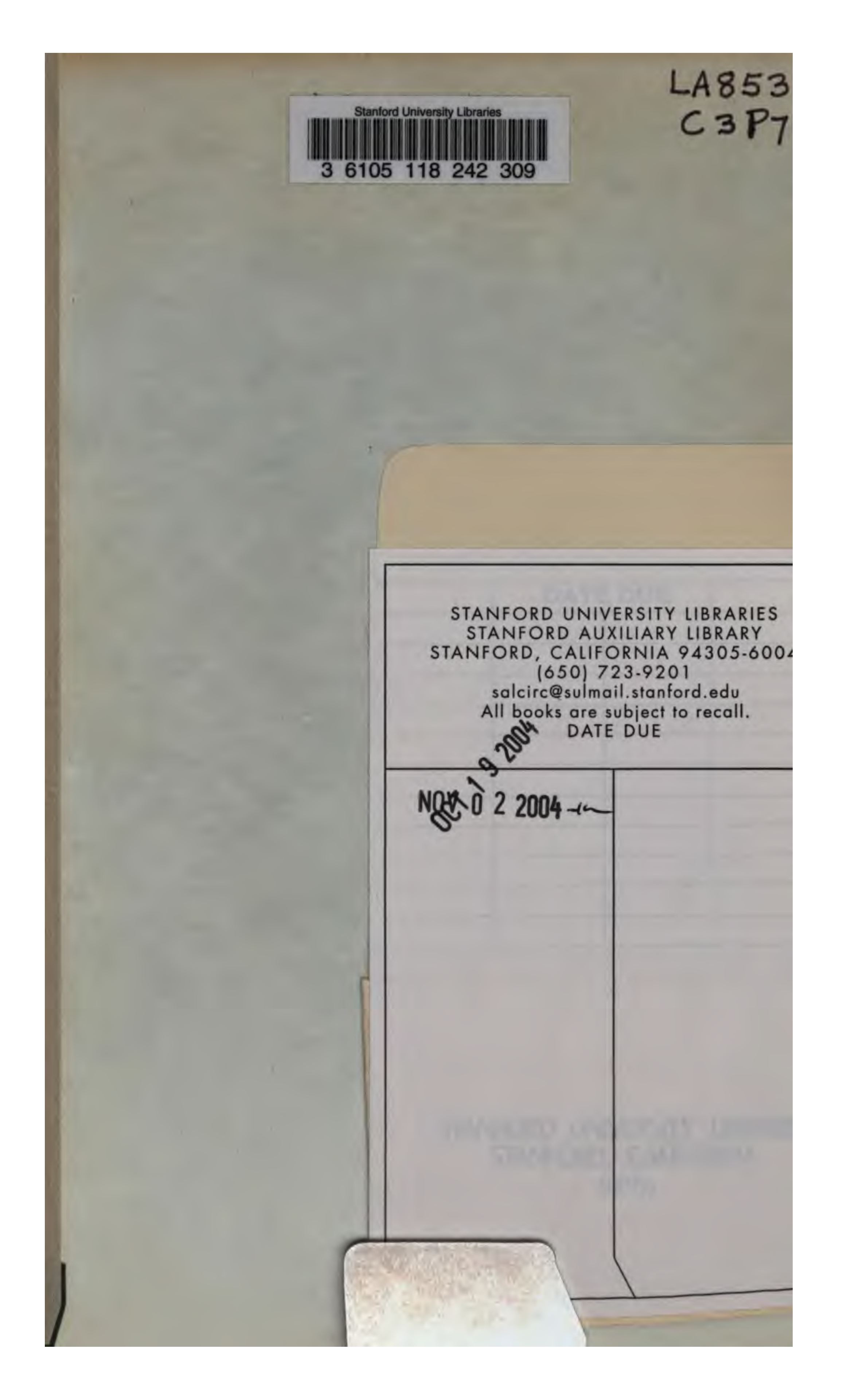
Итакъ послѣ 4-хъ лѣтняго постепеннаго развала нашей русской школы на Кавказѣ (т. е. развалъ), шелъ и идетъ быстрыми шагами къ своему послѣднему, крайне печальному концу и который на пути своего шествія не только не встрѣтилъ въ лицѣ трехъ постепенно смѣнившихъ другъ друга попечителей учебнаго округа (Завадскаго, Лопатинскаго и Рудольфа) упорнаго сопротивленія, но нашелъ даже, какъ это ни ужасно, дѣятельное сочувствіе, попустительство и пособничество своему какому-то демоническому шествію,—нѣтъ никакой надежды на обновленіе и оздоровленіе нашей здѣсь школы. Особенно нѣтъ ея въ настоящее время, такъ какъ теперь усердно поддерживается и культивируется здѣсь все то и всѣ тѣ, что и кто способствуетъ большему развалу нашей кавказской школы. По крайней мѣрѣ всѣ выдающіеся наши революціонеры-педагоги въ послѣднее время благоденствуютъ. Одни изъ нихъ, какъ напр. Шенгеръ, Зачиняевъ и Алдадановъ, награждены чинами; другіе, какъ напр. Агапьевъ, Сиземскій, Шенгеръ, Коляго и др., даже и орденами. Одни, какъ напр. Бутыркинъ, Іосселіани, Константиновичъ и Коченовскій, снова приняты на службу; другіе, какъ напр. Дьячковъ-Тарасовъ, Козюлькинъ, Котылевскій и Крамаренко, даже повышены по службѣ. Одни, какъ напр. Дьячковъ-Тарасовъ и Агапьевъ, получили денежныя пособія; а другіе, какъ напр. Дрбоглавъ и др., оставлены на службѣ еще на 5 лѣтъ. Когда же и кѣмъ кавказское учебное начальство будетъ остановлено въ этой своей преступной дѣятельности? Вотъ мучительный вопросъ который никому изъ благомыслящихъ людей Кавказа не даетъ покоя. Пусть тѣ, кому вѣдать это надлежитъ и кто въ силахъ остановить это дикое шествіе развала русской школы, а съ нею вмѣстѣ и всей нашей государственности, обратятъ свое серьезное вниманіе и на то въ высшей степени важное обстоятельство, что нарисованная мною картина составляетъ, въ силу изложенныхъ выше обстоятельствъ, только самую малую долю той, въ какой въ дѣйствительности находится наша школа здѣсь. Да и какъ вы изобразите эту дѣйствительную картину разложенія многочисленнѣйшихъ учебныхъ заведеній Кавказа во всѣхъ многообразныхъ и даже интимныхъ складкахъ жизни ихъ и обоснуете эту картину на неоспоримыхъ и доказанныхъ фактахъ, когда всѣ, стоящіе у этой школы, отъ мала до велика, стремятся скрыть свою разрушительную дѣятельность отъ взгляда постороннихъ лицъ. Величайшее спасибо мѣстной прессѣ и за тѣ факты, которые ею зарегистрованы. Что кавказское учебное начальство никогда не боролось съ разваломъ ввѣренной ему школы, а только способствовало ему, доказательствомъ послѣдняго служатъ всѣ приведенные мною печальные факты изъ жизни школы въ 1905—1908 г.г., а доказательствомъ перваго служитъ полное отсутствіе рекомендаціи какихъ бы то ни было общихъ, руководящихъ принциповъ или мѣропріятій, а также и полное отсутствіе желанія принять отъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, тѣ или другіе совѣты, какъ сохранить, возстановить и упрочить нашу

школу. Русская школа на Кавказѣ, которая имѣетъ громадное государственно-политическое значеніе, должна быть спасена во что бы то ни стало а настоящіе руководители ея, которые доказали не только свою полную неспособность къ возстановленію ея, но и преступную свою дѣятельность, способствующую еще большему распаду ея, должны быть устранены. Во всякомъ случаѣ должна быть возможно скорѣе назначена строгая ревизія дѣятельности членовъ кавказскаго учебнаго округа, которая бы положила конецъ разрушенію русскаго дѣла на Кавказѣ.

1-го августа 1908 года.

Stanford University Libraries
3 6105 118 242 309
LA853
C3P7
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-9201
salcirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE
OCT 19 2004
NOV 02 2004